РОССИЙСКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕНГРИИ

(1920 – 1940-е годы)

Архивный институт при Культурном, научном и информационном центре Венгрии в Москве

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Институт славяноведения РАН

Комиссия историков России и Венгрии при РАН и ВАН

РОССИЙСКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕНГРИИ

(1920 – 1940-е годы)

Ответственные редакторы:

А.С. Стыкалин

Ева Мария Варга

МОСКВА
2012

УДК 94(47)"1920/1940"(06)+94(439)(=161.1-054.72)"1920/1940"(06)
ББК 63.3(2)-363я431+63.3(4Вен)я341
Р 76

Книга издана при поддержке
Архивного института при Культурном,
научном и информационном центре Венгрии в Москве

Ответственные редакторы:

А.С. Стыкалин, Ева Мария Варга

Авторы текстов:

отец Ким Николай, Колонтари Аттила, Лукьянов Ф.Е., Петрушева Л.И.,
Пихурик Юдит, Стыкалин А.С., Халас Иван, Шереш Аттила,
Шиллер Эржебет, Шкаровский М.В.

Перевод с венгерского:

Волотов О.Г., Колонтари Аттила, Халас Иван, Шереш Аттила,
Цесарская Майя, Юшкан Я.А.

Р 76 **Российская белая эмиграция в Венгрии (1920 – 1940-е годы)**. – М., 2012 . – 220 с.

ISBN 978-5-98604-299-2

В основе сборника статей лежат материалы научной конференции, состоявшейся в апреле 2010 года в Москве в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына. В статьях рассматриваются политические аспекты деятельности, культурная жизнь русской эмиграции в Венгрии, восприятие венгерским общественным сознанием творчества русских писателей-эмигрантов. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России и Венгрии.

ISBN 978-5-98604-299-2

В оформлении обложки использованы фотодокументы Архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Вместо предисловия

> «Каждая изгнанная жизнь бесполезна для общества, так как обоснование изгнания заключается именно в том, что люди старого порядка перестали быть полезными новому порядку, поэтому он вынужден при помощи их удаления облегчить своё положение».
>
> *(Дюла Секфю: Ракоци в изгнании. 1913г.)*

До смены политического строя в России изучение российской белой эмиграции было ограничено идеологическими рамками, только в последние десятилетия XX века появилось множество научных работ по данной теме, в которых нашли отражение военно-политическая и идеологическая деятельность российской эмиграции.

Однако до сих пор почти неизвестен тот факт, что в числе других стран и Венгрия в период между двумя мировыми войнами предоставила убежище нескольким тысячам российских беженцев. Это было сделано несмотря на то, что после поражения страны в Первой мировой войне, буржуазно-демократической и социалистической революций 1918–1919 годов, последовавшей за ними контрреволюции, а также заключения шокировавшего нацию Трианонского мирного договора Венгрия и сама находилась в крайне сложном положении.

Российская эмиграция в Венгрии по своей численности и по своему значению несопоставима с российским зарубежьем в Париже, Праге, Белграде или Софии. Однако в документах некоторых эмигрантских организаций Будапешт все же фигурирует как один из важнейших центров русских монархистов, это был город, принявший выходцев из аристократических – княжеских и графских – родов (Голицыны, Оболенские, Волконские, а также отпрыски знатных родов балтийских немцев), многие из которых были офицерами Белой армии. Одним из заслуживающих внимания эпизодов в истории русской эмиграции в Венгрии было пребывание Антона Ивановича Деникина в стране с 1922 по 1925 г. Как бы то ни было, на территории Венгерского Королевства в 1920-е –1930-е гг. проживало всего лишь 3–4 тысячи подданных бывшей царской империи.

Поэтому не удивительно, что исследователи до сих пор не уделяли большого внимания изучению их истории.

Но в последние годы находившаяся в Венгрии белогвардейская эмиграция стала все чаще попадать в поле зрения исследователей. Лучшим доказательством этому служит проведение в 2010-ом году независимо друг от друга в венгерской и российской столицах двух научных форумов, посвященных данной теме. Основной целью конференции, которую 26 февраля 2010 г. совместно организовали в Будапеште Католический университет им. Петера Пазманя, Центрально-европейская исследовательская группа им. Св. Адальберта и Будапештский Университет Corvinus, было раскрытие ранее неизвестных страниц жизни и деятельности русских белоэмигрантов, проживавших в Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Проблематика эта является менее известным, но в то же время очень интересным цветовым пятном в мозаике истории венгеро-российских отношений.

В Москве 20 апреля 2010 года в Доме Русского Зарубежья имени А. Солженицына, по инициативе Архивного института при Культурном, Научном и Информационном центре (КНИЦ) Венгерской Республики в Москве, состоялся круглый стол „Русская белая эмиграция в Венгрии". Его организаторами были Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, Архивный институт КНИЦ в Москве и Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

В выступлениях венгерских и российских специалистов – участников круглого стола нашли отражение отдельные аспекты истории российской белой эмиграции в Венгрии. К великому сожалению организаторов, дым от извержения исландского вулкана в апреле 2010 года помешал приезду и непосредственному присутствию на научной конференции многих запланированных венгерских участников. Тем не менее круглый стол привлек серьезное внимание профессиональной аудитории, собрал немало слушателей. Очень быстро родилась идея – в соответствии с нашими скромными возможностями издать отдельным сборником прозвучавшие на конференции и не прозвучавшие («превратившиеся в дым») доклады.

В начале 2011 г. под редакцией историка Ивана Халаса был издан том с материалами конференции, проведенной в Будапеште: *Az orosz „fehérgárdista" emigráció Magyarországon (1918–1945). Szerk.: Halász Iván. Buda-*

pest-Esztergom, BCE Nemzetközi Migrációs és Integrációs Karközi Kutatóközpont 2011. Настоящим сборником, выходящим на русском языке, мы также желаем внести свой вклад в выполнение главной цели, поставленной первопроходческим в своей области венгерским изданием. Речь идет о восполнении пробела, а точнее – о наполнении многоцветными красками до сих пор сохраняющегося белого пятна в истории.

Предлагаемый читателю сборник, разумеется, не может исчерпать всей полноты проблематики, связанной с поставленной темой, но надеемся, что он является убедительным доказательством того, что совместное историческое прошлое – каким бы сложным и противоречивым оно ни было – может стать связующим, а не разъединяющим звеном в отношениях между нашими странами, нашими народами. Самое главное состоит в том, что оно – это прошлое – должно освещаться полно и беспристрастно, чтобы оно не становилось средством достижения сиюминутных политических целей.

Ева Мария Варга

А.С. Стыкалин

Российская белая эмиграция в межвоенной Венгрии. Проблемы изучения

На фоне детального, скрупулезного изучения в современной российской (да и не только российской) историографии русской послереволюционной эмиграции в славянских странах (особенно в Чехословакии, Югославии и Болгарии[1]), российская эмиграция в Венгрии до недавнего времени оставалась белым пятном. Лишь в самые последние годы начали вводиться в научный оборот материалы, хранящиеся в фондах Венгерского государственного архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, в других архивных собраниях. Количество серьезных публикаций пока невелико[2]. А в биографиях тех очень немногочисленных видных деятелей русской истории и культуры, часть жизненного пути которых была связана в эти годы с Венгрией (генерал А.И. Деникин, танцовщик Вацлав Нижинский), венгерские периоды жизни до сих пор если хоть как-то отражены, то наиболее скупо и поверхностно[3].

Не слишком большой интерес историков к проблеме российской эмиграции в межвоенной Венгрии имеет свои объяснения. Конечно, Венгрия не относилась к числу важнейших пристанищ русской эмиграции и политических, культурных центров российского зарубежья. Культурная жизнь не столь уж многочисленной русской диаспоры в Будапеште по своей интенсивности, размаху и творческому уровню не идет в сравнение с культурной жизнью в российско-эмигрантской среде Берлина, Парижа, Праги и даже Белграда, а созданные в Венгрии выходцами из России духовные ценности за небольшими, может быть, исключениями (вроде мемуаров Деникина, писавшихся на берегах Балатона) не оставили заметного следа в истории русской культуры[4]. Кроме того, в отличие от Болгарии

и Югославии в Венгрии русские эмигранты не внесли значительного вклада в развитие художественной культуры и науки принимающей страны, российская диаспора вообще была здесь гораздо менее заметна в культурном плане. В свою очередь и венгерские власти не предпринимали в отношении российской эмиграции каких-либо значительных политических и культурных инициатив, таких как, например, «русская акция» Т.Г. Масарика в соседней Чехословакии.

При всем периферийном положении Венгрии на карте российского зарубежья межвоенного периода, ее столица Будапешт все-таки играл в 1920-е годы определенную роль в качестве одного из центров притяжения именно военной эмиграции – приток сюда генералитета и офицерства был обусловлен не в последнюю очередь типологической общностью правоавторитарного режима Хорти и белогвардейских диктатур 1918-1920 гг. Не надо в общем недооценивать и культурного потенциала российской эмиграции в Венгрии, учитывая постоянное присутствие выходцев из аристократических – княжеских и графских – родов (Голицыны, Оболенские, Волконские, а также отпрыски знатных родов балтийских немцев). Достаточно развиты были венгерские связи евразийцев (в том числе жившего в Вене известного филолога Н.С. Трубецкого) и представителей некоторых других идейных течений русской эмиграции. Историкам и культурологам еще предстоит много сделать для реконструкции облика русской диаспоры в межвоенной Венгрии, выявления взаимоотношений российской эмиграции в этой стране с главными политическими и культурными центрами русского зарубежья, изучения венгерских связей видных российских политиков и деятелей культуры, проживавших в других странах. Обращение к венгерскому материалу тем более необходимо, что существующая неравномерность в изучении отдельных пластов в истории русского зарубежья до сих пор затрудняет написание как синтетических научных трудов, дающих целостную картину истории русской эмиграции 1920-1930-х годов, так и биографических, энциклопедических справочников.

Понимание специфики Венгрии как страны, принимавшей беженцев из России, невозможно в отрыве от внутри- и внешнеполитического контекста. Для хортистского режима прием русских эмигрантов и проведение определенной политики по отношению к ним явились логическим

продолжением связей с Белым движением, установленных в 1919-1920 гг., и вырабатывая определенную стратегию действий применительно к эмиграции, окружение Хорти принимало во внимание не только тех русских беженцев, которые находились в самой Венгрии, оно учитывало феномен русской эмиграции во всем его международном масштабе. Важно заметить при этом, что после разгрома коммунистического режима (так называемой Венгерской советской республики в августе 1919 г.) венгерская победоносная контрреволюция становится образцом и примером для русских единомышленников; Хорти и его режим были весьма популярны в белогвардейской среде (особенно среди монархистов и последовательных сторонников жестких военных диктатур). Офицеры армий Деникина, а позже, в 1920 г., Врангеля питали надежды на военное сотрудничество с хортистами в интересах полного искоренения большевизма, что было утопией, поскольку находившийся во враждебном окружении соседей, переживавших бурный процесс государственного строительства (образованных в 1918 г. Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также обретшей себя в новых границах Румынии), режим Хорти был слишком озабочен своими внутренними проблемами, чтобы поспешить на помощь родственным белогвардейским диктатурам, а уже в 1920 г. консервативная политическая элита Венгрии пережила тяжелый стресс вследствие Трианонского мирного договора, сократившего территорию исторической Венгрии втрое[5]. К тому же территории, контролируемые Белым движением, отделяло от Венгрии тысячекилометровое расстояние.

Попытки установления связей все же были предприняты, причем, что интересно, инициативу первой проявила венгерская сторона. По некоторым данным, уже в ноябре 1919 г. приближенные Хорти, в то время пока еще не регента, а верховного главнокомандующего, впервые разработали план посылки венгерских офицеров в ставку Деникина, чтобы прояснить позицию главкома Белой армии на юге России, а также его окружения, в отношении границ Российской империи после ее восстановления. В силу особой остроты венгерско-румынских отношений больше всего в Будапеште интересовались проблемой Бессарабии: намерено ли в перспективе российское монархическое движение вступить в войну с Румынией ради обладания этим краем[6].

Работа по установлению контактов активизировалась летом 1920 г. Новый главком Белой армии на юге России барон Петр Врангель обратился из Крыма с письмом к адмиралу М. Хорти. Написанное на французском языке, оно датировано 14 июля. В письме было высказано признание Хорти за его решительную и успешную борьбу с большевиками, выражена надежда, что в будущем два народа, которых ранее столь многое разделяло, станут ближе друг к другу. Хорти столь же вежливо ответил, что, и по его мнению, два государства, прежде находившиеся в противоположных станах, будут плодотворно сотрудничать на международной арене[7]. Из работ Колонтари известно о поездках венгерских эмиссаров в Крым в целях зондажа ситуации на месте[8]. Однако никакое сотрудничество наладить не успели, к концу осени 1920 г. армия Врангеля потерпела окончательное поражение; остатки войска и часть поддерживавшего Белую армию гражданского населения покинули Россию и через Турцию расселились по разным европейским странам, включая не только соседние с Венгрией Чехословакию и будущую Югославию, но и саму Венгрию, где со временем поселилось несколько тысяч человек (особенно большая партия прибыла из Турции в течение 1922 г.). Сам П.Н. Врангель не воспринимал Венгрию как страну, способную дать приют офицерам и солдатам своей армии. Как писал он впоследствии в мемуарах, «в случае необходимости для нас оставить родную землю нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь многим обязанная Великой России»[9]. Как бы то ни было, хортистская Венгрия приняла часть врангелевской армии.

И после поражения Белого движения режим Хорти продолжал сохранять свою популярность в российских консервативно-монархических кругах, теперь уже эмигрантских. Ветеранов Белой армии сближали с хортистской элитой общность консервативных политических идеалов, приверженность авторитарным методам. Разрабатывавшиеся представителями русской военной эмиграции доктрины борьбы с большевизмом отводили определенную роль режиму Хорти[10]. При этом монархически настроенное русское офицерство не ограничивалось выражением восторгов в отношении контрреволюционной Венгрии (в том числе в прессе), оно

рассчитывало на ответные симпатии своих более удачливых единомышленников, просило у хортистов денег и оружия.

Расчеты на получение помощи от хортистов строились в белогвардейских кругах начиная с весны 1920 г., т.е. еще в месяцы, предшествовавшие окончательному поражению Белой армии на юге России. Историкам известно о контактах представителей венгерской дипломатии в Берлине и Белграде с генералом царской жандармерии М.С. Комиссаровым[11]. Проявляя интерес к получению информации об общем состоянии антибольшевистского движения в России, хортисты весной-летом 1920 г. еще питали некоторые надежды на поражение большевиков вследствие советско-польской войны и действий армии Врангеля с юга России. Но со временем хортисты все более скептически оценивали перспективы Белого движения на юге России, к тому же у них не было полного доверия к генералитету армии Врангеля. На основании стекавшейся в Будапешт информации многие генералы и старшие офицеры этой армии все более воспринимались (и не без оснований) как франкофилы, т.е. союзники тех, кто сыграл решающую роль в подготовке Трианонского договора, воспринятого не только хортистской политической элитой, но подавляющим большинством венгров как беспримерное национальное унижение[12]. Контакты с генералом Комиссаровым и некоторыми его единомышленниками оказались в общем безрезультатными. Хортисты осознавали, что Белое дело в России по большому счету проиграно и средства, запрашивавшиеся Белым движением через этого генерала, будут выброшены на ветер.

Возможно, несколько более удачливым, чем Комиссаров, оказался другой белогвардейский генерал, В. Бискупский, обратившийся в том же 1920 г. к венгерским властям с просьбой о финансовой помощи для осуществления антисоветских акций, и несмотря на отрицательный отзыв, поступивший через венгерскую агентуру от барона Врангеля, получивший определенную часть запрошенной суммы[13]. Другие же аналогичные попытки русских эмигрантов-монархистов вовлечь венгерских единомышленников в военные и политические авантюры антисоветской направленности заканчивались, как правило, неудачей (позже деньги удавалось доставать разве что на содержание беженцев). Хортистская Венгрия, с трудом привыкавшая к новым границам страны и находившаяся к тому же в состоянии экономической разрухи, не была готова оказать серьезной

материальной поддержки антибольшевистскому движению, ограничиваясь выражением моральной солидарности. Если же правящие венгерские круги и соглашались кому-то помочь реально, они нуждались в конкретной информации, хотели знать, на что будут потрачены средства. При этом следует иметь в виду, что по мере отката революционной волны в Европе, стабилизации международных отношений и консолидации самого хортистского режима (связанной с именем премьер-министра графа Иштвана Бетлена) ультраправые политики, склонные к авантюризму, отодвигались на задний план, уступая место более умеренным и осторожным традиционным консерваторам (в первую очередь, из аристократической среды). Эти люди и прежде всего сам граф Бетлен не были склонны к поддержке явно авантюристических акций, предпочитая следить за развитием международной обстановки и выжидать удобного момента для предъявления территориальных претензий Венгрии к соседним странам. Не получила, в частности, поддержки инициатива проживавшего в Болгарии генерала Кутепова, который в начале 1922 г. через офицеров-посредников просил у венгерских властей не денег, а только содействия в покупке большого количества лошадей для Белой армии, которая была бы сформирована на Балканах для вторжения в Россию. К 1922 г. фактически свертывается и работа по формированию в Венгрии белогвардейского легиона. Инициатор этой акции, в прошлом приближенный Юденича генерал Глазенап хотел привлечь в этот легион белоэмигрантов, обосновавшихся не только в Венгрии, но также в Чехословакии и Польше, и ему действительно удалось в 1920-1921 гг. собрать под свои знамена около 1500 человек. Однако венгерские власти не только не считали русских белоэмигрантов серьезной военной силой, но, как показывают новейшие исследования, не были особенно высокого мнения о Глазенапе, считали его политическим авантюристом, а потому со временем отказали ему в реальной поддержке. Кстати говоря, Глазенап имел примерно такую же репутацию и в белоэмигрантской среде, в том числе благодаря своим связям с известным участником политических авантюр писателем Б. Савинковым[14].

Не чуждый наиболее влиятельным в 1920-е годы хортистским деятелям внешнеполитический прагматизм, заставлявший их сторониться явных авантюр, более всего проявился именно в отношениях с Советской Россией, а затем СССР. Хорти и его окружение с крайней враждебностью

и страхом относились к большевизму, тем более, что коммунистический эксперимент 1919 г. в их собственной стране воспринимался как одна из непосредственных причин краха исторической Венгрии в границах королевства «святого Стефана (Иштвана)»[15]. Однако при всей взаимной ненависти СССР и контрреволюционную хортистскую Венгрию сближали не только неприятие Версальской системы, но и общие территориальные претензии к соседней Румынии, что создавало почву для конкретного сотрудничества. Уже начиная с 1922 г. происходят первые попытки сближения Будапешта и Москвы по дипломатической линии[16].

В дальнейшем на негативное отношение хортистской элиты к белой эмиграции (не только в самой стране, но и в более общем плане) повлиял наряду с более прагматическим отношением к СССР и еще ряд факторов. Во-первых, мощная белая эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев поддержала территориальные претензии молодого югославянского государства к хортистской Венгрии. Такую же позицию занимали в сущности и русские эмигранты, поселившиеся на юго-западе Венгрии, в г. Печ и его окрестностях, до 1921 г. находившихся под югославской оккупацией. Собственно говоря, они и осели в этих землях в расчете на то, что они отойдут к КСХС (будущей Югославии). В 1922 г. не хотевший враждебности со стороны Хорти Врангель даже счел нужным командировать в Будапешт из Парижа своего доверенного, генерала Марушевского, которому было поручено успокоить венгерское правительство в связи с интенсивной работой русских белогвардейских организаций на территории Сербии и Румынии и заверить его в «неизменных симпатиях» барона Врангеля[17].

Во-вторых, российские эмигранты-монархисты, поселившиеся в Венгрии, поддерживали более тесные связи с так называемыми легитимистами, т.е. той частью венгерской аристократии, которая выступала за реставрацию Габсбургов на венгерском троне. В 1921 г. последний из коронованных Габсбургов, Карл, в расчете на поддержку легитимистов дважды пытался восстановить свою власть в Венгрии. Однако регент Хорти и его окружение решительно пресекли эти попытки, поскольку были уверены, что возвращение Габсбургов не только усилит сплоченность соседних молодых государств на антивенгерской платформе, но и осложнит отношения Венгрии с некоторыми другими державами (в том числе с Италией), затруднит выход хортистского режима из внешнеполитической изоляции.

Ошибочный выбор русской монархической эмиграции в пользу легитимистов лишил их политического доверия хортистских властей и основной части венгерской политической элиты.

В-третьих, часть русских эмигрантов, проживавших в Венгрии, поддерживала связи с непримиримо враждебной хортистам Чехословакией, а провозглашенная президентом Масариком «русская акция» помощи эмигрантам была воспринята в Венгрии с подозрением, как своего рода средство подкупа российских беженцев (не только в самой Чехословакии, но и за ее пределами) с тем, чтобы заставить их принять Версальскую систему, на пересмотр которой решительно была направлена вся внешняя политика хортистского режима. В 1930-е годы ситуация еще более усугубилась в глазах венгерской политической элиты. Когда ненавистная Хорти Чехословакия (по его выражению, «злокачественная опухоль Европы») стала ориентироваться на союз с СССР, а в 1935 г. заключила с ним договор, это дало регенту венгерского королевства основания в переписке с Гитлером сделать вывод о том, что славянство сейчас «почти идентично с большевизмом»[18].

Хотя среди российской политически активной эмиграции в Венгрии более приемлемые для властей германофилы однозначно преобладали над совершенно неприемлемыми франкофилами, полного доверия не было и к первым. В приводимом в нашем сборнике документе (записке, подготовленной в венгерском министерстве обороны) отмечалось: хотя в среде русских монархистов некоторые считают себя германофилами, но прежде всего они являются панславистами и будут поддерживать любую державу в той мере, в какой она будет способна оказать поддержку панславизму. В Венгрии еще с середины XIX века в силу исторически сложившихся обстоятельств (пророссийские ориентации значительной части национальных движений славян Дунайской монархии, решающая роль России в разгроме венгерской революционной армии и подавлении революции в 1849 г., столкновение интересов российской и венгерской политических элит на Балканах в последней четверти XIX – начале XX в.) панславизм традиционно воспринимался как главная угроза самим основам государственного существования[19]. Стратегическую позицию венгерских правящих кругов, остававшуюся неизменной до конца Первой мировой войны, довольно откровенно выразила еще в 1860-е гг. га-

зета «Pesti napló»: «Мы считаем, что не заслуживает права называться венгерским политиком тот, кто главной опасностью для Венгрии считает не русскую, кто не в естественных противниках русских видит естественных союзников Венгрии»[20].

Таким образом, на отношение к русским эмигрантам были спроецированы традиционные антиславянские и антирусские комплексы и страхи венгерской (и не только консервативной[21]) политической элиты. Российский монархизм представлялся традиционным врагом, опорой центробежных национальных движений, приведших в конце концов историческую Венгрию к трианонскому краху. И дело в принципе не менялось от того, что некоторые русские монархисты при решении тактических политических задач избрали себе в качестве временного союзника хортистский режим. Венгерские чиновники также осознавали, что тяжелые жизненные условия вынудят эмигрантов принимать материальную поддержку независимо от их убеждений. Как явствует из документов, приводимых, в частности, в статьях А. Колонтари и И. Халаса и в настоящем сборнике, в министерстве обороны считали необходимым ограничивать не только деловую, но и светскую активность русских эмигрантов во избежание занятия некоторыми из них таких общественных позиций, которые дали бы им возможность вести разведывательную деятельность. Таким образом, ни о каком серьезном доверии официального Будапешта к русским белоэмигрантам речи быть не могло. Белым офицерам, симпатизировавшим режиму Хорти, трудно было рассчитывать на ответную взаимность. Тем не менее, как показывает в своих исследованиях А. Колонтари, на отказ венгерской стороны от ратификации подписанного в 1924 г. договора с СССР повлияло в определенной степени давление русской белой эмиграции (ее видный деятель, представитель Врангеля А. фон Лампе добился для этого аудиенции у самого Хорти).

Сближение хортистов и Белого движения, обусловленное общностью важных тактических целей, едва наметилось в 1919-1921 гг., но в сущности так и не состоялось. Планы использования эмигрантов против Советской России были отброшены в Будапеште в виду их нереальности, осталось лишь подозрение к людям, склонным к политическим авантюрам. По мере того, как на первый план в политической жизни Венгрии выдвигались не правые экстремисты, а традиционные консерваторы эпохи дуализма (со

своими представлениями о приоритетах венгерской политики, своей системой ценностей, и отдававшие предпочтение привычным им методам), возвращалось и традиционное недоверие к России.

Таким образом, идеи использования российских эмигрантов в интересах венгерской внешней политики были отброшены, сочувствие властей к беженцам из России уступало место подозрению, что отнюдь не благоприятствовало и без того тяжелому положению русской диаспоры[22]. Общая ситуация с русской эмиграцией в Венгрии заметно отличалась от того, что наблюдалось в славянских странах, и более того, едва ли было бы преувеличением сказать, что Венгрия была одной из малопривлекательных для беженцев из России европейских стран.

Существовал целый ряд факторов, препятствовавших притоку русских эмигрантов в Венгрию. Во-первых, Венгрия не была славянской страной, а потому в данном случае отсутствовал такой мотив, как чувство славянской взаимности. Во-вторых, культурные связи до революции не были слишком интенсивными[23]. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как трудность языка. Французским, немецким и английским языками в той или иной степени владела значительная часть эмигрантов (во всяком случае тех, кто принадлежал к высшим слоям дореволюционного общества), тогда как славянские языки были более доступны. В-четвертых, враждебные отношения двух стран до 1918 г. и русофобия венгерской политической элиты, о которой речь уже шла выше. С другой стороны, факторами, способствовавшими притоку эмигрантов, были расположение страны в центре Европы, в соседстве с такими важными пристанищами эмигрантов, как Чехословакия и Югославия, относительная дешевизна жизни в Венгрии середины 1920-х годов, а также относительная близость России (мотив этот играл определенную роль в начале 1920-х годов, когда многие надеялись на скорое возвращение на родину[24]).

По количеству российских эмигрантов, проживавших на ее территории, Венгрия занимала довольно второстепенное место. В 1930 г., по некоторым данным, здесь было чуть более 5000 мигрантов из России. В 1936-1937 гг. было зафиксировано около 4000 выходцев из России с так называемыми «нансеновскими» паспортами (лиц без гражданства)[25]. Таким образом, русские эмигранты не составляли значительного слоя, что заставило бы власти разработать определенную долгосрочную кон-

цепцию отношения к ним, подобно тому, как это имело место в соседней Чехословакии. Вместе с тем, как и в любой другой стране, в Венгрии формируются свои механизмы защиты интересов выходцев из России. До 1921 г. интересы русских эмигрантов пытался отстаивать продолжавший проживать в Будапеште бывший консул Российской империи князь П. Волконский. Непризнание хортистами большевистского режима было для него (как и для других бывших царских дипломатов) аргументом в пользу сохранения собственных дипломатических полномочий. Однако начиная с 1921 г. ввиду явной рудиментарности князя Волконского венгерские власти предпочитали иметь дело с полковником царской и генерал-майором врангелевской армий А. фон Лампе, одним из лидеров «Русского общевоинского союза» (РОВС), довольно видной фигурой российской военной эмиграции. Представляя интересы Врангеля (претендовавшего на главную политическую роль в российской эмиграции) в Берлине, фон Лампе часто наведывался в Будапешт, где принимался самим регентом Хорти, в 1922 г. любезно давшим официальное согласие разместить в Венгрии партию эмигрантов-врангелевцев численностью более 1000 человек, покидавших Турцию. В венгерской столице у фон Лампе, как и у Волконского, был собственный офис, в октябре 1924 г., впрочем, закрытый за неимением средств[26]. С этих пор хортистские власти предпочитали решать проблемы, связанные с положением русских беженцев, с сотрудником ведомства Ф. Нансена (верховного комиссара Лиги наций по делам военнопленных и беженцев) А. Раймоном. В работах И. Халаса и А. Колонтари показано, что, в отличие от эмигрантов, проявивших себя как авантюристы, такие серьезные люди, как Волконский и фон Лампе, были вхожи в правительственные кабинеты и после того, как утратили свой официальный статус. Вместе с тем предпринятая фон Лампе в 1925 г. попытка добиться официальной аккредитации в качестве защитника интересов русских беженцев натолкнулась на отказ – генералу было заявлено, что он претендует на полномочия, входящие в компетенцию ведомства Нансена.

При первой же встрече с А. Раймоном в ноябре 1924 г. уполномоченные венгерского правительства обязались гарантировать русским беженцам все права, прописанные в международном законодательстве, но заявили также о своей неспособности оказать им материальную помощь. По

инициативе Раймона была создана специальная комиссия, которая занималась проблемами материального обеспечения русских беженцев, опираясь на поддержку частных лиц. Комиссия попыталась получить доступ к некоторым банковским счетам, оставшимся со времен царского режима (прежде всего тем, которые находились в ведении царского МИДа и были призваны поддерживать материальное обеспечение российских дипломатических представительств за рубежом). Затея эта, впрочем, закончилась неудачей, поскольку не получила правительственной поддержки.

В элитном слое русской эмиграции в Венгрии доминировали люди правых, монархических убеждений, в том числе, как уже отмечалось, выходцы из аристократических фамилий, находившие сочувствие в венгерской аристократической среде. Особенно хорошо были приняты высшим венгерским обществом (и лучше интегрировались в него) немцы из балтийских баронов, но определенное уважение было оказано и отпрыскам русских аристократических родов. Либералы, а тем более социалисты, как правило, предпочли Венгрии соседнюю Чехословакию, тем более, что венгерские власти в свою очередь проявляли больше охоты приютить консерваторов. Более всего они опасались, что российская эмиграция станет рассадником франкофильства и агентурой главного внешнего врага. С самого начала однозначно плохо относясь к левой и леволиберальной эмиграции, хортисты после негативного опыта с поддержкой легитимистского путча со все большей настороженностью поглядывали и на монархистов, поскольку среди них было не меньше авантюристов, чем в левоэмигрантской среде. Тем не менее в июне 1922 г. в Будапеште удалось провести съезд представителей белоэмигрантских монархических организаций разных стран. В европейской белоэмигрантской среде венгерская столица воспринималась исключительно как один из центров монархической эмиграции.

Отношения внутри русской эмигрантской элиты в Венгрии были сложными. За разногласиями в вопросе о престолонаследии стояли расхождения во внешнеполитических ориентациях между германофилами, воспринимавшими в качестве главы императорского дома Романовых двоюродного брата последнего царя великого князя Кирилла Владимировича, и более франкофильски настроенными сторонниками дяди последнего царя, Верховного Главнокомандующего Российской армией во время

Первой мировой войны великого князя Николая Николаевича. Каждая из партий предпринимала активные попытки скомпрометировать другую в глазах венгерских хозяев. Так, в конце 1923 – начале 1924 г. сторонники Кирилла, зная о том, что люди Врангеля в большей мере поддерживают Николая Николаевича, обвинили фон Лампе в том, что тот состоит на французской службе. Хортистские власти хорошо знали о трениях в эмигрантской среде, но, как уже отмечалось, проявляли определенное недоверие к обеим конкурирующим группировкам.

Самый авторитетный эмигрант, Антон Иванович Деникин, как правило, сторонился активной общественной и светской жизни. «Здесь держит себя вдали от всяких дрязг с достоинством и большой простотой генерал Деникин», – отмечал в приводимом и в настоящем сборнике письме князь П.Волконский. Думается, что в конечном счете именно чувство собственного достоинства заставило Деникина отвергнуть предложение соратников по эмиграции добиться приема у Хорти – русский генерал и венгерский адмирал находились не в равном положении.

Деникин жил в Венгрии в 1922-1925 гг. Здесь были написаны три из пяти томов его известных мемуаров «Очерки русской смуты». Особого доверия власти к нему не проявляли, подозревая в профранцузских симпатиях и просматривая корреспонденцию (особенно во время пребывания в приграничном Шопроне – городе, на который претендовала также Австрия). Однако отъезд знаменитого генерала из Венгрии был мотивирован не политическими причинами, а намерением отдать подраставшую дочь в русскую гимназию во Франции, а также желанием активнее сотрудничать с русскоязычной прессой – во Франции было больше возможностей чтото заработать литературным трудом.

Даже выходцы из наиболее родовитых аристократических фамилий испытывали в Венгрии серьезные материальные нужды. Многим, однако, помогало совершенное владение иностранными языками – они устраивались в качестве преподавателей французского, немецкого и английского языков. Потребность в преподавателях русского языка была невелика. Известно, правда, что бывший царский дипломат М. Самсонов, хорошо говоривший по-венгерски, обучал русскому языку студентов-экономистов, а его статьи (в том числе о международном правовом статусе русских эмигрантов) публиковались в венгерских правоведческих научных изданиях[27].

Было бы, конечно, ошибкой сводить всю эмиграцию к выходцам из высших слоев общества. Довольно много было казаков. Они часто селились в сельской местности, занимались земледелием и со временем адаптировались не к городской, а к сельской среде обитания. Адаптация к венгерским условиям происходила среди казачества быстрее в сравнении с другими слоями эмиграции, поскольку молодые казаки женились на венгерках.

Важным центром, вокруг которого объединялись эмигранты, была русская православная церковь в Будапеште, подчинявшаяся находившемуся в Париже митрополиту Евлогию. Раскол русской зарубежной церкви, связанный с противоборством сторонников Евлогия и карловацкого митрополита Антония, сказывался и на взаимоотношениях русских эмигрантов в Венгрии. Необходимо, однако, иметь в виду, что российская эмиграция в Венгрии не сводилась к православным, довольно высокий процент составляли лютеране, были также католики (чаще всего имевшие польские корни), иудеи, мусульмане.

Неподалеку от православной церкви действовала 6-летняя русская школа. При школе работала библиотека, так, генерал фон Лампе принес ей в дар несколько книг, изданных на русском языке в Берлине. Средней русской школы в Венгрии не было. Некоторые подростки получали образование в не столь уж многочисленных в межвоенной Венгрии немецкоязычных средних учебных заведениях. Но известны случаи, когда эмигранты, хотевшие дать своим детям среднее образование на родном языке, посылали их в русские средние школы Болгарии и Югославии. К середине 1920-х годов в 6-летней школе при церкви обучалось всего 15-20 детей, а потом она закрылась – обучение детей на русском языке становилось в Венгрии совершенно бесперспективным. Пресса на русском языке в Венгрии не издавалась, но получали распространение некоторые газеты, выходившие в других странах (Германии, Югославии).

Наряду с церковью и школой возникали и другие формы сплочения русского общества (например, русские балы). Важным консолидирующим фактором были гастроли выдающихся артистов и музыкантов – Ф. Шаляпина, С. Рахманинова. Собирались вместе для того, чтобы отметить свои традиционные праздники, выходцы из казачества. Русское светское общество, однако, быстро изживало себя по мере того, как уходили в мир

иной старшие поколения, переселялись в другие страны политически активные эмигранты и происходил неуклонный процесс ассимиляции.

Русская эмиграция была неравномерно распределена по стране. Помимо Будапешта ее важным центром, по уже названным причинам, стал Печ. К середине 1940-х годов численность эмигрантов заметно уменьшилась, многие стали жертвами лишений военного времени, некоторые, опасаясь преследований, по мере приближения Красной армии уезжали на Запад. Часть была арестована органами НКВД. Поскольку нансеновские паспорта остались в прошлом, некоторые выжившие приняли венгерское подданство, что, впрочем, в начале 1950-х годов не спасало их от не менее жестоких преследований собственной службы безопасности. Можно, однако, привести и ряд примеров удачной адаптации к венгерским условиям и выживания после длительной полосы мытарств[28]. Некоторым выходцам из эмиграции помогла найти себя в послевоенной Венгрии резко возросшая потребность в переводчиках и преподавателях русского языка. Так, в первые послевоенные годы единственным в г. Пече квалифицированным университетским преподавателем русского языка и литературы был врангелевский офицер Александр Ловягин, поддерживавший связи и с советскими коллегами, приезжавшими в страну[29]. Дальнейшая судьба его теряется в водовороте истории, как и судьбы многих других русских беженцев, оказавшихся в Венгрии.

Примечания

1 См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995; Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000; Косик В.И. Русский Белград. М., 2006; Косик В.И. «Что мне до вас, мостовые Белграда?» Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч.1–2. М., 2007; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005; Ваганова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. Спб., 2007. Из вышедших в последнее время сборников статей, содержащих обширный материал по разным странам, см.: В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго–Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX в. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 2009; Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго–Восточной Европы в XVIII – XX вв. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. Спб., 2011. Следует отметить также регулярно публикующиеся в журнале «Славяноведение» подборки статей по истории российской эмиграции в странах Центральной и Юго–Восточной Европы.

[2] Первопроходческой явилась статья И. Халаса: Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején // Ezredforduló – századforduló – hetvenedik évforduló. Szerk. J. Újvary Zsuzsanna. Piliscsaba, 2001. 531–552. Из опубликованных в последнее время статей следует выделить работу венгерского исследователя А. Колонтари. См.: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго–Восточной Европы. С. 157–181. На русском языке см. также статью обзорного характера: Стыкалин А.С. К вопросу о российской белой эмиграции в межвоенной Венгрии и отношении к ней хортистской политической элиты // Славяноведение. 2009. № 1. С. 40–51. См. также: Халас И. Холодный ветер с мадьярского берега. Русская эмиграция и Венгрия в начале 1920-х годов // Родина. Российский исторический журнал. 2010. №. 11. Специальный выпуск «Россия на Дунае». С. 139–141; Халас И. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европе. Отв. редактор Е.С. Узенева. М., 2010. С. 252-257. Описание судеб некоторых россиян, эмигрировавших в начале 1920-х годов в Венгрию, см. в книге очерков петербургского журналиста В. Аристова: Аристов Вадим. Русский мир Будапешта и Венгрии. Будапешт, 2003. О венгерских связях С.В. Рахманинова, Ф.И Шаляпина, генерала А.И. Деникина писал журналист Ф.Е. Лукьянов (наряду с публикациями в массовой периодике см. очерки в вышеупомянутых сборниках «В поисках лучшей доли» и «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго–Восточной Европы в XVIII – XX вв.»). Как и в Москве, в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына, в Венгрии в 2010 г. состоялась конференция, посвященная истории русской белой эмиграции в этой стране. Ее материалы опубликованы: Az orosz “fehérgárdista” emigráció Magyarországon (1918–1945). Szerk. Halász Iván. Bp., 2011. Важно заметить, что далеко не все выходцы из Российской империи в межвоенной Венгрии принадлежали к русской диаспоре, в их числе были представлены люди многих национальностей. Так, Будапешт был немаловажным политическим центром пантюркистской эмиграции из России. См.: Шереш А. Галимджан Таган и башкирские эмигранты в венгерском «туранском движении» // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского госуниверситета. Отв. ред-р И.В. Крючков. Вып. III. Ставрополь, 2010. С. 97–117.

[3] См., например, биографический очерк: Козлов А.И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории, 1995. № 10. С. 54–74. См. также: Ипполитов г. Деникин (серия ЖЗЛ). 2-е издание. М., 2006. Несколько более интересна в этом плане биография В. Нижинского, написанная его женой: Нижинская Ромола. Вацлав Нижинский. М., 1996. Там, где дело касается генерала Деникина, пробел до известной степени восполняет статья: Лукьянов Ф.Е. Венгерские дни генерала Деникина. «Очерки русской смуты» писались на берегах Балатона // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго–Восточной Европы. С. 182–187.

[4] В. Нижинский, который в 1913 г. женился на венгерской аристократке Р.Пульски, жил в Венгрии в 1921–1924 гг. В это время он был уже психически болен, не концертировал и не участвовал в светской жизни. В последний раз посетил Венгрию вместе с женой в 1946 г., что нашло отражение в венгерской прессе того времени.

[5] В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках

Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс.). Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро–румынских границ).

[6] См. о письме министра иностранных дел Й.Шомшича от 4 ноября 1919 г., адресованном Хорти: Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. 538.

[7] См.: Ibid. См. также: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период. С. 161.

[8] См.: Там же.

[9] Врангель П.Н. Воспоминания. 1916–1920. М., 2006. С. 413.

[10] Так, обосновавшиеся в Болгарии генерал А. Кутепов и его окружение призывали венгерских военных экспертов приехать в Софию для разработки совместно с белогвардейскими генералами конкретных планов действий против Советской России. См.: Halász I. Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején.

[11] См.: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период.

[12] Вследствие Трианонского договора неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и будущая Югославия каждая в отдельности превзошли Венгрию по площади и по численности населения). Внешняя политика хортистских правительств, направленная на ревизию трианонских границ, находила поддержку в самых широких слоях венгерского общества, с немалым трудом психологически адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав–победительниц оторванных от матери–родины. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства.

[13] См.: Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. 542–544.

[14] Ibid., 548–549. См. также сообщение чехословацкого военного атташе в Будапеште о русском контрреволюционном легионе в Венгрии (февраль 1921 г.): Русская военная эмиграция 20–х – 40–х годов. Документы и материалы. Т.1. Книга 2. М., 1998. С. 517–518. В начале 1920–х годов вооруженные отряды, состоявшие из белоэмигрантов, были сформированы также на

юго–западе Венгрии, в районе Печа и Сомбатхея. Занимались этим офицеры войска Врангеля, поселившиеся в КСХС (будущей Югославии). В 1922 г. в Будапешт также выехал из Парижа представитель Врангеля казацкий полковник Небогатов для того, чтобы провести работу среди обосновавшихся в Венгрии 2000 казаков для учета и регистрации желающих записаться в антибольшевистскую добровольческую армию (См.: Там же. С. 273).

[15] «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – такова была позиция Хорти, изложенная в одном из писем Гитлеру (История Венгрии. Т.3. М., 1972. С. 292).

[16] См.: Seres Attila. Két dokumentum az 1922. évi berlini titkos szovjet–magyar tárgyalásákról // Levéltári Szemle. Bp., 2000. № 1. 20–27. С венгерской стороны был проявлен интерес и к установлению торговых связей. См.: Seres Attila. A szovjet piac «meghódítása» és a magyar tőke Trianon után. Iratok a szovjet–magyar vegyes kereskedelmi társaság történetéhez (1923) // Századok, 2006. № 1. Из более общих работ последних лет см.: Kolontári A. Magyar–szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok 1920–1941. Bp., 2009; Seres A. Magyar–szovjet gazdasági kapcsolatok, 1920–1941. Bp., 2010.

[17] Русская военная эмиграция 20–х – 40–х годов. Т. 1. Книга 2. С. 273.

[18] Архив внешней политики РФ. Ф.077. Оп.29. Папка 137. Д.55. Л. 160.

[19] Подробнее см.: Стыкалин А.С. Восприятие русской культуры в Венгрии в XIX – первой половине XX в. в меняющемся историческом контексте. Основные тенденции и этапы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европе. Отв. редактор Е.С. Узенева. М., 2010. С. 487–499.

[20] Цит. по: Diószegi István. Österreich–Ungarn und der französisch–preussische Krieg 1870–1871. Budapest, 1974. 21.

[21] Первая мировая война, где основным противником монархии Габсбургов выступала именно Россия, была поддержана венгерским общественным мнением и на его умеренно левом фланге. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», – писала 3 сентября 1914 г. социал–демократическая газета «Népszava».

[22] Необходимо отметить, что русская диаспора в межвоенной Венгрии не ограничивалась белоэмигрантами. К ней относились также те бывшие военнопленные, которые, выйдя на свободу из лагерей по инициативе правительства Михая Каройи в конце 1918 – начале 1919 г., не захотели вернуться домой (большинство из них обзавелось семьями). Другая категория лиц, относившихся к русской диаспоре – это русские жены венгерских военнопленных, вернувшихся домой.

[23] См.: Стыкалин А.С. Восприятие русской культуры в Венгрии в XIX – первой половине XX в. в меняющемся историческом контексте. Основные тенденции и этапы.

[24] См.: Аристов В. Русский мир Будапешта и Венгрии. С.93.

[25] Halász I. Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején, 546. Согласно цифрам, приведенным комиссаром по делам беженцев всемирно известным норвежским полярным исследователем Ф. Нансеном в отчете для Лиги наций за 1929 г., в Венгрии было зарегистрировано 4764 беженца из России, не имевших гражданства (См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). С.19). Скажем для сравнения, что во Франции в это же время находилось 400 тыс., в Германии 200 тыс. Вместе с тем, согласно приведенным Нансеном данным, в Венгрии в 1929 г. было больше выходцев из России, нежели в Италии (!), Австрии, Швейцарии, Греции, Японии, Швеции, Испании и даже в это время в Турции (Там же). См. также данные, приведенные в статье: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период.

[26] О деятельности фон Лампе в Венгрии см.: Аристов В. Русский мир Будапешта и Венгрии. С. 94–96. См. также (в том числе об отношениях Лампе с представителями ведомства Лиги наций): Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период. Информация о некоторых представителях русской военной эмиграции в Венгрии содержится в книге: Ругич Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и вооруженных сил юга России (Материалы к истории белого движения). М., 1997.

[27] См., например: Szamszonov M.: Az orosz emigráns nemzetközi státusa // Jog– és Államtudományi Szemle. 1936. 1. füzet.

[28] См.: Аристов В. Русский мир Будапешта и Венгрии.

[29] Архив внешней политики РФ. Ф.077. Оп.26. Пор. 44. Папка 119. Л.50–54.

Иван Халас

Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 1920-х годов

Важным следствием Российской революции 1917 года и последующей кровавой Гражданской войны явилось возникновение так называемой русской белой эмиграции. В результате революционных событий Россия тех лет как бы раскололась на две части: на оставшуюся дома, победившую «советскую» Россию и на оказавшуюся за рубежом побежденную «эмигрантскую» Россию.

Русско-венгерские отношения до 1918 г.

Известно, что венгерская политическая элита эпохи дуализма не испытывала дружеских чувств по отношению к царской России, которая воспринималась не только как государство, подавившее венгерскую революцию и национальное восстание 1848-1849 гг., но и как традиционный противник Австро-Венгерской монархии (включая Венгрию) на Балканах. Помимо этого Россия, в качестве поставщика хлеба на европейские рынки, являлась экономической конкуренткой Венгрии, особенно ее аграрных кругов. Наконец, Будапешт всегда подозревал своих восточных соседей в поддержке венгерских славянских национальных движений, оказании им помощи под знаком панславизма. Венгерская элита всегда опасалась панславизма и даже несколько преувеличивала эту опасность. В свою очередь официальная российская дипломатия воспринимала Венгрию через призму своих непростых отношений с Австро-Венгерской монархией и тесно связанной с этим балканской политики. Главным партнером по переговорам, а зачастую и противником царских дипломатов являлось венское министерство иностранных дел двуединой Монархии. Но с целью иметь более полную, непосредственную картину происходящего в Венгрии

Санкт-Петербург в эпоху дуализма основал генеральное консульство в Будапеште, которое действовало вплоть до 1914 г. Его задачей были наблюдение и точная оценка политической ситуации в различных регионах Венгрии[1].

В целом отношения между Россией и Венгрией вплоть до Первой мировой войны являлись достаточно холодными и не слишком интенсивными как в политическом, так и в экономическом смысле.

Венгерская контрреволюция и русские монархисты

Первая мировая война радикально изменила мир и в том числе русско-венгерские отношения. В исторической литературе в свое время получили широкое освещение дружба русских и венгерских большевиков и участие венгерских военнопленных в российской Гражданской войне на стороне красных. Менее известны контакты русских и венгерских белогвардейцев в те же самые годы. Успех венгерской контрреволюции в 1919 г. служил хорошим примером и был источником вдохновения для многих русских монархистов.

Имели место попытки установить прямые контакты между адмиралом М. Хорти и генералом А.И. Деникиным, а затем и П.Н. Врангелем в бытность их командующими действующих армий. Но все-таки более интенсивными были связи хортистской элиты с представителями Белого движения уже в период их пребывания в эмиграции. Роль посредника здесь играли немецкие правые силы, группировавшиеся вокруг генерала Э. фон Людендорфа. Эти силы пытались соединить монархистов разных стран для того, чтобы победить большевиков, восстановить монархии в странах Центральной и Восточной Европы и взять реванш над странами Антанты за поражение в первой мировой войне. Эти планы Людендорф изложил в своем тайном письме к Хорти[2]. В конкретных русско-немецко-венгерских переговорах летом 1920 г. участвовал генерал В. Бискупский, который, кстати, позже сотрудничал с нацистами. Планировалось создать союз монархическо-консервативной Великой России, Германии и обновленной Великой Венгрии. Финансовую поддержку для осуществления своих планов русско-немецкие антисоветские заговорщики хотели полу-

чить от Венгрии, прибегнув с этой целью к использованию фальшивых денег[3]. Венгерские правящие круги, где было немало лиц, не чуждых заговорщической тактике, сначала отнеслись к этим планам позитивно, но потом все же осознали деликатность ситуации. Ведь они уже были в ином положении, нежели их русские и немецкие партнеры. Венгерские контрреволюционеры уже официально правили своей страной, находившейся к тому же в состоянии внешнеполитической изоляции. Поэтому они в конце концов отвергли откровенно авантюристический план, предполагавший среди прочего использование фальшивых денег[4].

Генерал В. Бискупский не был, естественно, единственным русским белогвардейцем, с которым имели дело венгерские спецслужбы и политики. С ними общались и генерал М. Комиссаров, и генерал А. Кутепов, живший в Болгарии. Иногда и офицеры более низкого ранга старались устанавливать связи с Венгрией. Но потенциал «белого» Будапешта для поддержки их планов был, даже после консолидации хортистского режима в этой стране, довольно ограничен.

Русские эмигранты в Венгрии

После упрочения режима Хорти, а также стабилизации общеевропейской ситуации венгерские власти с учетом отрицательного опыта своих контактов с различными авантюристами стали осторожнее, уделяя все меньше внимания работе с русскими эмигрантами. Тем не менее им приходилось в определенной мере заниматься не только политизированными российскими беженцами, находившимися в Германии и в балканских странах, но и появившимся в самой Венгрии русским белоэмигрантским обществом, численность которого колебалась. По данным Офиса Нансена, ведавшего проблемой беженцев под эгидой Лиги Наций, в 1936-1937 гг. в Венгрии проживало около 4000 русских. В то же время, по статистическим данным частных организаций, занимавшихся предоставлением помощи эмигрантам, в начале 1930 г. в Венгрии еще находилось 5045 русских беженцев[5], то есть в целом наблюдалась тенденция к некоторому сокращению их численности. Это сокращение – принимая во внимание большую мобильность эмиграции – было естественным. Современные оценки также подтверждают, что

численность русских беженцев в Венгрии в период между двумя мировыми войнами составляла 3000-4000 человек. При каких обстоятельствах образовалось это сообщество? Почему несколько тысяч человек выбрали именно Венгрию в качестве конечного пункта своих скитаний? Как относились к ним венгерские власти и общественное мнение?

Русская эмиграция в Венгрии, как и все другие подобные сообщества, была неоднородной. С одной стороны, здесь нашли себе пристанище спасавшиеся от большевизма некоторые члены аристократических и буржуазных семей, офицеры белой армии, казаки, многие из них вместе со своими семьями. Были среди беженцев и вдовы военнослужащих, сироты и т.д. Число эмигрантов пополнили также и те русские военнопленные, которые не захотели возвращаться домой.

Начальную инфраструктуру для формирования русской эмиграции в Венгрии как определенного сообщества предоставляли действовавшие в Будапеште до первой мировой войны генеральное консульство и его учреждения. Чрезвычайно важную роль играла русская православная церковь. На улице Сив работала русскоязычная начальная школа-шестилетка, в которой учились дети эмигрантов, надеявшихся на скорое возвращение на родину.

Интересы русской эмиграции в Венгрии вначале отстаивал перед властями князь Петр Волконский, глава прежней царской дипломатической миссии (будапештского консульства), а начиная с марта 1921 г. А. фон Лампе, военный представитель барона Врангеля в Венгрии и Германии. До начала 1924 г. венгерское правительство состояло с ним в полуофициальных отношениях, но после предпринятых попыток дипломатического признания Советского Союза (произошедшего уже позже) ситуация изменилась: имена П. Волконского и А. Лампе формально вычеркнули из списка аккредитованных в Венгрии дипломатов, однако, при сохранении своих экстерриториальных прав, они, с молчаливого согласия властей, могли продолжать свою деятельность. При этом фон Лампе работал не только в Венгрии – начиная с 1922 г. он считался также и берлинским представителем барона Врангеля, поэтому в период 1922-1924 гг. он курсировал между Будапештом и Берлином.

Начиная с 1924 г. все русские эмигранты, соответственно и в Венгрии, оказались лицами без подданства. Об их дальнейшем статусе и ор-

ганизации системы защиты их интересов в начале ноября 1924 г. начались переговоры между послом графом Амбрози и Генри Раймондом, венским представителем комиссариата Лиги Наций по делам беженцев (Офис Нансена). Со стороны венгерского министерства внутренних дел в переговорах участвовал Андор Есенски. Согласно состоявшейся договоренности, защиту интересов русских эмигрантов в Венгрии предполагалось организовать по австрийскому варианту, предложенному Лигой Наций. Венгерское правительство обещало следовать положениям Лиги Наций с той оговоркой, что оно не имело возможностей для материальной поддержки русских беженцев. Поддержание отношений с русскими эмигрантами должно было отныне происходить исключительно через Реймонда, который должен был создать для этого комитет из представителей беженцев. В связи с тем, что сам Реймонд мог проводить в Будапеште только 4-5 дней в месяц, его функции в остальное время выполнял бы постоянный заместитель, к которому и венгерские власти относились бы именно как к сотруднику службы Нансена, а не как к доверенному лицу проживавших в Венгрии русских эмигрантов. Венгерская сторона даже сделала Раймонду конкретное предложение по поводу назначения его заместителя: речь шла о Малама, представителе русского отделения Красного Креста в Будапеште – фигуре приемлемой для всех проживавших в Венгрии «русских фракций»[6].

В дальнейшем венгерские власти строго придерживались договоренности, зафиксированной на этих переговорах. Когда в 1925 г. фон Лампе обратился к министерству обороны с просьбой по- прежнему обращаться с ним как с официальным уполномоченным, министерство отказало ему, ссылаясь на то, что проживающие в Венгрии русские являются лицами без гражданства и их интересы должен представлять уполномоченный Лиги Наций Генри Раймонд. Таким образом, дальнейшее существование представительства «белой» России потеряло актуальность[7].

Русская эмиграция в Венгрии была разнообразной по составу, но в политическом смысле в ней доминировала монархическая, правая составляющая. Это объяснялось тем, что выбравшие Будапешт эмигранты в большинстве своем были германофилами и консервативными монархистами. Были среди них и прибалтийские немцы, и русские аристократы. Венгерские власти относились к ним с несколько большим доверием,

чем к левым и либеральным эмигрантам, большинство из которых были франкофонами.

В среде русских эмигрантов Будапешт считался одним из центров монархического движения[8]. Некоторые лица регулярно приезжали сюда в поисках денег и поддержки, как, например, генералы В. Бискупский и М. Комиссаров, другие обустраивались здесь на продолжительное время и вели организационную работу. Среди последних самой значительной фигурой был генерал Глазенап, вокруг которого образовался целый штаб. В 1920 и 1921 гг. Глазенап попытался организовать контрреволюционный русский легион. С этой целью был сформирован комитет, состоявший из русских офицеров и гражданских лиц[9].

Генерал Глазенап, принадлежавший к достаточно реакционному и однозначно германофильскому крылу русских монархистов, не был единственным политически активным русским в Будапеште. Одним из приближенных генерала был Малама, полковник бывшего кавалерийского полка, жена которого даже организовала в своей будапештской квартире политический салон. Одно время здесь пребывал и генерал Марушевский, имевший тесные связи с окружением Врангеля, через него передавались в Венгрию сообщения от барона. Венгерские власти считали Марушевского франкофоном, что отчасти объяснялось тогдашними внешнеполитическими ориентациями барона Врангеля. Вместе с Марушевским прибыл и русский офицер по фамилии Шерче (Serche), который тоже был известен как франкофон, а в политике считался человеком неопытным[10].

В первой половине 20-х гг. внутри монархического крыла русской эмиграции в Венгрии образовалось два направления. К первому, более малочисленному, относились поклонники великого князя Кирилла Владимировича, родственника царя Николая II. Великий князь Кирилл придерживался прогерманской ориентации уже только потому, что у его жены Виктории, немки по происхождению, имелось много земель и политических связей в Германии. Второе направление составляли поклонники дяди бывшего царя, великого князя Николая Николаевича. В большинстве своем они были франкофилами. Врангель и послушные ему бывшие офицеры и солдаты были близки к этому направлению.

Отношение венгерского населения и венгерских властей к эмигрантам

Каким было отношение венгерских официальных органов и властей, а также венгерского населения к русским эмигрантам в 20-х годах? Судя по частным воспоминаниям, большая часть населения относилась к ним сочувственно, хотя это не всегда сказывалось на материальном благосостоянии. Большинству эмигрантов — если только им не удалось переправить из Советской России хотя бы часть своего имущества — приходилось начинать жизнь с нуля. Естественно, легче было тем, у кого были связи в венгерских аристократических кругах, они временами даже могли помогать другим, как, например, говорившая на многих языках княжна Голицына, сумевшая приобрести хорошие связи в Будапеште. Эмигранты с хорошим образованием, говорящие на многих языках, могли работать преподавателями языков или переводчиками. Так, например, Михаил Самсонов, секретарь бывшей русской дипломитической миссии, преподавал русский язык на экономическом факультете. В более трудном положении оказались эмигранты без связей и денег, казаки, офицеры и простые люди. Они были вынуждены зарабатывать себе на хлеб на заводах, в мастерских или на дому.

Что касается властей и правых политических кругов, то их отношение к эмигрантам было противоречивым. Поначалу они проявляли интерес, пытались видеть в них союзников, иногда даже финансировали деятельность правых эмигрантов (например, генерала Бискупского). По отношению к левым, в том числе эсерам, венгерские власти с самого начала испытывали подозрение[11]. Со временем, однако, после негативного опыта, они стали более осторожными и с монархистами, так как выяснилось, что среди них было немало искателей приключений. Однако с серьезными монархистами власти работали и тогда, когда те уже утратили свой официальный статус. Такими людьми были князь П. Волконский и уполномоченный Врангеля А. фон Лампе, не потерявшие свои экстерриториальные права даже после того, как их имена вычеркнули из списков дипломатов. Здесь надо отметить, что и сами русские эмигранты охотно дискредитировали друг друга в глазах венгерских властей.

С 1925 г. венгерские власти не доверяли полностью ни одной группировке. Начальник отдела министерства обороны в своем письме к министру иностранных дел Калману Каня объяснил это следующим образом:

«Что касается политического восприятия этих двух монархических группировок, можно сказать, что группу [Николая] Николаевича следует считать скорее франкофонской, в то время как поклонники Кирилла акцентируют внимание на своем германофильстве. Однако, несомненно, что обе группы проникнуты идеями панславизма и поэтому ищут опеку такой страны, или готовы служить такой стране, которая наиболее поддерживает их в идее освобождения России. Этой страной сейчас является Франция». Как отмечалось далее, *«с точки зрения интересов Венгрии русские всегда оказывались врагами венгров», и дружелюбие отдельных эмигрантов в отношении Венгрии не изменят общей ситуации. А потому интересы безопасности страны требуют подозрительного отношения ко всем без исключения проживающим в Венгрии русским. Тем более, что после долгих лет лишения и нужды часть эмигрантов настолько «морально опустилась, что за деньги они готовы на все». По мнению автора документа, особую опасность представлял именно интеллигентный слой русской эмиграции: войдя в доверие к некоторым представителям венгерской элиты, эти люди, пользуясь своими общественными связями, могут получить секретную информацию о ситуации в стране и использовать ее против Венгрии»*[12].

Из цитаты видно не только то, что венгерские аристократические круги с сочувствием отнеслись к попавшим в беду собратьям по общественному положению, но также и то, что, пережив период первоначального «кокетничания» с белоэмигрантами и грандиозных общих немецко-русско-венгерских контрреволюционных планов, власти Венгрии смотрели на русских эмигрантов с нарастающим недоверием. Здесь, помимо естественной и совершенно рациональной осторожности, сыграло свою роль и определенное разочарование в русской эмиграции, тоже имевшее под собой основания. К недоверию, вызванному непосредственным опытом общения, примешивались также традиционные венгерские предрассудки и опасения в отношении русских, которые были характерны для общественного сознания Венгрии до 1914 г.

Примечания

[1] Ненашева З. С. Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX-начале XX века (По материалам российских дипломатических служб // Славянский вопрос. Вехи истории. Ред.: Аксенова Е. П., Горяинов А. Н., Досталь М. Ю. Москва, 1997. С. 131.

[2] Horthy Miklós titkos iratai. Sajtó alá rendezte: Szinai Miklós, Szűcs László. Budapest, 1962.

[3] Договор о фабрикации думских рублей. Воля России, 9 декабря 1920 г. С. 1.

[4] Gömöri Endre: Az igazi Trebitsch. Budapest, 1985. 203–204.

[5] Jelentés a Magyarország területén internált kommunistákról és hadifoglyokról. MOL (Magyar Országos Levéltár –Национальный архив Венгрии) K-73. 1920. 89. t. IV-E. 6835. sz.

[6] A magyar hatóságok képviselőinek és Henri Raymond tárgyalásairól készült leirás. MOL K-64 1924. 24. t. 368.. 27. 161–162.

[7] A Magyar Kir. HV Katonai Főcsoport Főnökének levele Kánya Kálmán külügyminiszternek. 1925. május 23. MOL K-64. 1925. 24. t. 196/res. 2–3.

[8] Данные о раскладе политических сил, а также о политической деятельности русской эмиграции в Венгрии нами взяты из трех источников – из материалов венгерского архива иностранных дел, из относящихся к этой теме и уже опубликованных в Москве материалов ГПУ, а также из документов о русских монархических организациях, собранных в начале 20-х годов в Праге и находящихся ныне в Государственном Архиве Российской Федерации. Собиравшие эти документы представители эсеровской эмиграции (так называемый Административный центр) среди прочего занимались наблюдением за своими политическими противниками, русскими монархистами. В эмиграции вообще было принято наблюдать за конкурирующими группировками и деятели левого политического фланга русского зарубежья обладали достаточной информацией о положении дел у российских монархистов.

[9] Сообщение из Будапешта о русском контрреволюционном легионе в Венгрии // Русская военная эмиграция 20- х – 40 -х годов. Том 1. Книга 2-я. На чужбине. М., 1998. С. 517–518.

[10] MOL K-64. 1920. 41. t. I. r. 33–34.

[11] MOL K-64. 1920. 41. t. I. r. 1 (См. об отрицательном отношении к эсеру Лотушину).

[12] MOL K-64. 1925. 24. t. 196. res 132. Полностью приводится в статье А. Колонтари в настоящем сборнике.

Аттила Колонтари

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ БЕЛАЯ ОСЬ [1]

К вопросу о возможностях сотрудничества русской эмиграции с Венгрией

В центре внимания данной статьи два взаимосвязанных вопроса – о переговорах в целях принятия Венгрией русских беженцев и о возможностях политического сотрудничества венгерского правительства с русской эмиграцией. Что касается политической стороны дела, то на первый взгляд нетрудно обнаружить некоторые общие элементы в системах ценностей белого движения и элиты межвоенной Венгрии. В первую очередь это неприязнь к коммунизму, тоска по утраченному довоенному статусу страны. Глава государства, регент Венгрии адмирал Миклош Хорти пользовался определенным авторитетом в кругах видных представителей белого движения, особенно среди военных. Они видели в нем руководителя успешной, победоносной контрреволюции, подавившего в своей стране столь ненавистный им большевизм, хотя по сути дела Хорти никогда не вел таких же масштабных боевых действий против большевиков, как это делали Колчак, Деникин, Врангель и др.

Ориентация на прошлое (в том числе на реставрацию довоенных монархических систем), сходство в занимаемом до войны общественном положении – все это создавало, на первый взгляд, благоприятную почву для сотрудничества венгерских политических деятелей и русских эмигрантов-монархистов. В документах мы часто встречаемся с лозунгом «*восстановление трех держав в Центральной и Восточной Европе в своих прежних, довоенных границах*». В самом начале 1920-х гг. Версальская система казалась нестабильной, часть политиков и военных была склонна считать, что достаточна одна смелая акция, и вся система мирных договоров рухнет. Именно в этот период и родились весьма фантастические планы со-

трудничества немецких и венгерских кругов с русской эмиграцией. Будапешт в документах фигурирует как один из важнейших центров русских монархистов, сюда приезжали и весьма колоритные фигуры (Петр Глазенап, Василий Бискупский, Михаил Комиссаров), некоторые из них были приняты на самом высоком уровне, адмиралом Хорти или тогдашним премьер-министром графом П. Телеки, однако со временем эти встречи были перенесены на более низкий уровень, они, как правило, носили уже не официальный, а всего лишь частный характер[2].

Со стороны представителей белой эмиграции прозвучали предложения создать в Венгрии военные базы (Глазенап, Бискупский), учредить русский банк для эмиссии дореволюционных Романовских рублей (Комиссаров), и т.п.[3] На начальном этапе контактов записи встреч, сводки, составленные чиновниками разных венгерских ведомств, нередко сопровождались выводом о том, что Венгрия заинтересована в поддержке хороших отношений с той или иной группой эмиграции, однако со временем эти выводы уступили свое место сомнениям, осторожности, подозрениям, скептицизму в отношении эффективности и целесообразности сотрудничества. В 1920 г. венгерское правительство свою поддержку ставило в зависимость от того, в какой степени эти группы пользуются доверием Врангеля, которого считали легитимным представителем русской государственности. С лета активизировалась тайная венгерская разведывательная деятельность в Крыму, но пока разведчики вернулись и представили свои донесения генштабу и правительству, было уже поздно, армия Врангеля уже была эвакуирована из Крыма[4].

Военный представитель Врангеля в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, генерал Артамонов Виктор Алексеевич в ходе переговоров с Анталом Мадьяри, советником венгерского посольства, не раз предлагал учредить в Венгрии официальное представительство Крымского правительства. В Будапеште было решено дать пока уклончивый ответ на это предложение. По мнению министерства иностранных дел, это, с одной стороны, было бы желательным, потому что таким образом в венгерской столице была бы постоянная миссия вместо различных «доверенных лиц», время от времени прибывающих и убывающих, относительно которых часто было сложно выяснить, кого они представляют на самом деле. С другой стороны, в Будапеште понимали, что из-за слабой материальной

обеспеченности Врангеля, его представительство нуждалось бы в финансовой поддержке венгерского правительства. Возник вопрос: стоит ли в условиях послевоенного экономического кризиса, «*при общеизвестном расточительном образе жизни русских*», инвестировать средства в этот проект, можно ли извлечь политическую пользу из него[5].

В октябре 1920 г. в Будапешт прибыл генерал Александр Иванов из окружения Врангеля. При отсутствии полномочий он мог вести беседы только с одним из офицеров связи в Министерстве обороны. В ходе этих переговоров он не скупился на комплименты в адрес венгерского правительства, провел параллели между судьбами Венгрии и России, подчеркнул общность их интересов. Венгрия счастлива, говорил он, что во главе страны стоит такой человек, как регент Хорти. «*Возрождение Венгрии им всегда служило примером. Они сочувствуют борьбе венгров за свои старые границы... Ждут того момента, когда Венгрия снова будет сильной и независимой.*» Иванов выразил пожелание, чтобы венгры назначили своего дипломатического представителя в Крым[6]. Эти предварительные зондажи не были прерваны падением Крыма, они, правда, при других обстоятельствах, но продолжались. В начале 1921 г. уже упомянутый Антал Мадьяри уведомил Дмитрия Николаевича Потоцкого, военного агента Врангеля в Белграде, о согласии венгерского правительства принять представителя Главнокомандующего Русской Армией в Будапеште[7].

Назначенный генералом бароном П. Н. Врангелем полковник (с 1923 г. генерал-майор) Алексей Александрович фон Лампе был первым, официально признанным постоянным представителем Белой России в Венгрии[8]. Его должность была учреждена уже после эвакуации Крыма, следовательно его основная задача заключалась в том, чтобы добиться согласия венгерского правительства разместить в стране контингенты или хотя бы отдельные группы офицеров и солдат врангелевской армии. Судя по его рапортам и дневниковым записям, фон Лампе сильно стремился к этому назначению и ревниво относился к другим кандидатурам (конкретно, к возможной кандидатуре генерала Владимира Марушевского, который уже имел свои связи в Венгрии). Он даже связывал свою будущую карьеру с этим постом: «*если не буду окончательно назначен в Венгрию, подам в отставку*». Наконец фон Лампе дождался, добился своего: «*Визы для меня готовы! Ура!*»[9].

Фон Лампе в окружении Врангеля был одним из немногих, если не единственным, во всяком случае самым последовательным сторонником «*венгерской ориентации*». Наличие в Венгрии белого, радикально антибольшевистского режима представлялось ему существенным аргументом в пользу того, чтобы русская эмиграция делала ставку в своих расчетах именно на эту страну. В определенном смысле «провенгерских» симпатий Лампе не могли перевесить другие аргументы – приверженность идее славянской солидарности (и в этой связи ориентация на чехов и сербов), или же желательность ставки на крупные державы – страны-победительницы (главным образом на Францию), либо наоборот, на побежденную Германию. Сохранившая иммунитет от большевизма Венгрия казалась фон Лампе островом порядка и спокойствия во взбаламученном европейском море. Хотя, как он отметил в своем дневнике: «*У меня нет сознания, что это прочно*». Во время того или иного политического кризиса он не без волнения констатировал возможность левого поворота[10].

Фон Лампе относился к своей новой должности весьма серьезно, свое назначение в Белую Венгрию считал «*не из обыденных*». Поэтому он был явно недоволен и начальником штаба Павлом Николаевичем Шатиловым и самим Врангелем, которые, по его мнению, не уделяли достаточное внимание «венгерскому вопросу». При передаче верительной грамоты и письма, адресованного адмиралу Хорти, Врангель принял фон Лампе всего на 2-3 минуты: «*Ничего решительно он мне не сказал, ничего не приказал, все было на скаку и на карьере*». А инструкции, полученные от Шатилова, он прямо назвал смехотворными. Суть их свелась к тому, что, если возможно, «*перевозим в Венгрию армию Пермикина или всю нашу армию*». «*Молод он, ох как молод и не только летами, но и характером, для той большой роли, которая ему выпала*», – писал Лампе в своем дневнике о Шатилове в связи с этим эпизодом[11].

Приехав в Венгрию, фон Лампе с большой энергией взялся за решение поставленной перед ним задачи. Он был принят министрами иностранных дел (Густав Гратц), обороны (генерал Шандор Беличка), а 23-го марта его принял регент Венгрии, адмирал Хорти. На этой встрече стоит остановиться несколько подробнее. С регентом они легко нашли общий язык и долго разговаривали о большевистской опасности, и о том, что только русские и венгры знают, что представляет собой для Европы эта угроза.

Все эти встречи происходили – как отметил фон Лампе – в обстановке любезности: как министры, так и Хорти выразили готовность помочь армии Врангеля, но сразу же оговорились, что все зависит от разрешения Антанты. Это, с одной стороны, действительно было так, ведь побежденная и расчлененная Венгрия действительно находилась под полным контролем союзнических держав. Но, с другой стороны, это обстоятельство в случае необходимости давало венгерскому правительству удобный повод отклонить попытки сближения и просьбы разных представителей русской эмиграции о помощи и о сотрудничестве. «*Вообще, несмотря на любезный прием, я должен сказать, что о нас он* /Хорти – А. К./ *думает мало, и как силу, нас не учитывает... Говорил, что глубоко сочувствует нашему положению, но это слова, ему нужна сила, а в нас, плененных французами, он повидимому, ее не видит*»[12]. Тут фон Лампе несомненно преувеличивает роль Хорти, как возможного лидера в процессе «сплочения белых сил» в международном масштабе. Возможности регента Венгрии на самом деле были весьма ограниченными, не выходили за рамки выведения из кризиса побежденной страны, находившейся под контролем держав-победительниц. На этом первом приеме Хорти произвел на русского военного представителя впечатление сильного, волевого человека: «*Видно, что он знает, что такое власть, и даром ее не сдаст никому, кроме короля, так как я думаю, что он лоялен... Сильный, повидимому честный роялист, он боролся и борется честно, как боролся* /так в тексте!/ *Корнилов и Деникин... Человек он недюжиный и свидание с ним я считаю исключительно интересным.*»[13].

Единственным политическим деятелем, к которому фон Лампе с самого начала относился сдержанно и критически, был Калман Каня, «*бессменный товарищ министра*» иностранных дел. Эпитет фон Лампе безусловно точный, потому что министры приходили, уходили, а он оставался на своем посту, его не без оснований считали одним из основных творцов венгерской внешней политики[14]. Калман Каня был представителем традиционной школы австро-венгерской дипломатии. Фон Лампе характеризует его как сухого человека, большого русофоба, от которого, к сожалению, зависит многое: именно он может помешать делу переброски[15].

Положение фон Лампе было затруднено и тем, что политические события (две попытки короля, Карла IV, вернуться на престол, южновенгерский и западно-венгерский вопросы)[16] время от времени отвлека-

ли внимание общественного мнения и политических деятелей от вопроса переселения русских солдат и офицеров. К примеру, первое возвращение Карла IV в апреле 1921 г., через несколько дней после приезда фон Лампе, повлекло за собой уход в отставку правительства графа Телеки. «*От перемены министерства теряет и наше дело*», «*правительству не до нас*» – констатировал в своем дневнике фон Лампе[17].

К этому времени обострилась ситуация и в районе черноморских Проливов, где были размещены части армии Врангеля. Относительно будущей судьбы остатков Русской Армии между позициями Врангеля и французов наметились разногласия. Французы явно не желали, чтобы Врангель сохранил армейскую структуру и военные кадры за рубежом, и угрожали прекращением субсидирования беженцев. Врангель же, наоборот, всеми силами старался не допускать распыления военных соединений, в которых он видел ядро будущей армии и залог возрождения России. Фон Лампе, как и все военные представители, получил циркулярное письмо из Константинополя за подписью Шатилова со следующим указанием: «*Главнокомандующий просит Вас немедленно принять при содействии посланника новые решительные шаги для получения согласия Правительства на прием под любым видом возможно большого числа офицеров и солдат*»[18].

В сложившихся обстоятельствах надо отдать должное энергичности фон Лампе. Он неоднократно встречался с венгерскими министрами, парламентариями, с дипломатическими и военными представителями великих держав в Венгрии, писал письма папскому нунцию (дуайену дипломатического корпуса в Будапеште) с тем, чтобы выяснить возможности переброски остатков войск и ускорить принятие решения. Кроме этого, он уделял большое внимание обработке венгерского общественного мнения. Он вместе с другими эмигрантами вошел в русскую секцию так называемого «Антибольшевистского Комитета», предлагал предоставить венграм материалы об убийстве царской семьи, дабы побудить в них сочувствие и соболезнование к русским эмигрантам[19].

Ко всем трудностям еще прибавилось то обстоятельство, что стремления отдельных представителей русской эмиграции часто шли вразрез планам фон Лампе. Военный представитель Врангеля в Венгрии не без досады констатирует в своем дневнике, что русский посол в Белграде Василий Николаевич Штрандтман задержал у себя письмо Главнокомандую-

щего, адресованное адмиралу Хорти, потому что опасался, что оно может испортить отношения с Сербией[20]. Фон Лампе вообще не питал особой симпатии к Штрандтману, воспринимал его больше как серба (в душе), чем как русского, и считал ненормальным, что назначенный на свой пост еще Омским правительством Колчака Штрандтман самовольно решает, исполнить ли то или иное указание Врангеля или нет[21]. Он полагал, что может в гораздо большей степени опираться на военного агента Врангеля в Белграде Дмитрия Потоцкого, который принял непосредственное участие в подготовке поездки фон Лампе в Венгрию.

Немало усилий прилагал фон Лампе и в целях дискредитации в глазах венгерских властей и представителей Антанты генерал-лейтенанта Петра Владимировича Глазенапа, который время от времени появлялся в Будапеште со своей идеей создать антибольшевистские вооруженные формирования из русских эмигрантов-военных на территории Венгрии. При этом Глазенап постоянно ссылался на согласие и поддержку французов. По данным советской разведки в Будапеште, в течение 1920-1921 гг. под командованием уже упомянутого генерал-лейтенанта Глазенапа находилась хорошо организованная вооруженная группировка в составе 1500 человек. Она включала в себя 2 пехотных батальона, артиллерийский отряд и кавалерию. Ее штаб находился на улице Фехервари, и ее деятельность якобы финансировалась венгерским правительством[22]. В венгерских архивах до сих пор не удалось найти документальное подтверждение этого факта. Хотя фон Лампе в своих дневниковых записях упомянул, что Глазенап якобы получил на создание антибольшевистской организации 15 миллионов венгерских крон, он руководствовался только лишь информацией из окружения самого же Глазенапа, с трудом поддающейся проверке. Со временем фон Лампе сам пришел к выводу, что большая часть сказанного Глазенапом является плодом фантазии или блефом. Учитывая сдержанное отношение венгерского правительства к русской эмиграции в целом и недоверие к личности Глазенапа в частности, вряд ли можно говорить о его серьезной поддержке со стороны венгров. В Будапеште его считали политическим авантюристом, сожительствовавшим к тому же с баронессой Фредерикс, муж которой *«служил советам»*. В венгерских документах упоминается, что раньше Глазенап, будучи генералом армии Юденича, якобы похитил 25 тысяч фунтов у Северо-Западного Прави-

тельства[23]. Не исключено, что эта информация поступила к венгерскому правительству именно от фон Лампе. Последний видел в Глазенапе своего главного конкурента в Венгрии, который мог помешать с осуществлением проекта по переброске в страну частей врангелевской армии. В ходе будапештских встреч Глазенап настойчиво убеждал фон Лампе в том, что французы отвернулись от Врангеля, «*на нем надо поставить крест*»[24]. Это в определенной мере было правдой, но Глазенап при этом утверждал, что именно он якобы пользуется доверием и поддержкой французов, он выдвинул и широко разрекламировал идею о необходимости создания нового вооруженного формирования из «свежих элементов» (выдавая желаемое за действительное, он говорил о 15- тысячном кавалерийском корпусе), во главе которого, конечно, должен был стоять он сам. Лампе никак не мог понять, зачем надо было распускать действующую, существующую армию, а потом уже вместо нее создавать новые формирования, и пришел к выводу, «*что Глазенап врет*»[25]. Как мы видим, своими рассказами Глазенап ничуть не мог пошатнуть доверие и лояльность Лампе к Врангелю, в котором он видел единственного легитимного вождя Русской Армии, считая своим долгом во что бы то ни не стало выполнять его указания и решительно выступать против тех представителей русской эмиграции, которые могли помешать ему в этом: «*Я все же поставлю на своем и не допущу никого совать нос, куда его не спрашивают.* /так в тексте!/»[26].

Говоря об имевших место в белоэмигрантской среде разного рода стремлениях вступить в контакт с Белой Венгрией, следует упомянуть еще одну маленькую, но любопытную деталь: письмо бывшего донского атамана Петра Николаевича Краснова в мае 1921 г. на имя Хорти с предложением принять казачьи части на службу в венгерскую армию. Венгерский перевод этого документа находится в будапештском Архиве Военной Истории, рядом с ним хранится письмо полковника Ильи Петровича Карташева, адресованное депутату парламента, капитану в отставке генерального штаба Дюле Гэмбэшу[27]. Из этих документов вырисовывается весьма далеко идущий план. Казаки – по словам Краснова – по желанию Хорти могут выставить соединения от полка (1000 человек) до кавалерийского корпуса (15 000 человек). От венгров Краснов ожидал в первую очередь предоставления приюта и материальной поддержки. В обмен на это казачьи части, сохранившие свою организационную структуру и фор-

мы, под командованием своих офицеров боролись бы против внешних и внутренних врагов Венгрии (любых стран за исключением Сербии, Болгарии и Турции), приняли бы участие в охране границ и общественного порядка «*в рамках героической венгерской армии, которую они научились уважать еще во время мировой войны*». Краснов ссылается здесь и на пример французских иностранных легионов, на латышские и китайские части Красной Армии. Эти соединения, по его словам, являются тем более надежными (беспрекословно выполняя любые приказы) в силу того, что их бойцы не понимают языка местного населения, не знают местных традиций, стоят далеко от местной политики. Пункт 5 проекта Краснова гласил: «*Срок службы по контракту 3 года с момента принятия присяги. После истечения срока контракт может быть продлен. Если до конца срока контракта в России будет создано законное правительство и казаки смогут вернуться на свою родину, венгерское правительство отпустит их в организованном порядке, с оружием и с обозом, за что русское правительство возместит все расходы* /венгерского правительства – А. К./. *Это будет так и в том случае, если освободится только часть России, которая позовет казаков, и казаки положительно отзовутся на этот призыв.*»[28] Главную выгоду этого плана для венгерского правительства Карташев видел в том, что если генерал Краснов будет жить в Венгрии во главе хотя бы 1000 казаков, он будет настолько популярен, что ему стоит только отдать приказ, как все казаки и военные поспешат к нему на территорию Венгерского Королевства. Таким образом, можно будет развернуть мощную армию в защиту венгерских интересов. Карташев прямо пишет о русско-венгерском союзе и братстве по оружию[29].

Пока неизвестно, дошло ли упомянутое письмо до адмирала Хорти или же оно застряло в недрах министерства обороны. Карташев вел переговоры с чиновниками министерств обороны и иностранных дел, но в обоих ведомствах к нему относились с большой осторожностью и довольно быстро поставили крест на предложении Краснова. В информационной сводке было указано, что живущий уже два года в Берлине Краснов в свое время действительно был популярным в белогвардейской среде военачальником, но в силу своего германофильства в результате антантовских интриг он был изолирован, от него отвернулись и влиятельные монархические круги эмиграции. Сегодня у него, как отмечалось в сводке,

больше врагов, чем друзей, поэтому исход предпринятой им акции даже в случае венгерской официальной поддержки представлялся весьма сомнительным[30].

Усилия Карташева и Краснова окончательно свел на нет фон Лампе, когда он в своем разговоре с подполковником Германом Покорни сообщил венграм, что Краснов ничего не знает о миссии Карташева и его «мнимое письмо», по всей вероятности, есть фальшивка[31]. Однако дело обстояло несколько иначе. Фон Лампе, который относился с явной настороженностью ко всем планам, идущим вразрез его стремлениям перебросить часть врангелевской армии в Венгрию, обо всем информировал свой штаб и вел переписку по этому вопросу с Красновым. Последний в своем письме от 31-го мая 1921 г. уведомил фон Лампе, что Карташев не является его доверенным лицом по той причине, что он (Краснов) никакой официальной должности сейчас не занимает. Однако учитывая тяжелое, безвыходное положение казаков, интернированных в Польше и Германии, он снабдил Карташева письмом к руководству Венгрии с просьбой пойти на помощь казачеству, чтобы оно было не в тягость, а действовало на пользу стране, обеспечившей ему приют[32]. Краснов называл свой план смелым и радикальным, основанным не на полумерах. В письме, адресованном фон Лампе, от 21-го июля он мотивировал свой поступок стремлением воспрепятствовать разложению казачества: «*...я задумал предложить Венгрии создать в своей кавалерии казачьи части..., чтобы сохранить выучку казаков, их боевой дух, умение ездить и не быть в тягость государству. Написал об этом Хорти. Вот и все*»[33]. На основе вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что обнаруженный в будапештском Архиве Военной Истории венгерский текст является точным переводом письма бывшего Донского Атамана.

Тут еще следует остановиться на некотором своеобразии отношения фон Лампе к генералу Краснову. В частном письме, адресованном генералу Шатилову, фон Лампе с сожалением констатировал обиду Краснова на Главнокомандующего (т.е. Врангеля) «*за нежелание прислушаться к его* (Краснова – А. К.) *словам*». А Краснова он в свою очередь уверял, что его выводы ошибочные, Врангель относится к нему благожелательно и с уважением. Фон Лампе старался выступить посредником между двумя крупными лидерами белого движения с тем, чтобы в интересах общего

дела содействовать разъяснению обоюдных недоразумений. Он считал, что «*Краснов нам более чем нужен.*»[34] Что касается его венгерских планов, фон Лампе просил Краснова «*сообщить Ваши предложения мне, чтобы я, в силу трехмесячного пребывания здесь, более знакомый с венграми, смог применить Ваш план или часть его, если и не специально к казакам, по вопросу о которых я не имею особого поручения от Главнокомандующего, а вообще к Русским офицерам, которых и Вы имели ввиду*»[35]. Эти слова по сути дела являются вежливым предупреждением в адрес Краснова не действовать в обход и без ведома представителя Главнокомандующего. Что касается офицеров, Краснов тут же оспорил трактовку фон Лампе: «*В Венгрии я думал только о казаках, а не об офицерах. Об офицерах есть кому и без меня подумать*». Ситуация, по его мнению, тем более трагическая, что казаки вышли из повиновения и могут превратиться в белых рабов или наемников «*в руках кондотьиери (так в тексте – А.К.) низкой марки*». Краснов считал себя единственным человеком, кто может объединить и спасти казаков и за кем казаки готовы пойти[36].

Во всей сложной истории вопроса о возможной переброске частей врангелевской армии в Венгрию можно выявить следующие моменты. У Алексея фон Лампе вначале были далеко идущие планы в этом отношении, хотя он четко осознавал и те препятствия, которые могли помешать их осуществлению. Смысл переброски он видел в возможном будущем сотрудничестве с Венгрией (в своем дневнике местами он даже пишет о единении двух белых армий, боровшихся и готовых и впредь бороться с большевизмом[37]), в налаживании основ белой солидарности. Преимущество Венгрии по сравнению с другими странами фон Лампе виделось в том, что армия здесь могла получить не только материальную, но и не менее необходимую моральную поддержку. Судя по архивным документам, он серьезно верил в возможность и желательность союза с Венгрией и усердно работал в этом направлении. Как все военные представители Врангеля на местах, он получил доклад информационного отдела Главнокомандующего, в котором при анализе положения армии говорилось, что бывшие друзья (Англия, Италия, Франция) стали открытыми врагами, появились новые враги (Польша, Румыния и т.д.), а вот новых союзников не приобретено. В этом месте текста на полях листа имеется помета фон Лампе: «*А Венгрия?*»[38] В своем обращении от 31-го мая к венгерскому

народу через министра обороны он просил протянуть руку тем русским, которые всегда боролись с большевизмом, «*хорошо известным и самим венграм, оказавшимся более счастливыми в такой же борьбе и вырвавшим из рук разбойников ядро своей родины*», оказать помощь тем, «*кто в тяжелые дни европейской войны был благородным противником, и теперь в период тягостных революционных переживаний стал единственным товарищем венгров по несчастью*». И когда они в будущем вернутся на родину, сохранят «*признательность к венгерскому народу, пойдут с мечтой когда-либо мощной русской рукой отплатить за оказанную им в тяжелую минуту помощь*»[39]. В памятной записке от 17-го апреля он к этому прибавил, что Хорти является единственным человеком, кто может идти на помощь Врангелю, так как они оба имеют общий опыт в антибольшевистской борьбе[40]. В своем донесении к Шатилову при характеристике политической атмосферы в стране фон Лампе перечисляет следующие благоприятные моменты: венгры, по его словам, не только понимают опасность большевизма, но и осознают, что освобождение от тягостного для них Трианонского договора, собирание расхватанной страны может состояться только при помощи России, они при этом порой даже забывают 1848 год (то есть царскую интервенцию в 1849 г. – А. К.)[41].

Венгерские власти на словах с самого начала положительно отзывались на просьбу фон Лампе о переброске врангелевских войск, и всячески уверяли его в готовности помочь, выражали свое сожаление по поводу тяжелого положения русских беженцев-патриотов. Но когда настало время конкретных действий, дело сразу было заторможено, и собеседники фон Лампе начинали ссылаться на собственные трудности Венгрии, на неразрешенность судьбы венгерских беженцев с отторгнутых Трианонским договором территорий, и главным образом на полную подчиненность страны представителям Антанты. К этому еще прибавилось, что в 1921 г. уже шли переговоры между представителями венгерского и советского правительств об обмене арестованных и осужденных в Венгрии коммунистов на задержанных в Советской России венгерских военнопленных офицеров-заложников. Венгерские власти опасались, что прием ими белых беженцев может затруднить соглашение с Москвой[42].

Среди венгерских политиков тоже были такие, кто подобно фон Лампе видел смысл поддержки русских эмигрантов в будущей дружбе с Рос-

сией и в объединении белых сил. Одним из них был депутат парламента от партии мелких хозяев Эрне Мозер, нотарий парламентской комиссии по внешнеполитическим вопросам. Фон Лампе неоднократно встречался с ним[43]. Карой Вольф, лидер христианско-националистической партии, тоже высказался перед фон Лампе за необходимость поддержки «русских патриотов» со стороны венгерского политического класса и всего общества[44]. Через них фон Лампе пытался влиять на первый эшелон венгерских лидеров, в том числе на министра иностранных дел графа Миклоша Банффи. Однако венгерское правительство в течение долгих месяцев не решалось дать определенно положительный ответ, на основе которого можно было начать переброску. Фон Лампе иногда серьезным результатом считал даже то, что ни от кого не получал отказа на свое ходатайство[45].

Эту медлительность Лампе, с одной стороны, объяснял бюрократической инерцией, а с другой – присущей венграм склонностью затягивать дела. В своем дневнике он очень образно и не без досады пишет об этом: «*Сегодня три месяца, как мы здесь, а добиться результатов мы еще все от венгров не можем, не удалось. Не знаю, записал ли я уже свою мысль, что пробить стену лбом (крепким, конечно) можно, но провертеть головой подушку едва ли! Здесь никто не отказывает, все обещают и... только. Удовлетворения никакого, но и отказа нет*». Или в другом месте: «*Трудно с венграми, они, как вата, вязнешь в их любезности и обещаниях, а на деле ничего.... Своеобразный народ*!» «*Даже попытки получить чай, сахар, шоколад, домино для общежития – кончились ничем. Венгры богаты, но ничего не дают, а заявляют об американском Красном Кресте и направляют туда – спасибо, я это и сам умею*»[46]. Что касается богатства венгров, то фон Лампе тут явно преувеличивает. Разоренную, расчлененную, разграбленную румынскими оккупационными войсками Венгрию вряд ли следует представлять себе земным раем, но ощутимый разрыв между обещаниями и их выполнением, несомненно, соответствует действительности.

К июню месяцу после долгих и энергичных хлопот фон Лампе получил два известия (от венгерского правительства и от представителей Антанты), которые можно было считать своего рода ответом на его ходатайства. Министр обороны генерал Шандор Беличка в частном порядке сообщил ему, что Венгрия в принципе готова выполнить просьбу относительно переброски врангелевских войск, задержка объясняется тем, что представи-

тели Антанты не имеют указания по этому вопросу от своих правительств. Через несколько недель министр иностранных дел граф Банффи повторил ту же версию, о чем фон Лампе докладывал своему начальству[47]. Фон Лампе старался добиться получения письменного подтверждения принципиальной готовности венгров обеспечить приют для офицеров и солдат русской армии. На основании этого документа Врангель мог бы поставить вопрос перед великими державами. Шатилов в своих инструкциях от 21 июня 1921 г. санкционировал действия фон Лампе, но прибавил, что на переговорах необходимо добиться сохранения армейских частей при размещении беженцев, как это имело место в Болгарии и в Королевстве СХС: «*форма беженцев только для облегчения переговоров с иностранцами*»[48]. 6 июля была датирована нота министра обороны Венгрии к фон Лампе, в которой он письменно повторил то, что сказал ему больше месяца назад в устной форме. Нота, между прочим, официально считалась ответом на запрос фон Лампе еще от 1 апреля. Все это наглядно показывает, насколько медленно продвигалось дело в недрах разных ведомств.

Что касается позиции Антанты, то она была предопределена двумя факторами. Во-первых, лидеры держав Антанты явно не хотели сохранить «армию без отечества» на чужбине и всячески пытались перевести бывших военных сугубо на положение беженцев. Во вторых, державы-победительницы осуществляли строгий военный (так же как и политический, и экономический) контроль над Венгрией, разоружили ее армию, численность которой была сведена к минимуму (35 тысяч солдат), была отменена всеобщая воинская повинность и т.п. В этих обстоятельствах появление в стране сколько-нибудь организованных военных формирований, да еще и предполагаемое Алексеем фон Лампе сотрудничество белых сил не могли не вызывать беспокойства со стороны Парижа, Лондона и Рима. А ведь именно в этих столицах находился центр тяжести в решении проблемы. Фон Лампе не питал больших иллюзий на этот счет, и – как он пишет в одной из своих телеграмм – серьезно сомневался в благожелательности английских, французских и итальянских представителей в Венгрии. «*Антанта стала между мною и венграми, и всячески мешает проведению порученного мне дела*»[49].

Ввиду сложности вопроса дипломатические и военные представители Антанты в Венгрии не могли и не хотели принять решение самостоя-

тельно, без консультации со своими правительственными инстанциями, при этом отдельные члены Межсоюзнической контрольной комиссии давали разные ответы на неоднократные запросы фон Лампе и венгерского правительства. Например, французский дипломатический представитель в Будапеште Морис Фуше – по свидетельству дневниковой записи фон Лампе – заявил, что это не его дело, оно находится всецело в компетенции венгерского правительства[50]. Подобный тон ответа, по всей вероятности, объясняется тем, что – хотя в дневнике это и не зафиксировано – фон Лампе, видимо, представил ему дело так, что речь идет об обеспечении в Венгрии приюта для отдельных беженцев из числа военнослужащих бывшей русской армии. Другие ссылались на то, что они не имеют специального указания по этому поводу и обещали запросить свои правительства, правда, особенно не торопились.

Английский представитель Гордон вообще не реагировал на письма и запросы фон Лампе[51]. При отсутствии других источников трудно судить, насколько это соответствовало действительности, но у фон Лампе создалось такое впечатление, что бывшие союзники его специально игнорируют. «*На заседании военных агентов Антанты было решено считать меня и Глазенапа несуществующими*»[52]. На дипломатических приемах они – по ощущению фон Лампе – сознательно старались избежать встречи и разговора с ним, часто делали вид, что его не замечают. «...*Будь я представителем Великой России*, – записал он в дневнике, – *да все это было бы совершенно иным!! Да стоило бы получить хоть положительное известие о падении большевизма, и то отношение стало бы совершенно иным. А впрочем все это ерунда! Скучно это!*»[53]

Фон Лампе хорошо понимал, что ключ к решению вопроса находится в руках держав Антанты. Поэтому считал необходимым, чтобы параллельно его усилиям военные агенты Главнокомандующего за границей, главным образом в Париже, тоже действовали в том же направлении. Евгений Карлович Миллер еще в апреле уведомил фон Лампе о позиции, занятой французским военным командованием в этом вопросе. Позиция эта имела, безусловно, уклончивый характер, суть ее сводилась к тому, что французское правительство не возражает против переброски беженцев в Венгрию в индивидуальном порядке, но по политическим мотивам оно не может ставить вопрос перед венгерскими властями, так что переговоры с

венграми всецело относятся к компетенции русского командования[54]. Фон Лампе был бы удовлетворен этим ответом, если это означало бы полный нейтралитет Антанты в данном вопросе. Однако представители держав-победительниц и в дальнейшем активно вмешивались в переговоры, хотели узнать все детали и давали «советы», которые в данном конкретном случае были обязательны для подконтрольной Венгрии.

Конференция дипломатических представителей победоносных союзных держав в своей ноте от 21 июня за подписью итальянского представителя князя Гаэтано Кастаньето ответила на запрос венгерского правительства от 2 апреля (!) по поводу ходатайства фон Лампе относительно размещения в Венгрии 36 тысяч русских солдат и 12 тысяч офицеров. В ноте среди прочего говорилось: «*Верховные комиссары* (представители Антанты в Венгрии – А. К.) *ограничиваются тем, что обращают внимание венгерского правительства, что несмотря на желательность рассредоточения контингентов в кратчайший срок, считают необходимым указать венгерскому правительству, что внедрение этих элементов на венгерской территории и принятие в полной мере ходатайства полковника фон Лампе могло бы ускорить беспорядки и облегчить антибольшевистские интриги, противные действительным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира*»[55]. Аргументация действительно любопытная, ведь применительно к белой Венгрии довольно странно было говорить об опасности усиления антибольшевистских интриг, да еще и противоречащих интересам цивилизованного мира. После вручения ноты английский представитель Томас Холлер в беседе с фон Лампе говорил уже об опасности возникновения большевизма в Венгрии вследствие большого сосредоточения русских в этой стране[56]. Думается, что за не совсем удачной формулой скрывались опасения какого бы то ни было сотрудничества белых сил.

По доступным на сегодняшний день источникам, не более обоснованным и убедительным кажется и другой аргумент со стороны Антанты. В Париже было доведено до сведения врангелевского командования, что Венгрия условием принятия офицеров и солдат русской армии ставит существенное (в том числе и территориальное) изменение Трианонского договора, поэтому державы-победительницы не могут одобрить и поддержать этот план[57]. Фон Лампе из Будапешта информировал Шатилова о не-

состоятельности подобной трактовки. Когда он осведомился у министра иностранных дел Венгрии, насколько это соответствует действительности, граф Банффи ответил ему: «*Но ведь это же чистейшая ложь*». Согласно докладу фон Лампе, венгры совершенно не связывают друг с другом Трианонский мирный договор, который «*представляет собой альфу и омегу современной Венгрии, связанной этим договором по рукам и по ногам*», и переброску частей Армии, «*близкой венграм по духу и идеалам*». Фон Лампе обратил внимание своего начальника и на то, что верховные представители держав-победительниц в Венгрии тоже ни словом не обмолвились о якобы исходившем от венгров требовании увязать обеспечение приюта русским беженцам с пересмотром Трианонского договора[58].

Разнообразие аргументов на самом деле не повлияло на суть позиции Антанты, оно объясняется только тем, что союзники не всегда согласовывали все детали между собой, и отдельные их представители по-разному пытались довести до сведения русских и венгров мнение о недопустимости переброски армии Врангеля как таковой в Венгрию. В некоторых заявлениях были высказаны опасения даже по поводу возможного появления русских солдат и офицеров в Венгрии в качестве беженцев. «*Солдат всегда остается солдатом*», – сказал итальянский представитель князь Кастаньето Алексею фон Лампе, дав ему, таким образом, понять, что его план идет вразрез стремлениям Антанты добиться сокращения венгерской армии до 35 тысяч солдат. В ходе разговора Кастаньето назвал главным противником переброски войск английского представителя Томаса Холлера[59].

Самым ярким свидетельством несогласованности позиций, была, пожалуй, реакция французского дипломатического представителя Фуше в момент, когда фон Лампе показал ему текст цитируемой ноты за подписью Кастаньето. Фуше – по словам фон Лампе – заявил, что ничего подобного на конференции представителей союзных держав не говорилось и никакие решения не выносились. Он обещал, что будет настаивать на том, чтобы нота была переделана в духе незаинтересованности в этом деле представителей Антанты[60].

Фон Лампе, поначалу растерявшись в этом лабиринте, со временем решил вести переговоры с представителями Антанты в присутствии свидетеля, при этом он ссылался на необходимость в переводчике, правда, в своем рапорте Шатилову он не назвал, кого брал с собой на эти встречи[61].

Хотя целью упомянутой ноты от 21 июня было наложить вето на решение вопроса о переброске армии, фон Лампе со свойственной ему энергичностью продолжал работать в том же направлении. В письме, адресованном венгерскому военному министру Беличке в начале августа, он указал на то, что запрет Антанты основывается на недоразумении, ведь Антанта исходила из того, что фон Лампе ходатайствует о размещении всего врангелевского контингента (48 тысяч военных) в Венгрии, о чем не может быть и речи. Лампе с тех пор всегда уточнял, что просил взять «*под покровительство братского венгерского народа и единомышленной венгерской армии*» не русскую армию в целом, а только отдельных ее членов, против чего Антанта не возражала[62].

Министр иностранных дел граф Банффи на словах по сути дела согласился с установкой фон Лампе, он считал необходимым продолжение переговоров с представителями Антанты. Вместе с тем он ссылался на затруднительное положение, в котором находится венгерское правительство после подписания соглашения с Советской Россией об обмене военнопленных венгерских офицеров на осужденных в Венгрии коммунистов. Это сильно связывает руки кабинета в деле помощи русским беженцам, поэтому с разрешением проблемы необходимо, говорил Банффи, ждать до второй половины сентября (Банффи принял фон Лампе 9-го августа), до прибытия первой и самой ценной партии венгерских заложников из Советской России[63].

На вопросе о численности военнослужащих, которых предполагалось переправить в Венгрию, следует остановиться немного подробнее. Представитель Врангеля Алексей фон Лампе с самого начала своего пребывания в Венгрии имел точный план переброски, детали которого можно было приспособлять к конкретным обстоятельствам в ходе переговоров. В своих апрельских записях, меморандумах он писал, что в районе Константинополя в лагерях находится 12 тысяч офицеров и 36 тысяч солдат и казаков. Из них в Венгрии «*желательно разместить как можно больше*». Переселение предполагалось осуществить за счет Франции, которая уже раньше предложила обеспечить доставку беженцев обратно в Советскую Россию либо переправить их в Бразилию. Части – по его плану – на первых порах должны были разместить в особых лагерях (а семьи военнослужащих отдельно), беженцам была бы предоставлена оплачиваемая

работа[64]. Генерал Петр Врангель, будучи информирован своим военным представителем о готовности венгерского правительства в зависимости от разрешения Антанты принять в Венгрии русских офицеров и солдат, в своем благодарном письме на имя регента Венгрии от 21 июля 1921 г. писал, что обеспечение приюта для 10-12 000 беженцев сильно облегчило бы положение армии[65]. Именно эту, бо́льшую цифру повторяет фон Лампе в письме Шандору Беличке. На этой основе он и просил возобновления переговоров. Дальнейшие события показали, что Венгрия не была готова принять военнослужащих русской армии в таком количестве. Венгерское правительство пока находилось в удобном положении, подчеркивая свою добрую волю и принципиальное согласие, ссылаясь вместе с тем на запрет Антанты, который делал переброску невозможной.

Параллельно с деятельностью фон Лампе врангелевское командование пыталось оказать давление на правительства Антанты, выискивая то из них, позиция которого была наиболее компромиссной, и которое было непосредственно заинтересовано в решении проблемы в той или иной форме. Такой страной была, несомненно, Франция. Действовать приходилось, с одной стороны, через генерала Мориса Пелле, верховного комиссара Франции в районе проливов. Его ознакомили с докладом фон Лампе о причинах затяжки переговоров с Венгрией и роли Антанты в этой связи. Пелле обещал немедленно телеграфировать в Париж с просьбой дать соответствующие указания французскому представителю в Венгрии, чтобы ускорить ход дел[66]. С другой стороны, из Константинополя представитель главнокомандующего Анатолий Анатольевич Нератов от имени Врангеля просил Михаила Гирса, чтобы тот совместно с Евгением Миллером добился поддержки Франции на переговорах *«о допущении наших частей в Венгрию»*[67].

Благодаря этим усилиям к сентябрю месяцу удалось добиться некоторого смягчения в позиции французов и итальянцев, они обещали, что не будут препятствовать прибытию русских военных в качестве беженцев в Венгрию. Таким образом – согласно рапортам фон Лампе – главным препятствием на пути решения вопроса оставались англичане, в частности Томас Холлер, который хотел обусловить свое принципиальное согласие знанием таких деталей, к обсуждению которых можно было приступить только после получения положительного ответа со стороны Антанты.

Он, между прочим, интересовался у венгерского правительства, на каких именно общественных работах будут использованы русские в Венгрии. Узнав, что венгерское правительство не в состоянии устроить русских беженцев на работе в предложенном фон Лампе количестве (Холлер не уточнял, какое именно количество он имеет в виду), он решил не просить у своего правительства новых указаний[68].

16-го сентября вопрос о русских беженцах первый раз был поставлен на заседании венгерского Совета Министров. Министр иностранных дел Венгрии граф Банффи предложил выполнить просьбу фон Лампе о принятии 2000 военных. Он подчеркнул при этом политическую пользу подобного решения. Большевизм – сказал Банффи присутствующим – находится на грани крушения, а сегодняшние эмигранты будут играть большую роль в процессе реставрации добольшевистских порядков в своей стране. Венгрия, оказав помощь в этом деле, могла бы завоевать симпатии будущей России. Министр торговли Лайош Хедешхалми на это возразил, что русские отнимали бы рабочие места у венгров. По предложению премьер-министра графа Иштвана Бетлена вопрос был снят с повестки дня и министру иностранных дел поручили дальнейшее уточнение деталей[69]. Неизвестно, откуда взял граф Банффи цифру 2000. Фон Лампе в адресованном ему письме от 14-го сентября «желательной цифрой», с точки зрения русского командования, называет 5000. Неизвестно также, дошло ли данное письмо до министра иностранных дел еще до заседания Совета Министров. Как бы то ни было, фон Лампе не только никогда не говорил раньше о таком малочисленном контингенте, но через несколько дней на встрече с Банффи прямо протестовал против столь низкого числа принимаемых. Протест этот не произвел никакого впечатления на руководителя венгерской дипломатии, если не считать, что в разговоре с фон Лампе он уже употреблял формулу «*от 1000 до 2000*»[70].

Не исключено, что ценой вышеупомянутого изменения позиции Антанты было значительное снижение числа лиц, подлежащих переброске. Подобную мысль развил фон Лампе в своем рапорте от 20-го сентября. По его мнению, венгры в данный момент находятся между двумя огнями. С одной стороны, они ясно признают политическую пользу своей помощи русским беженцам, но с другой стороны, рассчитывая на благоприятное разрешение западно-венгерского вопроса (т.е. вопроса о Бургенланде, о

котором речь шла выше), они надеются на поддержку Англии, главного оппонента переброски остатков русской армии в Венгрию. 2000 – это был тот компромисс, на который венгры готовы были пойти, ведь такое ничтожное количество русских военных не могло задеть английские интересы. Фон Лампе был убежден, что если бы не английская позиция, венгры приняли бы к себе значительно больше беженцев. Таким образом – по мнению представителя Врангеля – ключ к решению проблемы находится «*в данный момент только в Лондоне, может быть и в кабинете Красина*». Критическое отношение фон Лампе к Англии объяснялось не только поведением Томаса Холлера, но и тем, что к этому времени из держав-победительниц Англия пошла дальше всех по пути к признанию столь ненавистной фон Лампе советской власти. В марте 1921 г. было заключено торговое соглашение, урегулировавшее и ряд вопросов политического характера[71]. В результате переговоров Леонид Борисович Красин был назначен торговым представителем РСФСР в Лондоне с сохранением за ним должности народного комиссара внешней торговли. Фон Лампе не исключал, что именно он стоял за отрицательным отношением Англии к переброске врангелевских войск в Венгрию[72]. При отсутствии других источников трудно судить о правильности выводов фон Лампе. На основе венгерских архивных документов не без оснований можно предположить, что венгерское правительство и само старалось свести к минимуму размер помощи.

В упомянутом письме к министру иностранных дел от 14 сентября фон Лампе уже задал конкретные вопросы венгерскому политическому руководству, и просил срочно дать ответ на них. Исходя из полученной информации о том, что конференция дипломатических представителей ведущих союзных держав в ближайшем будущем сообщит о своем нейтральном отношении к вопросу переброски войск, фон Лампе уведомился, сколько именно офицеров и солдат сможет принять Венгрия, когда может начаться их переброска, где и в каких условиях они будут размещены, и с кем именно он может обсудить все конкретные детали[73]. Чтобы преодолеть препятствия и рассеять опасения венгров, фон Лампе от имени русского командования предложил ему взять на себя опеспечение беженцев в течение одного года, подобно тому, как это имело место в Королевстве СХС и в Болгарии[74].

Вопрос о принятии русских беженцев вторично фигурировал на повестке дня на заседании Совета Министров 27 октября 1921 г. На этот раз он был поставлен немного по-другому, чем в прошлый раз. Министр иностранных дел граф Банффи информировал своих коллег об уже достигнутой договоренности с представителем Врангеля, согласно которой Венгрия обеспечивает приют 1000 офицеров русской армии. Русская сторона полностью взяла на себя их содержание, причем платить она собирается в долларах США. Таким образом, осталось решить лишь вопрос о том, какое учреждение будет заниматься размещением этих лиц. Министр обороны от имени своего ведомства выразил готовность помочь в этом деле, и подполковнику генерального штаба Карою Оттрубаи была поручена выработка технических деталей[75].

Фон Лампе еще в начале октября получил известие о принципиальном согласии венгерского правительства на принятие 1000-2000 военных. После этого – как ему было сказано – осталось только найти подходящее место для их размещения, что в условиях волны беженцев с утраченных вследствие Трианонского договора территорий было отнюдь не легко. Для ускорения решения вопроса фон Лампе пошел даже на то, что взял на себя расходы по ремонту объекта[76].

Однако международные события, произошедшие на пороге достижения хотя бы и столь скромного результата в деле переброски врангелевских войск, в очередной раз свели на нет устремления фон Лампе. Во второй половине октября король Карл IV Габсбург предпринял уже вторую за год попытку вернуться на венгерский престол. Его поступок вызвал целый ряд осложнений внутриполитического и внешнеполитического характера[77]. Над страной в течение нескольких дней нависла опасность гражданской войны. Державы-союзницы, контролировавшие Венгрию, протестовали и требовали решительного отпора со стороны венгерского правительства и регента. Из соседних государств Чехословакия и Королевство СХС объявили мобилизацию и угрожали военной интервенцией, если Карла не удалят из страны и венгерский парламент не низложит с престола дом Габсбургов. В нашем конкретном вопросе щекотливость положения заключалась в том, что в армии южнославянского государства служили офицеры и солдаты бывшей врангелевской армии.

По данным сербского исследователя Мирослава Йовановича, с 1 сентября 4500 солдат врангелевской армии поступили на службу в армию Королевства СХС по контракту. Они принимали участие в охране новых границ. Гвардейская бригада донских казаков и конвойная дивизия были, в частности, развернуты вдоль венгерской границы[78]. Венгерское политическое руководство расценивало в качестве недружелюбного акта нахождение в рядах вражеской армии русских подразделений в такой критической для страны ситуации. Министр иностранных дел граф Банффи в своей ноте от 24 ноября известил фон Лампе о том, что в новых обстоятельствах при всей симпатии и доброй воле венгерского правительства принятие русских военных становилось невозможным, так как было бы невозможно объяснить венгерскому общественному мнению, почему правительство оказывает приют офицерам и солдатам той армии, части которой не только служат в вооруженных силах враждебного Венгрии государства, но и – по данным разведки – приняли активное участие в мобилизации[79].

Отказ от ранее обещанной помощи не был полной неожиданностью для фон Лампе. Он уже с весны, после первых газетных сообщений на эту тему считался с тем, что пограничная служба русских в составе сербской армии затруднит его переговоры с венграми. Он неоднократно докладывал о своих опасениях и просил инструкций от Шатилова по этому поводу. В июне начальник штаба Русской Армии уполномочил его в случае необходимости заверить венгерское правительство, что переброска остатков армии в Сербию никакой военной цели не преследует и угрозы для Венгрии не представляет, части будут размещены в южных районах страны, и хотя они сохранят свою организационную структуру, применяться будут исключительно на строительных работах. В качестве доверительной информации Шатилов прибавил, что даже русскому командованию неизвестно, на какой границе будут нести русские части пограничную службу, «*скорее всего на албанской*»[80]. Во время осеннего кризиса фон Лампе одной из причин неудачи переговоров считал свою недостаточную осведомленность о деталях в этом деле, ведь на свои запросы он получил уклончивые или даже противоречащие действительности ответы от Шатилова: «*постановки на северную границу Сербии быть не может*»[81].

После октябрьского кризиса фон Лампе предложил своему начальству снятие русских частей с венгерской границы для успокоения венгров

и для спасения ситуации в целом. В ответной ноте на имя министра иностранных дел графа Банффи он оспаривал правильность оценки венгерским правительством сложившегося положения. Он не отрицал, что отдельные русские офицеры и солдаты несут пограничную службу в армии Королевства СХС, но уже в силу своего статуса они не могли принимать участие в стратегическом развертывании против Венгрии. Ссылался фон Лампе и на то, что пограничная служба направлена в том числе и против коммунистической деятельности. Он намекал и на то обстоятельство, что русские военные вынуждены служить в сербской армии попросту ради своего выживания[82], отмечал также, что те части, которые были предназначены для переброски в Венгрию, полностью финансировались бы русским командованием. Во второй половине своей ноты фон Лампе с особым сожалением констатирует, что «*именно Венгрия, та страна, которая выгнала большевизм за свои границы, не будет находиться среди государств, обеспечивших приют русским, которые так давно борются против общего врага, и когда Россия позовет обратно своих солдат для работы по восстановлению, среди них не будет ни одного, кто нашел бы приют в Венгрии в тяжелый для России момент*»[83].

Однако дело на этом не закончилось. Почти одновременно с отказом венгерского правительства от своего обещания Павел Кусонский, помощник начальника штаба Главнокомандующего, известил фон Лампе об успешном завершении переговоров с Болгарией, в результате чего удалось разместить последний контингент в 9000 военных, остававшихся в районе Проливов. Вследствие этого отпала необходимость в переброске армейских частей в Венгрию за счет русского командования. Вместе с тем перед представителем в Венгрии Кусонский от имени Врангеля ставил новую задачу. Фон Лампе должен был бы добиться того, чтобы Венгрия согласилась на размещение на своей территории 3000 беженцев в качестве рабочих[84]. В сложившихся обстоятельствах он серьезно сомневался в успехе предприятия, в упомянутой выше ноте министру иностранных дел Венгрии он просто констатировал, что размещение армейских частей завершилось, в Турции остались только беженцы. Фон Лампе не поднял перед венгерским правительством вопроса об их принятии[85]. Видимо, он считал необходимым сначала подготовить почву и хотел подождать, пока утихнут волны от «*второго королевского путча*».

В недрах министерств обороны и иностранных дел не было единого мнения в вопросе об обеспечении приюта русским беженцам. В обоих ведомствах нашлись как и противники, так и сторонники принятия русских военных в ограниченном количестве. Оппоненты ссылались на нежелательность выполнения просьбы фон Лампе с точки зрения национальной безопасности, из-за хороших отношений Врангелевского командования с недружелюбными или прямо враждебными Венгрии государствами (тут чаще всего назывались Франция и королевство СХС) и из-за опасности большевистской агитации среди русских, которую будет трудно контролировать венгерским властям. Судя по документам, к февралю-марту месяцам 1922 г. стало преобладать мнение, что у венгерского правительства не было оснований отказываться от ранее обещанной помощи. В сводке военно-политического департамента министерства обороны отмечалось, что с точки зрения большевистской агитации русские эмигранты не опасны (хотя бы из-за незнания венгерского языка). Согласно автору этой сводки, опыт, как правило, показывает, что такой агитацией в стране занимаются, главным образом, «наши соотечественники-инородцы» (то есть венгерские евреи – А. К.). В черновике сводки говорилось и о целесообразности помощи русским с точки зрения будущих венгерско-русских отношений, но этот абзац был вычеркнут красным карандашом[86].

7 апреля 1922 г. министерство иностранных дел известило фон Лампе о согласии венгерского правительства на прием русских беженцев, несмотря на тяжелое экономическое положение в стране, дабы выразить свое искреннее сочувствие русской национальной идее. Однако – как мы дальше увидим – это было не последним поворотом венгерского правительства в данном вопросе. Обещание к тому же было обусловлено целым рядом ограничений: приняты могли быть только предложенные врангелевским командованием лица; фон Лампе должен был позаботиться об их содержании; разместить их следовало по возможности за пределами Будапешта; первый контингент мог состоять максимум из 100 человек, а общее количество принимаемых не должно было превысить 1000 лиц, причем офицерам было позволено составить меньшинство среди этой тысячи [87].

Мы не располагаем точными данными о том, сколько русских беженцев было принято в Венгрии в рамках этой акции. По сводке министерства обороны, в течение осени 1922 г. в страну прибыли две партии лю-

дей – сначала всего 71 человек, а во второй заход 60 офицеров, 31 солдат, 9 женщин и трое детей (всего 103 человека)[88]. Весной 1923 г. прибыла третья (и, по имеющимся данным, последняя) группа – 85 офицеров и солдат, 11 женщин и двое детей [89].

1922 год во многих отношениях был поворотным пунктом в деле возможного политического сотрудничества. После подавления в 1921 г. кронштадтского мятежа и крестьянских восстаний, в ожидании возможного краха Генуэзской конференции опять оживилась деятельность эмиграции. Считалось, что неудачный исход конференции повлечет за собой «*крупные события*», в частности, вооруженное столкновение Советской России с Польшей и Румынией. В венгерских архивных документах сохранились свидетельства о стремлении генерала Александра Павловича Кутепова выяснить возможности совместных с венгерским правительством действий на антибольшевистской основе. Предварительные переговоры шли в Софии в феврале-марте 1922 г. В них приняли участие венгерский поверенный в делах в Болгарии Шандор Кишш, а с русской стороны сам Кутепов, его заместитель полковник Крижановский и Константин Иванович Щегловитов, сын казненного большевиками бывшего министра юстиции Ивана Григорьевича Щегловитова[90].

Кутепов, посвятив в свои планы венгерского собеседника, настаивал на абсолютной секретности. Даже будапештский военный представитель Врангеля не должен был знать о переговорах. Подобную просьбу генерал мотивировал тем, что окружение Врангеля настроено слишком про-французски, про-антантовски, в основе же его плана лежит создание сильного русско-немецко-венгерского блока. По впечатлению Шандора Кишша, политическим знаменем предполагаемой акции должен был стать Врангель, однако военное руководство предполагалось сосредоточить в руках Кутепова. Последнего венгерский дипломат характеризовал как честного человека, настоящего русского патриота, очень храброго, умелого воина, который доблестно воевал в Крыму и требовал железной дисциплины в своих войсках. Однако изложенный им анализ политической ситуации, его представления и замыслы носили, несомненно, «смутный» и, более того, довольно авантюристический характер (правда, в условиях всеобщей послевоенной европейской разрухи они не казались экстраординарными). Суть их сводилась к тому, – как об этом Кутепов говорил

на встрече с венгерским дипломатом 26 февраля – что через несколько недель якобы начнутся военные действия Красной Армии против Румынии, в результате чего удастся советизировать не только Румынию, но и Болгарию [91]. В этой ситуации он со своими войсками совершит прорыв в направлении Видина в Банат, где к нему присоединятся находящиеся там русские части, и, добравшись до Венгрии, они перейдут на сторону венгерского правительства. К этому он прибавил, что в настоящий момент в его распоряжении находятся 25 тысяч военных, 700 пулеметов, но у него почти нет лошадей, и кроме того он вообще не имеет артиллерию. (Тут следует отметить, что Кутепов, видимо, отличался особой склонностью к планированию таких авантюрных прорывов. Еще в Галлиполийском лагере, когда показалось, что конфликт с французами дойдёт до своего предела, он готовил свои войска к форсированному уходу с полуострова и даже к занятию Константинополя [92]).

Дальнейший ход предполагаемых событий вырисовывается из документов в самых общих чертах. Не очень ясно, каким образом он хотел этого добиться, но военной целью Кутепова был захват южной части России. При этом он надеялся найти себе союзника в усиливающемся, по его представлениям, крестьянском восстании Антонова, которое на самом деле к этому времени было уже подавлено войсками М. Н. Тухачевского. Дальнейшей своей политической целью Кутепов назвал воссоздание сильных России, Германии и Венгрии. Взамен за сотрудничество он обещал гарантировать довоенные границы Венгрии. Когда Шандор Кишш выразил свои сомнения по поводу того, что ради неславянского венгерского народа русские будут выступать против славянских государств Малой Антанты, Кутепов заявил ему, что здесь идет более крупная игра, за которой стоит русско-немецкий союз. Польша в новых условиях – по словам Кутепова – вынуждена будет войти в состав Российской империи (возможно, с сохранением некоторой внутренней автономии). Взамен Россия декларирует свою незаинтересованность в Чехословакии, которую он и так считает нежизнеспособным государством. А на Балканах российским интересам больше соответствовала, по его мнению, самостоятельная Сербия (по территории и силе примерно равная Болгарии), а не более крупная Югославия, которая легко может выйти из повиновения. Дабы заслужить большее расположение своего собеседника, Кутепов ко всему вышеизло-

женному прибавил, что единственной нацией, способной организовать государство в Дунайском бассейне, он считает венгерскую[93].

От венгров Кутепов ожидал помощи в следующих вопросах. Прежде всего он срочно хотел купить 30 тысяч лошадей для своих войск. В этом, пожалуй, заключался ключевой момент его предложения. Кроме того, он просил права пользоваться инфраструктурой венгерских дипломатических миссий в разных странах: отправлять шифрованные телеграммы, прибегать к услугам венгерских дипломатических курьеров при посылке диппочты, поскольку существующую русскую дипломатическую сеть считал ненадежной. Относительно первой просьбы Шандор Кишш заметил, что лошадей в таком количестве у венгров нет, и вообще сделка сама по себе является невозможной из-за контроля Антанты и репарационных обязательств Венгрии. Кутепов на это ответил, что невозможных вещей нет на свете, и подтвердил, что его просьба чрезвычайно важная и срочная, так как через несколько месяцев, может быть даже недель, «*все будет уже в движении*»[94].

В Венгрии в министерствах обороны и иностранных дел план Кутепова был принят более, чем скептически. В военном отношении его считали авантюрным и лишенным всяких реальных оснований и шансов на успех. Были высказаны также подозрения, что за всем этим замыслом стоит Щегловитов, который хочет таким образом получить разрешение на вывоз лошадей в Болгарию и там провести коммерческую сделку, все же остальное в принципе только блеф. Было решено дать на предложение русских военных вежливый отрицательный ответ, вместе с тем Шандору Кишшу было поручено и в дальнейшем поддерживать контакт с кругом Кутепова. В середине мая венгерский поверенный в делах опять докладывал о намерении Кутепова прорваться в Венгрию с оружием в руках. На этот раз речь шла «только» о 10 тысячах военных, и вместо изложения крупномасштабной политической концепции полковник Крижановский по поручению своего командира объяснил подобное стремление невыносимостью положения русских военных в Болгарии. Венгерское правительство как в первом, так и во втором случае ответило отказом[95]. Что касается генерала Александра Кутепова, он сам один раз все-таки попал в Венгрию. В марте 1924 г. он посетил проживавшего тогда в Будапеште генерала Антона Ивановича Деникина, чтобы посове-

товаться с ним относительно создания подпольной антибольшевистской организации[96]. Второй участник переговоров, Константин Щегловитов в феврале 1925 г. – как об этом доложил советник венгерского посольства Шандор Кишш – застрелился в одной из софийских гостиниц, оставив за собой крупные непогашенные долги[97].

22 ноября 1922 г. на межведомственном совещании с участием ведущих чиновников различных департаментов министерств обороны, внутренних дел и иностранных дел обсуждались вопросы, связанные с русской эмиграцией. Участники исходили из тех – безусловно упрощенных – представлений, согласно которым русские эмигрантские организации, утратив свой контрреволюционный характер, в дальнейшем не смогут играть никакой роли в свержении советской власти в России, некоторые из них сами служат большевикам, другие представляют идею панславизма. Поэтому было сочтено нецелесообразным проявлять слишком благосклонное отношение к находившимся на территории Венгрии русским беженцам, и столь же нежелательным сочли дальнейшее увеличение численности славянских элементов в стране за счет принятия новых эмигрантов. Представитель военно-политического департамента министерства обороны генерал Арманд Перцел к этому прибавил: с точки зрения национальной безопасности является серьезным риском, что эмигранты разбросаны по всей стране, живут в разных местах, при этом имеют доступ к доверительной информации и полученные сведения потом передают представителям Королевства СХС и Чехословакии[98]. В этом отношении Перцел питал недоверие не только к русским эмигрантам вообще, но в особенности конкретно к официальному представителю Врангеля Алексею фон Лампе. В одном из своих поздних донесений от 1930 г. он характеризует его как опытного, интеллигентного, хитрого и упрямого разведчика, поддерживавшего тесные связи с проживавшими тогда в Париже русскими. Министерство обороны не имело никакой пользы от сотрудничества с ним. Он – Перцел – всячески старался скрыть от него информацию[99].

Что касается «шпионской деятельности» русских эмигрантов в Венгрии, то опасения венгерского правительства и отдельных чиновников были явно преувеличены. Имеющиеся документы не дают никаких оснований сомневаться, например, в абсолютной лояльности

Алексея фон Лампе к венгерскому правительству, тем более, что – как мы видели выше – он был ярым сторонником сплочения белых сил. По всей вероятности, ближе к истине выводы, содержавшиеся в сводке VI-го департамента министерства обороны от 9 января 1930 г. В ней отмечалось, что во время пребывания врангелевской миссии в Будапеште ни в отношении фон Лампе, ни в отношении других членов миссии не удалось найти никаких доказательств их недоброжелательной деятельности – при том, что за ними велось строгое наблюдение[100]. Тут необходимо отметить, что конкурировавшие друг с другом разные группировки белых эмигрантов с особой старательностью обвиняли друг друга перед венгерскими властями в шпионаже. Как правило, за этими интригами стояла борьба, которая велась в российском монархическом движении между сторонниками великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. В Венгрии, несмотря на немногочисленность русских эмигрантов (а может быть именно поэтому), эта борьба отличалась особой остротой.

Возвращаясь к упомянутому совещанию, следует сказать, что некоторые из присутствовавших на нем высказывались за выполнение обещания, уже сделанного венгерским правительством Алексею фон Лампе, относительно размещения 1000 солдат и офицеров на территории страны. Но было все-таки решено приостановить прием новых прибывших в течение зимнего периода. Участники совещания вынесли решение, согласно которому при общей нежелательности дальнейшего увеличения числа русских эмигрантов в Венгрии их принятие в единичном порядке может иметь место, но только в том случае, если это является политически выгодным с точки зрения государственных интересов[101].

Если до этого фон Лампе без особых затруднений мог получить разрешения на въезд отдельных эмигрантов, то после этого совещания он очень часто наталкивался на отказ. Это случилось, в частности, весной-летом 1923 г., когда он ходатайствовал относительно визы для небольшой группы из 6 человек, среди которых наиболее известным лицом был генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Улагай, бывший командующий кубанским десантом лета 1920 г. Данная история наглядно показывает, насколько неповоротливо работала венгерская бюрократия даже на самых верхах, и насколько плохо согласовывали разные ведомства свои действия, когда

дело касалось решения тех или иных вопросов. Для разрешения на въезд необходимо было одновременное согласие трех министерств – обороны, внутренних дел (полиция) и иностранных дел. В ходе процедуры в начале июня фон Лампе в очередной раз появился у министра обороны и заявил ему, что полиция якобы уже оформила разрешение на упомянутых лиц, а заместитель министра иностранных дел Каня в свою очередь подтвердил, что со стороны его ведомства также нет возражений. Однако министр обороны продолжал настаивать на отклонении просьбы фон Лампе. Здесь важно не то, соответствовало ли действительности высказывание фон Лампе. Он мог и немного лукавить, мог толковать по своему усмотрению завернутые в мягкую дипломатическую форму неопределенные обещания Кани. Поражает главным образом то обстоятельство, что министр обороны генерал Беличка вместо того, чтобы уведомиться у своего коллеги, министра иностранных дел о действительном положении вещей, в длинном письме начал поучать его, опираясь исключительно на слова фон Лампе. Он жаловался, насколько в неудобное положение был поставлен поступком Калмана Кани, давшего согласие на въезд русских беженцев. В результате, вопреки первоначально принятым решениям и своему убеждению, он был вынужден дать в конце концов свое согласие: «*У меня не было оснований отказать в выдаче разрешения на въезд, так как в отношении желающих въехать лиц не было никаких возражений*». Генерал Беличка сожалел, что именно на военное ведомство свалят ответственность за отказ, между тем это ведомство должно было *сохранить видимость* (по выражению самого министра – А. К.), что сочувствует своим товарищам по оружию, попавшим в тяжелое положение русским офицерам. Генерал Беличка в своем письме настаивал на том, чтобы в дальнейшем позиция отдельных министерств и ведомств в этом вопросе не сообщалась русским, а отказ был им представлен как единое мнение венгерского правительства[102].

Министр иностранных дел Геза Дарувари, который сменил на этом посту графа Миклоша Банффи, легко парировал упреки. Он уведомил своего коллегу о том, что «*чрезвычайный посол и полномочный министр Каня никогда не делал приписанного ему заявления*». Он попросил министра обороны в следующий раз обратиться непосредственно к нему за разъяснением прежде чем делать далеко идущие выводы относительно позиции минис-

терства иностранных дел со слов военного представителя той или иной иностранной миссии [103].

Цитата из докладной записки чиновника венгерского министерства обороны от 23 мая 1925 г. в адрес заместителя министра иностранных дел Калмана Кани свидетельствует о том, что венгерская политическая элита отвернулась от представителей русской эмиграции, осознав незначительность их политического веса и в силу этого нецелесообразность сотрудничества с ними. После обзора основных течений в русской эмиграции автор приходит к следующему выводу:

«*С точки зрения интересов Венгрии русские всегда оказывались врагами венгров, и таковыми они останутся. Возможные дружественные чувства по отношению к венграм со стороны отдельных лиц в эмиграции этого изменить не могут.*

С точки зрения интересов безопасности страны я считаю крайне желательным, чтобы ко всем проживающим в Венгрии русским без исключения одинаковым образом относились с большим подозрением.

После долгих лет лишения и нужды большая часть эмиграции морально настолько опустилась, что за деньги они готовы на все.

Поэтому считаю крайне вредным, что наиболее интеллигентные элементы русской эмиграции пользуются особой поддержкой и вниманием верхних слоев венгерского общества: воспользуясь своими общественными связями, они могут развернуть шпионскую деятельность против Венгрии». В документе все эти предложения подчеркнуты карандашом, и на полях бумаги имеется пометка заместителя министра иностранных дел Калмана Кани: «*совершенно верно*».[104]

В итоге старания фон Лампе в целях установления политического сотрудничества и размещения контингентов врангелевской армии в Венгрии не привели к серьезным результатам. Переговоры затягивались, вместо реализации крупномасштабного плана по размещению в стране тысячи военнослужащих русской армии, в Венгрии нашли приют лишь несколько сот солдат и офицеров. (Учитывая экономический кризис, жизненные условия в послевоенной Венгрии, языковые трудности, разницу в религии, в традициях, это число все-таки нельзя считать ничтожным.) Со временем и врангелевское командование потеряло интерес к стране. Этому способствовало то обстоятельство, что переброска ар-

мейских частей в Королевство СХС и Болгарию к 1922 г. в целом была завершена. Начальник штаба армии генерал Шатилов уже 16-го января 1922 г. из Сремских Карловцев уведомил фон Лампе, что из-за недостатка финансовых средств с 1 февраля было решено закрыть ряд военных агентур, «*в том числе и вашей*». Взамен Шатилов предложил фон Лампе занять должность штаб-офицера рядом с заместителем начальника штаба, генералом Кусонским[105]. (Тем же днем, 16 января, датировано и письмо Кусонского А. фон Лампе из Константинополя. В нем он не только не упомянул о такой возможности, но передал сердечную благодарность Врангеля за старания фон Лампе, и призвал его «*продолжать энергичную работу о приеме контингентов нашей армии, в крайнем случае добиться хотя бы получения виз на въезд в страну возможно большему количеству лиц по выбору и назначению Главнокомандующего*»[106].) Ликвидация постоянного представительства Врангеля в Будапеште должна была происходить таким образом, – писал Шатилов Кусонскому, – чтобы венгерское правительство не могло истолковать ее как недружелюбный акт, с Венгрией и в дальнейшем надо было сохранять хорошие отношения[107]. Фон Лампе в своих ответных письмах настойчиво приводил аргументы в пользу сохранения своего представительства. В них он повторил практически все свои прежние соображения и добавил, что у него имеются денежные ресурсы на дальнейшее содержание вверенного ему представительства[108]. Его аргументы, по всей вероятности, подействовали, потому что закрытие миссии было отложено. С апреля 1922 г. фон Лампе был назначен военным представителем Врангеля в Германии с сохранением своей должности в Венгрии по совместительству. С этого времени он постепенно переместился в Берлин, а курирование венгерскими делами доверил своему заместителю, есаулу Владимиру Иловайскому, обо всем ему докладывавшему. В 1924 г. фон Лампе уже ограничился всего двумя-тремя поездками в Венгрию. С одной из них был связан любопытный эпизод, заслуживающий внимания.

В сентябре в Берлине представители венгерского и советского правительств подписали договор об установлении дипломатических отношений, который подлежал ратификации. В Венгрии, по понятным причинам, развернулась очень острая дискуссия по этому поводу, в которую мог внести свой вклад и представитель белой эмиграции генерал-майор

фон Лампе. 2 октября 1924 г. в самый разгар политических прений он был принят адмиралом Хорти. В ходе сорокоминутной беседы они обсуждали практически лишь одну тему – заключенное в Берлине соглашение об урегулировании дипломатических отношений между Венгрией и Советским Союзом и ожидаемое в связи с этим прибытие официального советского представителя в Будапешт. Регент Хорти в очень резких выражениях отозвался о большевиках, по поводу подписанного соглашения заявил: «*я этого не хочу, я никогда не подам руку коммунисту*», и прибавил, что сегодня ему предстоит «*большая борьба по этому вопросу*». Из дневника приемов адмирала Хорти выясняется, что после принятия фон Лампе у него действительно появился премьер-министр граф Иштван Бетлен в сопровождении уже упомянутого Калмана Кани[109]. Последний подписал от имени венгерского правительства соглашение с полпредом СССР в Германии Николаем Крестинским. Хотя мы, к сожалению, не знаем точно содержания их беседы, можно предположить, что главным предметом дискуссий был, безусловно, берлинский договор и вопрос об отношении Венгрии к СССР.

«*Я совершенно определенно почувствовал*, – писал фон Лампе в своей сводке, – *что либо судьбе угодно было дать мне, белому представителю, возможность хоть и в очень небольшой степени повлиять на ликвидацию торжества коммунистов в центре Европы, либо сам адмирал Хорти, чтобы проверить свои личные выводы, назначил мне прием у себя именно в тот день, когда он должен был иметь 'большую борьбу' за свою идею, ни в коем случае не соглашаться на признание большевиков страной*». Воспользовавшись случаем, фон Лампе стал подробно описывать «подрывную и преступную деятельность большевиков» в тех странах, где они только появляются, и чувствовал, что его слова падают на хорошо подготовленную почву. Когда он заговорил о тревоге в рядах эмигрантов по поводу предстоящего прибытия большевиков, Хорти его прервал и решительно заявил: «*Они не придут*». Со следующего дня Лампе уже констатировал усиление голоса противников договора в венгерской прессе и в парламенте. Отказ от ратификации договора со стороны венгерского правительства нельзя, конечно, приписать одному генералу фон Лампе, но он, несомненно, сделал свое дело, в решающий момент сыграв на антибольшевистских чувствах регента [110].

* * *

Несколько в отрыве от вопроса о переброске частей врангелевской армии речь шла и об обеспечении приюта русским семействам на имениях венгерских аристократов и помещиков. Об этом предложении венгров представитель Врангеля Дмитрий Потоцкий еще в Белграде информировал фон Лампе, но, к своему величайшему удивлению, в Будапеште тот никого не нашел, кто бы знал об этом проекте и о якобы существующем списке подлежащих переселению семей[111]. Насколько можно установить, инициатива исходила от графа Пала Телеки (в 1920-1921 гг. он был премьер-министром Венгрии), который рассчитывал на солидарность венгерской элиты к своим русским товарищам по социальному положению. Об этом Телеки говорил в июне 1921 г., во время своей частной поездки в Париж, Михаилу Гирсу, руководителю Совещания Послов[112]. Этот же вопрос обсуждался и в начале июля на встречах фон Лампе с Палом Телеки и с графом Иштваном Бетленом, сменившим Телеки во главе правительства после так называемого «первого королевского путча». Бетлен с сожалением отметил, что на его циркулярные письма по поводу расселения русских семейств не отвечают, до сих пор он получил всего один ответ, и тот был отказом. Венгры – по словам фон Лампе – «*тароватые на обещания и тугие на выполнения*». К июню месяцу удалось разместить лишь несколько семейств из обещанных 100 (эта цифра потом была снижена до 57). В это время в Константинополе составлялись списки подлежащих переселению в Венгрию семей. Ко второй половине июля в рамках этой акции – по данным фон Лампе – удалось разместить всего лишь одну семью, подковника Шмидта, во владении фамилии барона Рубидо-Зичи [113].

Несмотря на неудачный исход этой конкретной инициативы, мы не можем говорить о полном безразличии венгерских магнатов и помещиков к судьбе русских беженцев. У многих аристократических фамилий был свой русский гость. Так, граф Пал Баттяни еще во время первой мировой войны обеспечил приют в своем замке в деревне Залачань бывшему военнопленному, некоему капитану Сапунову[114]. Князь Дмитрий Голицын-Муравлин, бывший член Государственного Совета, сбежавший из Советской России, приехал в Венгрию на ее оккупированную сербами южную территорию. В первые годы своего пребывания в Венгрии он жил у барона

Имре Бидермана, в его замке в деревне Можго. Голицын-Муравлин познакомился с бароном Бидерманом еще 10 годами раньше, когда он ездил в Венгрию от Русской Лиги по защите детей [115]. Его присутствие в венгерской провинции привлекало к себе интерес местной общественности. Печская ежедневная газета «Дунантул» («Задунайский Край») посвятила краткую статью знатному гостю. Его представили читателям как политического деятеля, игравшего чуть ли не определяющую роль в управлении огромной Российской Империей, который был вынужден эмигрировать от вихря безумия, охватившего его страну [116].

У фамилии графов Кун-Хедервари, давшей Венгрии видных политиков (премьер-министра и хорватского бана Кароя Кун-Хедервари; ведущего сотрудника МИД-а Шандора Кун-Хедервари) жили назначенные великим князем Кириллом Владимировичем своими представителями Андрей Николаевич Шмеман и генерал-майор Борис Шульгин [117].

Русские эмигранты, побывавшие в Венгрии, в своих мемуарах почти без исключения отзываются очень добрыми словами о стране, оказавшей им приют, о гостеприимстве, об отношении местного населения к русским. Эти воспоминания несколько меняют ту мрачную картину, которая вырисовывается из цитированных выше чиновничьих документов разных ведомств.

К примеру, проживавший в Венгрии с 1922 г. по 1925 г. Антон Иванович Деникин про венгерские годы своей эмиграции пишет следующее: «*Общее явление: ни следа недружелюбия после войны (враги!?). Чрезвычайно теплое отношение к русским. Каждый третий комбатант побывал в плену в России, невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания о русском народе: о шири, гостеприимстве...русский язык благодаря пленным очень распространён*»[118].

Примерно в таком же духе высказывается о своих впечатлениях другой видный представитель белой эмиграции Юрий Ильич Лодыженский, весной 1924 г. посетивший своего брата, который жил в городе Дьер. Брат его «*благодаря венгерскому гостеприимству создал себе быстро круг друзей, которые приглашали его на охоту и к себе... и старались всячески облегчить его заботы. Среди этих добрых знакомых был граф Хедервари, известный венгерский магнат, брат министра иностранных дел*». Лодыженский очень добрыми словами вспоминает о тех политических деяте-

лях, с которыми он повидался во время своего пребывания в Венгрии, в том числе о графе Пале Телеки, бывшем (1920-1921) и будущем (1939-1941) премьер-министре, к тому же европейски известном ученом-географе. Лодыженский посетил брата графа Хедервари, который на самом деле был не министром, а заведующим политического департамента МИД-а. Тот, правда, хотя и в очень вежливой форме, но по сути дела отказался от предложения о политическом сотрудничестве, сославшись на то, что Венгрия маленькая страна без всякого влияния в международной жизни[119].

Даже находившиеся в очень трудном положении казаки Венгерской Казачьей Станицы в своей сводке от 29 декабря 1928 г., адресованной донскому атаману Африкану Богаевскому, не забыли упомянуть о том, что «*отношение правительства и венгров* [к казакам – А. К.] *очень хорошее*»[120].

В венгерской прессе тоже встречаются статьи, в которых о русских эмигрантах писали не только с сочуствием и симпатией, но и с определенным пафосом. «*В круговороте жизни мирного города, на улице Сив в доме № 6 вчера почти незаметно произошло очень трогательное событие. Здесь собрались испытывающие трагическую судьбу сыновья русской нации, одной из самых великих наций в мире, люди без отечества, которые, несмотря на все свои страдания и лишения, остались верными царю легитимистами, собрались, чтобы отметить день именин их младшего государя, молодого великого князя Владимира, наследника престола*» (Речь идет о сыне главы императорского дома Кирилла Владимировича). «*Полковник Венцов привез с собой своего сына, Нику, бойскаута школы Регнума Марианума, который уже совершенно говорит по-венгерски. Маленький Ника будет уже верным переводчиком того, что и как чувствуем все мы, сиротливые венгры, потерявшие нашего короля, значительную часть нашей родины и нашего народа. И донесет до нас в нашей общей судьбе, что чувствуют царь-скиталец, его сын и его солдаты по поводу своей истерзанной отчизны и нации*».

В начале скромного торжественного ужина, продолжается в статье, генерал Шульгин первый бокал вина поднял за «царя» Кирилла, за царевну Викторию, за царевича Владимира, а сразу после этого второй тост был предложен за «короля» Оттона (Отто) Габсбурга (малолетнего главу императорского дома, сына скончавшегося в 1922 г. австрийского императора и венгерского короля Карла) и за обеспечивший русским эмигрантам приют венгерский народ [121].

* * *

В связи с тем, что в Венгрии, как, впрочем, и во всех странах, стало преобладать мнение, что от белых сил трудно ожидать свержения большевизма, интерес к различным течениям эмиграции резко упал, и венгерские власти были все больше склонны считать проблемы русской эмиграции сугубо беженским вопросом, решения которого они ожидали от международных организаций, главным образом от Лиги Наций и от комиссии Фритьофа Нансена. Венгерское правительство было представлено и на международном совещании, посвященном проблематике русской эмиграции, прошедшем в Берне с 3 по 6 июля 1922 г. Правда, делегированный туда венгерский королевский консул Эгон Абеле, в соответствии с полученными указаниями, не проявил особой активности, подписав лишь соглашение «ад референдум». Абеле обратил внимание своего правительства на следующие пункты: соглашение не ограничивает действующие законы и правила отдельных государств в области миграционной политики; документ не дает автоматически право на переселение в другую страну, как и на возвращение в ту страну, которая его оформила[122]. Венгрия, таким образом, приняла «*нансеновские паспорта*» и снабдила ими русских эмигрантов в своей стране, присоединившись к той инициативе, согласно которой эти документы следовало оформить и выдать беженцам бесплатно или за очень низкую сумму. По статистическим данным, до февраля 1926 г. из проживавших в Венгрии русских эмигрантов нансеновские паспорта получили 3011 лиц[123]. По текущим вопросам с комиссией Нансена контактировал венгерский представитель при Лиге Наций Золтан Бараняи. Нансену сразу дали понять, что из-за катастрофического экономического положения страны, из-за необходимости санации государственного бюджета венгерское правительство не сможет выделить средства для международного фонда помощи русским беженцам[124].

С середины 1920-х гг. доминирующей линией венгерских властей по отношению к беженцам из бывшей Российской империи было стремление уменьшить их и так незначительное число в стране. Этим желанием определялась и позиция венгерского правительства в тех вопросах, которые требовали согласованного урегулирования ряда государств. Руководствуясь этим соображением, оно поддержало внесение такого изменения

в упомянутое соглашение от 1922 г., согласно которому государства обязались принять обратно тех беженцев, которым они выдали паспорт. Это, как указано в венгерских документах того времени, в значительной степени облегчило бы выезд эмигрантов в Канаду, так как Канада принимала беженцев только при условии, что тех элементов, которые впоследствии будут сочтены нежелательными, она может выслать обратно в ту страну, откуда они приехали. По мнению, выраженному в сводке министерства внутренних дел, если это правило было бы принято, в Венгрию было бы возвращено не более 10% выехавших, следовательно «*от этого выиграло бы и венгерское государство, потому что оно освободилось бы от части беженцев*»[125]. Мы пока не располагаем данными о том, сколько именно русских выехали действительно из Венгрии в Канаду.

Вторая попытка венгерского правительства была направлена на содействие возвращению беженцев в Советский Союз. Добиться этого было еще труднее, нежели выезда в третью страну. Во-первых, проживавшие в Венгрии русские (как бывшие военнопленные первой мировой войны, так и эмигранты) с точки зрения советских законов считались лицами без подданства, которые в свое время не приобрели советское гражданство. Эти люди были лишены юридической защиты Москвы и не могли рассчитывать на сколько-нибудь благосклонное отношение советских органов к их судьбе[126]. Ситуация была еще более осложнена тем, что в Венгрии не было ни дипломатического, ни торгового представительства СССР, следовательно желающие объявить о своем намерениии возвратиться домой должны были поехать в Вену, в Прагу или в Варшаву. Получался замкнутый круг: австрийцы, чехи и поляки, как правило, давали транзитную визу русским эмигрантам лишь в том случае, если они могли предъявить разрешение на въезд в Советский Союз, а такой документ можно было достать только лично появившись в одном из советских представительств (причем для получения ответа часто приходилось ждать несколько недель и в большинстве случаев ответ был отрицательным). Поэтому венгерское правительство в сентябре 1927 г. обратилось к самому Фритьофу Нансену с просьбой добиться согласия советского правительства на то, чтобы документы желающих возвратиться в СССР можно было отправить непосредственно из Венгрии через комиссию Нансена в соответствующие советские органы[127]. Со стороны Будапешта вопрос репатриации пытались сочетать с вопросом о задержанных

в СССР бывших венгерских военнопленных, Нансену был передан список тех, которых, по данным министерства иностранных дел, советские власти вопреки подписанным договорам не пускали домой по тем или иным причинам. Попытка не привела ни к какому результату. В июле 1928 г. Нансен через своего заместителя Й. Ф. Джонсона информировал венгерское правительство о своих переговорах с г. В. Чичериным по этому вопросу. Чичерин практически отклонил предложение Нансена, заявив, что Наркоминдел не занимается репатриацией бывших российских граждан из тех стран, в которых нет официального советского представителя. Мотивировал он это тем, что советской стороне необходимо предварительно получить сведения о просоветских или антисоветских убеждениях желающих возвращаться. Нансен был готов назначить своего уполномоченного в Венгрию, который мог бы заниматься проверкой русских эмигрантов в этом отношении. Однако на это предложение Чичерин возразил, что только сами советские структуры могут отличить «*белого русского от большевистского*». Ко всему изложенному Джонсон прибавил следующее: до 1924 г. Нансен по договору имел своих представителей в Москве и в Ленинграде, которые следили за дальнейшей судьбой репатриантов, и к которым они могли обращаться со своими жалобами. В 1924 г. советское правительство отказало ему в этом праве. Между тем, Нансен считал, что он несет ответственность как перед своей совестью, так и перед Лигой Наций за судьбу тех, кто вернулся на родину при его содействии[128]. То есть Джонсон таким образом дал понять своему венгерскому собеседнику, что Нансену неудобно ставить перед советским правительством вопрос о репатриации русских эмигрантов из Венгрии. При этом необходимо отметить, что венгерские власти не оказали никакого давления на эмигрантов в целях их возвращения в СССР. Нансену на его запрос ответили, что не ведется никакой статистики о том, сколько людей были бы готовы возвратиться, потому что – зная отрицательный ответ советского правительства – венгерские органы не хотят помешать русским беженцам жить нормальной повседневной жизнью в Венгрии независимо от полученного от советских органов ответа относительно возможностей их возвращения на родину[129].

В 1924 г., в соответствии с общеевропейскими нормами, представление интересов проживающих на территории Венгрии граждан бывшей Российской империи было поручено Генри Раймонду, венскому предста-

вителю Бюро Нансена, но, поскольку он мог провести в Венгрии лишь несколько дней в месяц, в качестве его постоянного заместителя из числа лиц, относившихся к местной русской колонии, был признан Владимир Владимирович Малама, представитель Российского Общества Красного Креста в Венгрии. Одновременно с этим русских беженцев стали считать апатридами, т.е. лицами без подданства. О деятельности Генри Раймонда А. фон Лампе отзывался крайне отрицательно. Он считал его молодым еврейским карьеристом, который весьма слабо разбирается в русском вопросе, реальной помощи от него ожидать невозможно, он занимается только обеспечением льготных железнодорожных билетов для переправки русских эмигрантов из Венгрии во Францию, и выдвинул также сомнительную идею переселения эмигрантов в Мексику. И то, и другое Лампе считал крайне нежелательным[130].

Изменение в статусе беженцев сопровождалось тем, что Алексей фон Лампе и назначенный в Будапешт Совещанием послов князь Петр Волконский в начале 1924 г. были исключены из списка дипломатических представителей, правда с оставлением за ними права экстерриториальности, и с молчаливого согласия венгерских властей они могли продолжать свою деятельность еще в течение года[131].

* * *

В совокупности на решение вопроса о принятии русских эмигрантов повлиял следующий комплекс факторов: сочувствие, осознание определенной общности послевоенных трагических судеб России и Венгрии, отрицательное отношение к большевизму, опасения внедрения нежелательных элементов, шпионской деятельности, большевистской или панславистской агитации. По источникам можно четко отделить друг от друга «человеческий фактор» (о котором упоминают в том числе Деникин, Лодыженский и др.) и бюрократической, ведомственный подход к проблеме. Если там, где дело касалось первого фактора, явно преобладали положительные моменты, то в недрах бюрократии эмигрантов часто рассматривали только как статистические единицы и на первый план выдвигались политические соображения и упомянутые опасения. К этому можно добавить, что из-

за экономической разрухи, растущей дороговизны Венгрия становилась все менее привлекательной средой для русских, большинство эмигрантов могло устроиться только на тяжелую физическую работу, многие из них (в том числе бывшие офицеры врангелевской армии) зарабатывали настолько мало, что им ежегодно оформляли удостоверения о бедности.

Помимо всего прочего языковой, религиозный, культурный аспекты тоже играли свою роль. В Югославии, Болгарии на первый план выходили славянская языковая общность, православие, общие традиции, в Чехословакии кроме славянского языка и чувства славянской общности имела значение и политическая поддержка – все это благоприятствовало формированию больших эмигрантских колоний. В Венгрии отсутствие всех этих предпосылок скорее затрудняло положение эмигрантов, усиливало в них чувство оторванности от основной массы русской эмиграции. Этой совокупностью факторов и объясняется относительная малочисленность русской колонии в Венгрии.

Примечания

[1] Статья была написана при поддержке гранта Яноша Бояи Венгерской Академии наук и гранта Куно Клебельсберга Института Балинта Балашши. В ней изложены результаты исследований, достигнутые на определенной стадии изучения темы. Дальнейшая работа в российских и венгерских архивах, введение в научный оборот новых документов позволят дополнить эту картину новыми деталями и уточнить некоторые выводы данной статьи.

[2] Одним из первых в контакт с венгерскими политическими и военными деятелями вступил некий Константин Бегичёв. Ему выделили кредит в 1 миллион венгерских крон якобы на поддержку русских беженцев. Но Бегичев так и не смог отчитаться о полученной сумме, ибо истратил ее, спекулируя на венской бирже. Это, конечно же, способствовало ухудшению репутации его соотечественников; те из них, кто обратился за материальной поддержкой к венгерскому правительству, были встречены с недоверием. См.: HL (Hadtörténeti Levéltár – Военно-исторический архив Венгрии) VKF B/160, 2959/1987. №318/401. Л. 428–429, 431; 2960/1987. № 318/401. Л. 476; 2963/1987. № 325/402. Л. 576; B/161, 3046/1987. №22.892.

[3] О деятельности упомянутых лиц и об их отношениях с венграми см. подробнее: Колонтари А. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., «Индрик», 2009. С.161–168.

[4] В Крым были откомандированы независимо друг от друга всемирно признанный эксперт по расшифровке шифрованных телеграмм, подполковник Герман Покорни (под псевдонимом

«Александр Циммерманн»), и лейтенант Дьердь Пурьес. Последний, по его словам, служил в Добровольческой Армии Антона Деникина (детали этой истории, к сожалению, до сих пор неизвестны), в сентябре 1920 г. он явился к генерал-майору Виктору Артамонову, русскому военному представителю в Белграде, и ездил в Крым по его протекции как доброволец во врангелевскую армию. Покорни покинул Крым непосредственно перед началом эвакуации, Пурьес был эвакуирован вместе с остатками армии в Константинополь. См.: Pokorny Hermann: Emlékeim. A láthatatlan hírszerző. [Мои воспоминания. Невидимый разведчик.] Budapest, Hadtörténelmi Levéltári Kiadványok, [1999.] Глава 5; HL VKF 2. 33. d. 24/277/1920 Л. 114–151.; B/168 №3062/1987 и №3063/1987

[5] HL VKF B/160 3054/1987. Л. 576, 578.

[6] HL VKF B/161 3072/1987. Л. 481.

[7] Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.

[8] Генерал Владимир Марушевский формально числился в составе французской миссии, а князь Петр Волконский, который до войны был генеральным консулом в Будапеште, прибыл в венгерскую столицу только осенью 1921 г., имея полномочия от Совещания послов, которым руководил М. Гирс.

[9] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–49. Справедливости ради необходимо отметить, что в дальнейшем фон Лампе и Марушевский хорошо сработались, Марушевский с самого начала предоставил свои связи в Венгрии в распоряжение фон Лампе.

[10] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 140.

[11] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 55, 58. Армия Пермикина – Речь идет о сформированной в Польше на базе остатков Северо-Западной армии военной группировке, которая считалась 3-й армией Русской Армии Врангеля. Ее командующим был назначен генерал-лейтенант Борис Сергеевич Пермикин. После неудачной попытки прорваться в Крым к Врангелю и прекращения военных действий на советско-польском фронте армия была разоружена и интернирована.

[12] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 119.

[13] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 118–119.

[14] Только во время пребывания фон Лампе в Венгрии (1921–1924) на этом посту сменили друг друга три министра: Густав Гратц, граф Миклош Банффи, Геза Дарувари.

[15] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 257.

[16] «Западно-венгерский» и «южно-венгерский» вопросы были связаны с территориальными установками Трианонского мирного договора. Самая западная часть Венгрии соответственно договору должна была отойти к Австрии, но венгерские полувоенные отряды с молчаливого согласия правительства Венгрии всячески препятствовали этому. А южная часть трианонской Венгрии (с городом Печ) в это время находилась под сербской оккупацией, и Белград несмотря на свои международные обязательства все еще медлил с передачей данной территории

Венгрии, не теряя надежды удержать ее за собой. В конце концов Западная Венгрия (будущая австрийская земля Бургенланд) была очищена от венгерских офицерских отрядов и передана Австрии, за исключением окрестностей города Шопрон, где в декабре 1921 г. на плебисците население высказалось за оставление этого района в составе венгерского государства. Что касается сербов, они пытались создать в оккупированном ими районе марионеточное государство, «Сербско-Венгерскую Республику Бараня-Бая», лидеры которой обратились к Белграду с просьбой о покровительстве против режима Хорти. После неудачи этой попытки сербы одновременно с передачей Бургенланда Австрии вывели свои войска с этой территории (О подробностях см.: Romsics, Ignác: A trianoni békeszerződés. Bp., Osiris, 2001. 220–227.)

[17] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 140–141.

[18] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 121.

[19] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 167–168. ABC (Антибольшевистский Комитет) был создан в начале апреля 1919 г. в Вене под руководством графа Иштвана Бетлена (премьер-министр в 1921–1931 гг.) с целью организации борьбы против Венгерской Советской республики. В его состав входили видные и влиятельные политические деятели межвоенной Венгрии, в том числе граф Пал Телеки, Дюла Гэмбэш.

[20] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 166.

[21] О деятельности Штрандтмана см. подробно: Миронова Е. М. Дипломатическая поддержка формирования колонии русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1917–1922) // Русский исход. (Отв. ред. Миронова Е. М.). Спб., Алетейя, 2004. С. 201–244.

[22] Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. [Русские белоэмигранты и Венгрия в начале 20-х гг.] // Ezredforduló, század forduló, hetvenedik évforduló: tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére. Szerk. Újvári Zsuzsanna, Budapest, Oziris, 2001. 548–549; Русская военная эмиграция 20–х–40–х годов. На чужбине. Т. 1., Кн. 2. (Составители Басик И. И. и др.). Москва, 1998. С. 517–518.

[23] MOL K-64-1920-41/ Л. 33–34.

[24] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 148–149.

[25] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 176.

[26] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 276.

[27] Дюла Гэмбэш в 1932–1936 гг. был премьер-министром Венгрии. Илья Петрович Карташев (? – 1933) – из донских казаков. В эмиграции жил в Болгарии и в Германии. С 1922 г. он был заведующим вспомогательной кассой донских беженцев при комитете «Казачья помощь» в Болгарии.

[28] HL VKF B/168 3511/1987. Л. 248–249.

[29] HL VKF B/168 3511/1987. Л. 252.

[30] HL VKF B/168 3511/1987 Л. 256.

[31] HL VKF B/168 3516/1987 Л. 391.

[32] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 307–307об.

[33] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 154.

[34] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 87, 100.

[35] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.

[36] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 154–155.

[37] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 89. Этот мотив неоднократно встречается в его аргументации. Так, например, в разговоре с заведующим отделом Министерства обороны полковником Кароем Оттрубаи он заявил, что «остались только две не красные и не розовые армии – наша и их» (то есть врангелевская и венгерская армии – А. К.). См: Там же. Л. 228.

[38] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 112.

[39] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 54об.

[40] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 54об.

[41] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 301.

[42] О подробностях этих переговоров см.: Kolontári, Attila: Hungarian–Soviet Relations 1920–1941. New York, Atlantic Research Publications, Columbia University Press, 2010. 9–59 pp.

[43] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 173, 178.

[44] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 257.

[45] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 101об.

[46] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 246–247. Сравнение поведения венгров с подушкой, видимо, понравилось фон Лампе, потому что он повторяет его в своем докладе П. Н. Врангелю (Там же. Д. 6. Л. 102).

[47] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6 Л. 87, 141.

[48] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6 Л. 92.

[49] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 153.

[50] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 133.

[51] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. 146. «Оригинально, чтобы не сказать больше! Ну да ничего не поделаешь, мы не Великая Россия и приходится глотать», – комментировал этот случай в своем дневнике фон Лампе.

[52] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 251.

[53] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 254–257.

[54] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.

[55] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 152.

[56] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 178–179.

[57] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 170–170об.

[58] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 176–179.

[59] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 178.

[60] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 178.

[61] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 177–178.

[62] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 159об.

[63] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 163об.

[64] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 59.

[65] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 186об.

[66] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 181.

[67] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 189.

[68] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 194.

[69] Протокол заседания Совета Министров от 21 сентября 1921 г. MOL (Magyar Országos Levéltár – Национальный архив Венгрии) K-27 (1921.09.16.) 10R/14 http://www.digitarchiv.hu (20. 07. 2010.)

[70] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 220об.

[71] О содержании торгового соглашения см.: Нежинский Л. Н.: В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., Наука, 2004. С. 100.

[72] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 221.

[73] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 190–191.

[74] О подробностях вопроса финансирования см. Миронова, 2004. С. 224., 228–230.

[75] Протокол заседания Совета Министров от 27 октября 1921 г. MOL K-27 (1921.10.27.) 10R/13 http://www.digitarchiv.hu (20. 07. 2010.)

[76] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 233.

[77] См.: Шимов Я.В. Последний австрийский император // Славяноведение, 2008. № 1 (Примечание отв. редактора).

[78] Йованович, Мирослав. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., Русский путь, 2005. С. 98–99. Вторая партия из 7000 лиц использовалась на шоссейных и железнодорожных работах. Там же.

[79] HL VKF B/168 3552/1987. Л. 773.

[80] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 92, 94.

[81] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 284.

[82] В своем дневнике по поводу этого он записал следующее: «там (в министерстве обороны – А. К.) меня сильно взяли в оборот о присутствии наших частей на сербо-венгерской границе. Предложил им сколько угодно народу, чтобы поставить на той же границе, но с венгерской стороны, ведь надо же людям есть что-либо, вот и служат, где угодно» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 30).

[83] HL 1930 HM Eln. I. №685. Л. 45–45об.

[84] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 287–288. Здесь необходимо отметить, что через несколько месяцев от Кусонского к фон Лампе поступили новые инструкции, предписывавшие «продолжать энергичную работу о приеме контингентов наших частей». Эта последняя формулировка противоречит первой установке, специально и сознательно ставившей вопрос только о беженцах. См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 357.

[85] HL 1930 HM Eln. I. №685. Л. 45–45об.

[86] HL 1930 HM Eln. I. №685. Л. 44.

[87] HL VKF B/169 3626/1987 №25.314. Л. 283.

[88] HL VKF B/170 3664/1987 №34.162. Л. 569.

[89] HM 1923 Eln. D. №4007 и №4032

[90] Доклады, выписки из докладов Шандора Кишша, инструкции ему относительно сношений с русскими в Софии см.: MOL K-64-1922-24/674. Л. 78–80; HL VKF B/169 3623/1987. Л. 186–190.

[91] Согласно версии Щегловитова, нападение Красной Армии якобы будет направлено и против Венгрии, чтобы, выйдя на венгерскую низменность, вбить клин между Польшей и Румынией. См.: MOL K-64-1922-24/674. Л. 78–80.

[92] Карпов Н. Д.: Крым – Галлиполи – Балканы. М., Русский путь, 2002. С. 72–75.

[93] HL VKF B/169 3623/1987. Л. 186–190.

[94] HL VKF B/169 3623/1987. Л. 186–190.

[95] HL VKF B/169 3629/1987. Л. 394–395.

[96] Ипполитов Г. М. Деникин. М., Молодая гвардия, 2006. С. 512.

[97] MOL K-64-1925-24/ №66.

[98] HL VKF B/170 3664/1987. Л. 567. Следует обратить внимание на то, что за несколько месяцев до этого именно данный департамент высказался за принятие русских беженцев.

[99] HL 1930. HM Eln. I. tétel №685. Л. 94–95.

[100] HL 1930. HM Eln. I. tétel №685. Л. 4–5.

[101] HL VKF B/170 3664/1987. Л. 570.

[102] HL 1923 HM Eln. D. №8865

[103] HL 1923 HM Eln. D. №8865

[104] MOL K-64-1924-24/ №196.

[105] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 405.

[106] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 357.

[107] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 407.

[108] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 362, 410–412.

[109] MOL K-589-x4233-37. cím. – III. Л. 214.

[110] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 15–16.

[111] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–25об.

[112] MOL K-58 38. cs. 1921/266. res pol. Л. 1252. Телеки спросил Гирса, чем может Венгрия поддержать антибольшевистскую борьбу в России. Гирс заметил, что, по его данным, в Красной Армии служат около 40 тысяч венгров, и предложил выслать агентов для проведения контрпропаганды в их рядах.

[113] ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 99–99об. Николай Владимирович Шмидт (1863– после 1934): морской офицер, служил в Вооруженных Силах Юга России, был эвакуирован из Новороссийска. Он попал в Венгрию через Александрию, Константинополь, Королевство СХС. Был произведен в генерал-майоры П. Врангелем. В 1922 г. был избран первым председателем Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском.

[114] HL VKF B/161 3047/1987. 22.892. sz.

[115] HL VKF B/169 3619/1987. Л. 61–62.

[116] Dunántúl, 1919. december 21. № 271. С. 4.

[117] MOL K-64-1925-24/ №196

[118] Лехович Д. Белые против красных. М., Воскресение, 1992. С. 286.

[119] Лодыженский Ю. И. От Красного Креста к борьбе с Коммунистическом Интернационалом. М., 2007. С. 378.

[120] ГА РФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 16. Л. 2. Казаки в большинстве своем были заняты на тяжелых физических работах за скромную заработную плату, в частности на лесоповальной фабрике вблизи Будапешта. О работе другого характера, как пишет в упомянутой сводке атаман Звездин, даже мечтать не стоит (Там же).

[121] Magyarság, 1926. július 29. Автор статьи здесь полностью разделяет точку зрения «кирилловцев», называя Кирилла Владимировича царем России («царь-скиталец»).

[122] MOL K-84-1922-1923-I-24/8 Л. 202об. Выражение «ад референдум» (лат.) означало, что с подписанием венгерское правительство приняло к сведению это соглашение, но сохранило за собой право присоединиться к нему или отклонить его в целом или частично.

[123] MOL K-107-43/2/c №118.672/1926. Л. 52.

[124] MOL K-107-43/2/ђ/1 №16.501/1/1924. Л. 21.

[125] MOL K-107-43/2/c №118.672/1926. Л. 52об.

[126] В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 15 декабря 1921 г. потеряли или лишались права на приобретение советского гражданства следующие категории лиц: те, кто проживал за границей больше 5 лет без перерыва и до 1 июня 1922-го года не обратился за соответствующими документами в советские представительства; те, кто после 7 ноября 1917 г. покинул страну без разрешения советской власти; те, кто добровольно воевал против большевиков в рядах белых армий или работал в антисоветских организациях; лица, не зарегистрировавшиеся в советских полпредствах. См.: Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország az 1920-as évek elején. In: Halász Iván (szerk.): Az orosz „fehérgárdista" emigráció Magyarországon (1918–1945). Budapest–Esztergom, BCE Nemzetközi Migrációs és Integrációs Karközi Kutatóközpont, 2011. 12–13.

[127] MOL K-107-43/2/ђ/1 №124.089/7/1927. Л. 93–94об.

[128] MOL. K-107-43/2/ђ/1 №82/pol. Л. 47–49.

[129] MOL. K-107-43/2/ђ/1 №115.215/7/1928. Л. 51.

[130] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 77–78, 120.

[131] MOL K-64-1925-24 №. 196/res. pol. Л. 2. О деятельности П. Волконского известно значительно меньше, чем о деятельности фон Лампе. Он по всей вероятности был менее активным и поэтому не оставил за собой столь большое количество документов, как военный представитель Врангеля в Венгрии.

Л.И. Петрушева

«…Судя по первым впечатлениям, внешним, по крайней мере, много общего с довоенной Россией»

(Генерал А.И. Деникин в Венгрии. 1922–1925 гг.)

22 марта 1920 г. бывший Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал А.И. Деникин навсегда покинул Россию. Оказавшись в изгнании, он решил посвятить себя написанию «Очерков русской смуты», считая это своим долгом перед соратниками, отдавшими жизнь за белое дело и оказавшимися на чужбине. Сам генерал А.И. Деникин считал работу над «Очерками» главным делом жизни. В июне 1920 г. он заключил договор о публикации «Очерков» с известным издателем Я.Е. Поволоцким, содержавшим в Париже издательство и книжный магазин еще с 1910 г. Однако каждодневный и кропотливый труд над книгой не приносил генералу достатка. Гонорар был невелик. Деникины жили в бедности. Между тем, на попечении генерала была большая семья – жена Ксения Васильевна, маленькая трехлетняя дочка Марина, старый, под 80 лет, дедушка жены, выехавший с ними из России. Кроме того, с Деникиными жили няня Вера, ординарец Павел, Надя Колоколова, сирота, которую приютили Деникины. Как известно, в эмиграцию генерал выехал вместе с детьми генерала Л.Г. Корнилова, Натальей и Юрием, которые фактически стали членами его семьи.

С апреля 1920 г. Деникины жили в Англии, с августа 1920 г. по май 1922 г. – в Бельгии. К этому времени А.И. Деникин написал уже два тома «Очерков». Дороговизна жизни потребовала переезда в страну с более низкой валютой, ведь впереди предстояла работа еще над тремя томами книги. В послевоенной Европе найти страну с относительно легкими условиями жизни было очень непросто. Много трудностей ожидало и с по-

лучением виз. Австрийские власти, например, русским беженцам старалась не выдавать даже транзитных виз[1]. Тысячи русских эмигрантов в тот период обосновались в Германии, где жизнь была относительно дешевой. Однако генерал Деникин по принципиальным соображениям переезжать в Германию не хотел.

В письме к Н.И. Астрову от 14 февраля 1922 г. А.И. Деникин написал: «Текущий злободневный вопрос – о пристанище. Выяснилось, что в Бельгии сводить концы с концами нельзя. Вопрос о переезде разрешен нами настолько категорически, что квартиру свою сдаем с 1 мая, а если можно будет, то даже с 1 апреля. Выбор небольшой: Чехия, Тироль, Венгрия. Почти остановились на Венгрии. В политическом отношении Венгрия – хоть и бывший наш враг, но нет в нем одиума Германии, видно расположение к русским и не предвидится участия в предательстве, которое назревает со стороны врагов и друзей».[2]

Еще более, чем условия жизни, А.И. Деникина интересовали политические аспекты, главным из которых было отношение страны проживания к Советской России. В письме к Н.И. Астрову от 29 апреля 1922 г. А.И. Деникин написал: « Вы, вероятно, удивитесь последнему нашему решению. Мотивы разнообразные. Конечно, юг Франции был бы лучше, но Ллойд Джордж гальванизировал большевиков и продлил их бытие. Надо думать о будущем. Во Франции я довольно скоро прогорел бы, в Венгрии возможно вполне приличное существование в масштабе литературного моего заработка. Культурные места там есть… Пока же отношение Венгрии к большевикам наиболее отрицательное. И это хорошо. Итак, рискуем. Что бог даст»[3]. Н.И. Астров в этот период являлся представителем Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Париж) в Комитете по делам русских беженцев при Лиге наций (Женева). Поэтому Н.И. Астров и С.В. Панина были в курсе условий пребывания русских беженцев в разных странах. Не случайно именно с ними Деникины всегда советовались в вопросах выбора страны проживания. Семья Деникиных сохранила дружеские отношения с Н.И. Астровым, которые сложились еще в России. В эмиграции Н.И. Астров и С.В. Панина неоднократно приходили на помощь А.И. Деникину и его семье. Именно Н.И. Астрову, члену Научного совета Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), мы обязаны тем, что свой архив генерал передал в Прагу с учетом того, что этот

крупнейший эмигрантский архив собирался для последующей передачи на Родину после падения там большевистской власти.

В дневнике, который К.В. Деникина начала вести в декабре 1921 г. и закончила, к сожалению, уже через полгода, 21 марта 1922 г. появилась запись: «Думали мы, думали куда переселиться. И сначала собирались в Чехию, но в это время их министр Бенеш начал усиленно заигрывать с большевиками, к нему даже для свидания приезжал Раковский. Противно. И потом А[нтон] И[ванович] собирался спросить относительно условий жизни в Чехии у Крамаржа, который к нему раньше очень хорошо, даже восторженно относился. Но Крамарж ничего не ответил, когда отец послал ему свою книгу. И писать ему уже не пришлось. Потом думали в Венгрию. Была я у венгерского посланника. Принял очень любезно, обещал справиться у своего правительства». И далее: «Едем-таки в Венгрию. Главное, визу получили и без ограничений»[4].

Весной 1922 г. Деникины продали часть имущества и готовились к переезду в Венгрию. В это время в их жизни произошли серьезные изменения. Они были вынуждены расстаться с Надеждой Колоколовой. Еще 6 января 1922 г. К.В. Деникина в письме С.В. Паниной написала: «Уже 3 месяца как Надя удалена из нашего дома по причине ее моральных свойств. Она, живя у нас 2 года, оказалась соглятаем и врагом. Она, где могла и как могла, обливала нас грязью, причем так тонко и умно, что за столько времени, что она жила под одной крышей с нами, мы ничего не знали. Особенно страшно делается, что из Москвы ее отправил Бонч – Бруевич, дочь которого ее подруга»[5]. Отец Н. Колоколовой в свое время командовал Архангелогородским полком. После смерти родителей Надежду и ее брата полк, командиром которого был назначен А.И. Деникин, взял на свое попечение. Н. Колоколова, закончив институт, служила до 1919 г. в кооперативных организациях в Москве. В 1919 г. она приехала в Таганрог, где прожила два года с Деникиными, с которыми и выехала в эмиграцию. Осенью 1921 г. она нашла место компаньонки в бельгийской провинции и покинула семью генерала. Отказались ехать вместе с Деникиными денщик Павел и няня Вера, помогавшие Деникиным в ведении домашних дел. Теперь все домашние заботы легли на плечи самих Деникиных. Дети генерала Корнилова также остались в Бельгии, где заканчивали учебу. Поэтому в Венгрию Деникины поехали вчетвером.

Получив визу, А.И. Деникин выехал из Брюсселя 22 мая 1922 г. Он поехал через Париж и Женеву. В Париже генерал Деникин повидался с М.В. Бернацким, бывшим министром финансов в своем правительстве, в Женеве – с Н.И. Астровым. К.В. Деникина с дочерью и дедушкой поехала через Германию. Этот путь был короче, но генерал решительно отказался ехать через Германию. Семья встретилась в Вене, где Деникины провели два дня. Послевоенная Вена им не понравилась. Они назвали Вену «умирающим городом»[6]. Приехав в Венгрию, Деникины поселились в пансионе в маленьком городке Шопроне недалеко от австрийской границы. Идею устроиться здесь им подал один знакомый венгр еще в Брюсселе. Он уверял, что Шопрон вполне культурный город, в котором имелись театр, университет, трамвай. Деникины не ожидали, что Шопрон окажется куда более провинциальным. «Трамвай, правда, есть, но такой убогий, дребезжащий»[7], – записала в дневнике 5 июня 1922 г. свои впечатления Ксения Васильевна. И все же Шопрон очень понравился Деникиным. Ксения Васильевна назвала его «богоспасительным городом», «райским уголком». «В Венгрии спокойнее, устойчивее. И хотя бедно, но как-то приветливее»[8], – написала она.

А.И. Деникин в письме Н.И. Астрову от 21 июня 1922 г. так выразил свои впечатления: «Вот уже три недели прошло в новой стране. Непонимание языка значительно затрудняет возможность познакомиться с ее бытом и нравами. Но судя по первым впечатлениям, внешним, по крайней мере, много общего с довоенной Россией»[9].

Жизнь в Шопроне была относительно недорогой, что было очень важно для семьи генерала. Однако Деникин еще очень долго здесь не смог приступить к работе над «Очерками». Из Брюсселя не были доставлены чемоданы с архивами и книгами. Венгерский посланник в Брюсселе предложил перевести их дипломатической вализой, но произошла задержка, и их доставили только к середине июля 1922 г. Но, главное, Деникины не могли найти себе квартиру для проживания. Город уже давно не был уединенным местом. Он был переполнен многочисленными беженцами, перебравшимися сюда из отобранных у послевоенной Венгрии областей. Пансион, где были вынуждены жить Деникины, был мало пригоден для работы над «Очерками». Деникины жили в двух комнатах: в одной дедушка, в другой А.И. и К.В. Деникины с дочкой. Комнаты были очень малень-

кие: на столе не умещались даже две папки с документами. Поэтому свои бумаги Деникин раскладывал вокруг на полу, кровати, чемоданах. Комната освещалась свечами.

И все же 9 августа 1922 г. Ксения Васильевна написала С.В. Паниной: «Зато выйдешь за дверь и все забудешь. Кругом лес, горы, поля. Прелестные прогулки. Воздух – не надышишься. Мариша и дедушка весь день проводят на воздухе. Дочка загорела, поправилась. Ходит босая, полуголенькая, подружилась с венгерскими ребятишками и выкрикивает уже какие-то венгерские слова. Купается в саду в корыте с подругой венгерочкой Магдушкой, одних с нею лет… Бонны у нас нет, Антон Иванович хочет русскую, чтобы Мариша росла русским ребенком»[10].

Вскоре выяснилось, что в Венгрии многие говорят по-русски. Деникины даже слышали, как из ресторана раздавалась песня «Ревет и стонет Днепр широкий», которую пели какие-то студенты[11]. В Венгрии было много бывших военнопленных, которых А.И. Деникин называл «мои крестники». Участвуя в знаменитом Брусиловском прорыве, Железная дивизия, которой командовал Деникин, захватила в плен немало солдат австро-венгерской армии, после окончания войны вернувшихся домой. «В общем, народ проще и приветливее, чем на культурном и жадном Западе»[12], – сделали вывод о Венгрии Деникины.

Как уже упоминалось, из-за трудностей в поиске меблированной квартиры жизнь долго не налаживалась. «Пока еще не получаем газет, как будто отрезаны от мира»[13], – отметила в дневнике К.В. Деникина. Поэтому Деникины жили в основном в ожидании писем, газет и журналов. Из них узнавали обо всем: о том, что происходило на Родине, о том, как жили соотечественники в изгнании. Не дожидаясь почтальона, который появлялся только после обеда, так как пансион находился высоко на горе, генерал сам ходил на почту. Писем приходилось ждать долго. Даже из Вены, до которой было 3–4 часа езды по железной дороге, письма шли шесть дней. Это происходило потому, что письма проходили цензуру, поскольку «Венгрия не питала дружбы к своим соседям, которые отхватили от нее по куску»[14]. Однажды Антон Иванович получил из Берлина от Аркадия Александровича Иванова, отчима Ксении Васильевны, «большую почту», в которой были 5-ый том «Архива русской революции», журналы «Двуглавый орел» и «Новая русская книга». В 5-ом томе «Архива русской

революции» были опубликованы воспоминания генерала П.Н. Краснова «Всевеликое войско Донское» и воспоминания генерала А.П. Филимонова «Разгром Кубанской рады», в которых авторы много места уделили взаимоотношениям с Главнокомандующим вооруженными силами Юга России генералом А.И. Деникиным. П.Н. Краснов и А.П. Филимонов резко критиковали А.И. Деникина за его действия в отношении Донского и Кубанского казачьих войск. Генерал П.Н. Краснов, в частности, утверждал, что принятые Большим Войсковым кругом по его предложению законы «показали ему (А.И. Деникину – Л.П.), что Дон становится на путь самостоятельного строительства, вне зависимости от Добровольческой армии, что он не признает Добровольческую армию за Россию, а Деникина за своего диктатора»[15]. Конечно, генерал очень остро переживал незаслуженные обвинения. «Кто такой атаман Краснов – известно. Но от Филимонова не ожидала»[16], – записала в дневнике К.В. Деникина.

Деникины очень пристально следили за событиями, происходившими на Родине. Из газет они узнали о том, что Ленин был очень болен. Любопытна запись по этому поводу в дневнике К.В. Деникиной: «Как будто у него удар или кровоизлияние в мозг. Но большевики как всегда все держат в секрете и слухи разноречивы. "Neue Freie Presse" уверяет, что он уже умер, но что это скрывают. Кто знает, верят ли или нет, и что из этого выйдет. Ведь говорят, Ленин давно отказался от своего «эксперимента», но его держат в опеке. И на Генуэзскую конференцию не пустили. Может, отравили просто, раз он стал им неудобен. Никто не знает правды, что "там" делается»[17].

Не менее пристально Деникины следили за международной политикой. Европейские страны одна за другой признавали Советскую Россию. Это не могло не огорчать. «Неужели мы помрем на чужбине эмигрантами?»[18], – написала К.В. Деникина в письме к мужу в июне 1924 г. из австрийского санатория, прочитав в одной из венгерских газет о том, что Венгрия, как и Германия, должна считать себя признавшей Советскую Россию, поскольку мирные отношения существуют еще с подписания Брестского мира. Деникины понимали, что в этом случае в Венгрии могли измениться условия пребывания русских беженцев.

Из газет и писем сослуживцев Деникины узнали о «заговоре» Русской армии против болгарского правительства, после чего из Болгарии

среди других чинов командного состава был выслан генерал А.П. Кутепов, с которым Деникин поддерживал связи в эмиграции. Произошедшее в Болгарии очень сильно огорчило генерала и его жену. 6 июля 1922 г. К.В. Деникина в своем дневнике отметила: «Обидно, что командование подало некоторый повод к этой истории. По-видимому, высылать армию не будут и временно ее оставили в покое. Как хорошо, что полки себя вели спокойно и с достоинством, несмотря на провокационные действия болгар. Бедная, бедная армия, сколько испытаний ей ниспослано, и сколько надо иметь духа через все пронести свое чувство»[19].

Деникины не только получали многочисленные письма или посылки. Многие из друзей и соратников, находясь под впечатлением опубликованных томов «Очерков», приезжали к ним в Венгрию из Софии, Белграда, Берлина и подолгу гостили, вспоминая события Гражданской войны, обсуждая положение русских воинских контингентов в разных странах. Одним из первых посетил А.И. Деникина генерал А.П. Кутепов, с которым много говорили об армии, ее будущем, о созданном генералом П.Н. Врангелем Русском Общевоинском союзе (РОВС). Даже став политическим эмигрантом, Деникин чувствовал себя причастным к судьбе армии. Он считал, что армию необходимо сохранить и не распылять. Но с руководством РОВС отношения у него были очень натянутые. Имея контакты со многими известными и влиятельными членами РОВС, с П.Н. Врангелем и П.Н. Шатиловым Деникин старался не иметь дел. Эта скрытая, а порой открытая конфронтация не могла не разделить русских эмигрантов, одни из которых поддерживали П.Н. Врангеля, другие А.И. Деникина. Много по этому поводу писалось в эмигрантской прессе. Зачастую использовались непроверенные факты. Так, К.В.Деникина упомянула в дневнике о том, что в «Последних новостях» была опубликована телеграмма под заголовком «Врангель у Деникина» о якобы состоявшейся встрече двух генералов в Будапеште. А.И. Деникин был вынужден послать в редакцию опровержение[20]. В своем дневнике К.В. Деникина рассказала еще об одном факте, свидетельствующем о сложных взаимоотношениях А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в эмиграции. Еще в мае 1922 г. в Брюсселе А.И. Деникин получил посылку с надписью «От главнокомандующего Русской армией». Деникины решили, что это альбом с фотографиями о пребывании частей Русской армии в Галлиполи. О возможности такого подарка предупреждал их еще

А.П. Кутепов. Однако А.И. Деникин посылки не принял. А.Г. Шапрон дю Ларре, бывший адъютант и генерал для поручений при Деникине, с которым у А.И. Деникина сохранились дружеские отношения и в эмиграции, отправил посылку по почте обратно. Позднее выяснилось, что кроме альбома в посылке было еще и письмо Врангеля на имя Деникина. П.Н. Врангель, решив, что А.Г. Шапрон так поступил самовольно, поскольку А.И. Деникин из Брюсселя уже уехал, послал посылку в Венгрию. Однако генерал А.И. Деникин вновь от подарка отказался, вернув его П.Н. Врангелю через канцелярию руководителя 2-го отдела РОВС А.А. фон Лампе[21]. А.И.Деникин не смог простить П.Н. Врангелю письма, написанного тем в феврале 1920 г., в котором Деникин обвинялся не только в военных поражениях, но и в том, что он цеплялся за власть и не передавал ее тем, кто мог спасти положение. Это письмо было широко распространено в армии и за границей.

Интересны взаимоотношения А.И. Деникина с А.А. фон Лампе, который был близок к кругу генерала П.Н. Врангеля. Как известно, полковник А.А. фон Лампе являлся представителем Врангеля в Дании и Германии, а затем и Венгрии. А.А. фон Лампе постоянно проживал в Берлине, получая из канцелярии от своего помощника В.А. Иловайского отчеты и доклады о положении дел, но несколько раз в год он лично приезжал в Будапешт. 18 августа 1922 г. именно А.А. фон Лампе написал А.И. Деникину письмо, в котором говорилось: «Как доброволец, начавший службу под Вашим водительством, я считаю своим долгом приветствовать Вас, Ваше Высокопревосходительство, с прибытием в Венгрию и вместе с тем поставить Вас в известность, что я и моя канцелярия в Венгрии, в случае, если Вам потребовалось какое – либо содействие, всегда с полной готовностью выполним могущее поступить от Вас поручение»[22]. Уже 24 августа 1922 г. А.И. Деникин ответил: «Я около 3 месяцев живу в Шопроне, не имея возможности устроиться ввиду квартирного кризиса. В ближайшее время перееду в Будапешт, где, кажется, есть надежда найти квартиру. Благодарю Вас за доброе желание: в случае надобности воспользуюсь Вашим любезным предложением»[23]. 21 ноября 1922 г. А.А. фон Лампе и В.А. Иловайский посетили А.И. Деникина в Будапеште. Примечательно, что оба были одеты в военную форму, что должно было означать, что визит носил официальный характер и состоялся с ведома П.Н. Врангеля. Именно во

время этой встречи состоялось личное знакомство Лампе с Деникиным. Любопытны записи, касающиеся впечатлений А.А. фон Лампе о генерале Деникине, сделанные Лампе в дневнике в тот же день после завершения визита: «Вошел, встретил неожиданно небольшого роста человека, несколько смутившегося при моем появлении… Трудно передать наш разговор, он не говорил ничего серьезного, интересовался армией и только ею, что понятно и правильно… Мне кажется, что если бы Врангель был с самого начала во главе армии, то результат был бы, может статься, иной. Хотя Деникин очень порядочный человек, но, несомненно, узкий и никакого государственного масштаба не имеет… В общем впечатление провинциальное. Это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы своих собственных решений, но и только»[24]. Отношения между А.А. фон Лампе и А.И. Деникиным, конечно, не стали тесными. Они состояли в переписке. По мере необходимости А.И. Деникин обращался за помощью к А.А. фон Лампе, и тот ее оказывал.

Деникиным очень понравилась столица Венгрии, куда, не найдя квартиры в Шопроне, в октябре 1922 г. переехала семья. К сожалению, и в Будапеште много времени заняли поиски меблированной квартиры. Об этом 17 октября 1922 г. генерал написал С.В. Паниной: «Гостиничная жизнь лишает меня всякой возможности работать. Почти 8 месяцев я не написал ни одной главы “Очерков”. А в них и возможность некоторого душевного успокоения и хлеб. Последний вопрос, впрочем, с надвигающимся крахом издательства Поволоцкого становится весьма сомнительным»[25]. Были и другие, не менее серьезные неприятности. В этом же письме он написал о том, что «наряду с добровольцами, безропотно томящимися в болгарских рудниках, есть и отбросы беженства, избравшие более легкий хлеб, например, службу в иностранных сыскных отделениях». Генерал считал, что именно им он «обязан тем недостойным и тягостным положением, в котором очутился в первый раз в жизни здесь, в Венгрии». За А.И. Деникиным и его семьей велась постоянная слежка филеров, производилась перлюстрация корреспонденции. Далее в письме говорилось: «Венгерские власти, очевидно, сбитые с толку русскими наемниками, желающими заработать, не отдают себе отчета в моем положении и в полном моем уклонении от политической деятельности. Меня нисколько не беспокоит то, что они у меня прочтут и про меня узнают – синтез всего этого печатается

в моих книгах. И вряд ли это может быть интересно для венгерской контрразведки. Но непривычно и глубоко противно, когда копаются в твоей душе чужие руки…»[26].

Думается, что были еще и другие причины, по которым за семьей Деникина была установлена слежка. Кроме бывших сослуживцев, часто и подолгу гостивших у Деникина, его несколько раз посещали английские и французские офицеры, члены миссии по установлению новых границ Венгрии, что не могло не вызвать подозрений со стороны венгерской администрации, по понятным причинам враждебно настроенной ко всем представителям Антанты. К тому же обращал на себя внимание уединенный образ жизни А.И. Деникина. Он не прислушался к советам российского посланника в Венгрии П. Волконского нанести визит главе государства адмиралу Хорти. Это также могло быть истолковано как проявление недружелюбия и пренебрежения по отношению к стране, оказавшей генералу гостеприимство[27].

Чувствуя себя оскорбленным, Деникин обратился к Астрову с просьбой оказать помощь в переезде во Францию: «Все это вместе взятое побуждает меня искать нового приюта. К большому сожалению и моему, и в особенности моей жены. Потому что народ приветливый, страна изобильна и крона дешевая»[28]. При этом Деникин просил Н.И. Астрова еще и за семью Л.М. Успенского. Полковник Л.М. Успенский был адъютантом убитого в Константинополе генерала И.П. Романовского. Л.М. и С.С. Успенские приехали в Венгрию в 1922 г. До этого времени Л.М. Успенский жил в Новом Саде в Сербии, где зарабатывал на хлеб чернорабочим. Его жена жила в Константинополе. «Теперь нас, следовательно, компания немалая – 5½ человек»[29], – написал А.И. Деникин Н.И. Астрову еще 13 января 1923 г.

Деникины не уехали из Венгрии. После обращения генерала через русского военного представителя к руководству военного ведомства страны слежка прекратилась. К тому же, без подобранной заранее квартиры ехать не решались. Квартиры во Франции были в дефиците и стоили очень дорого. Как уже упоминалось, Деникиным удалось снять маленький домик с садом в самом Будапеште. Для маленькой дочери была найдена няня. А.И. Деникин с головой ушел в работу над книгой, жена помогала ему в этом, была читателем и критиком, перепечатывала текст на

машинке. Правда, жизнь легкой не стала. Как и раньше, еще в Бельгии, приходилось вести свое деревенское хозяйство с курами, утками, огородом. Деникин таскал дрова и уголь, топил печи, убирал квартиру. Но все это приходилось делать, так как именно деревенское хозяйство помогало выжить. Правда, денег все равно не хватало. В это время и в Венгрии стал проявлять себя экономический кризис. Все стало дорожать. От няни пришлось отказаться. Из Будапешта Деникины были вынуждены переехать в маленькую деревушку „Balatonlelle" на озере Балатон. Деникины поселились в небольшом домике и вновь занялись ведением деревенского хозяйства. Они даже зиму провели здесь, чем удивили хозяйку, поскольку дом, который они снимали, был совсем неприспособленным для этого. Но главным было то, что здесь Деникин мог работать над «Очерками».

Всего за первые шесть лет эмиграции А.И. Деникин написал пять томов «Очерков». Из них в Венгрии были написаны три тома. Но трудностей в этой работе было немало. Связаны они были не только с условиями жизни. А.И. Деникина не могли не волновать его сложные взаимоотношения с Я.Е. Поволоцким, постоянно нарушавшим издательский договор. Задерживалось издание «Очерков» на русском, а также на английском и французском языках, снижался размер авторского гонорара. А.И. Деникин часто жаловался по этому поводу. В письме Н.И. Астрову 13 января 1923 г. он написал: «С Поволоцким соглашение, по-видимому, не состоится, придется вести судебный иск. Тяжело и неприятно. Я согласился на уменьшенный вдвое гонорар, лишь бы цена книги была доступной для читателя. Поволоцкий издевается: предлагает письменно maximum продажной цены за II том – сначала 12 фр[анков], потом 15. На деле же взвинтил цену первого тома до 50 фр[анков] и второго до 33 фр[анков]. Эта игра его убивает книги и фактически прекращает их распространение, в особенности на Балканах»[30]. В марте 1923 г. присяжный поверенный Г.Е. Фиалковский и М.В. Бернацкий, доверенные лица А.И.Деникина, решили официально предъявить Я.Е. Поволоцкому ультимативные требования урегулировать финансовые вопросы. В случае отказа они намеревались предъявить Поволоцкому судебный иск[31]. Неизвестно, дошло ли дело до суда, но летом 1923 г., когда генерал заканчивал 3-ий том «Очерков», ему пришлось порвать отношения с Поволоцким. Н.И. Астров и С.В. Панина оказали А.И. Деникину помощь в поиске другого издателя. Напомним, что

1-ый и 2-ой тома были изданы в Париже в издательстве Поволоцкого в 1921 и 1922 гг., 3-ий и 4-ый тома – в издательстве «Слово» в Берлине в 1924 и 1925 гг., 5-ый том – в издательстве «Медный всадник» в Берлине в 1926 г., поскольку издательство «Слово» закрылось. Н.И. Астров и С.В. Панина содействовали изданию «Очерков» на французском и английском языках. Более того, С.В. Панина стала по просьбе А.И. Деникина переводчиком 2-го тома «Очерков» на французский язык. 1-ый том был переведен А.Г. Пашковой, но редакторы остались недовольны качеством перевода. Издателем на французском языке был Я.Е. Поволоцкий, издателем на английском языке – Браун.

Кроме первой книги, написанной по памяти как воспоминания, остальные генерал Деникин написал в виде «Очерков», используя огромное количество документов и воспоминаний соратников. В распоряжении генерала были документы канцелярии Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России, вывезенные за границу. Кроме того, с согласия П.Н. Врангеля была удовлетворена просьба А.И.Деникина о передаче ему архива Генерал-квартирмейстерской части за период, когда Главнокомандующим ВСЮР был генерал Деникин. Документы были привезены Деникину из Сербии А.А. фон Лампе (В 1935 г. при передаче А.И.Деникиным своего личного архива в РЗИА им были одновременно переданы и эти два комплекса документов – Л.П.).

На призыв генерала А.И. Деникина прислать ему документы и свои заметки и воспоминания откликнулись очень многие из числа его соратников. Среди них был, конечно, и Н.И. Астров, который в свое время возглавлял Малое совещание при Главнокомандующем ВСЮР. В письме от 4 февраля 1922 г. к нему А.И. Деникин написал: «Я приступаю к составлению 3-го тома «Очерков русской революции». Желая осветить возможно полно, объективно и правдиво деятельность армии и правительства, обращаюсь к Вам с просьбой: не найдете ли возможным сообщить мне данные об общем направлении деятельности Особого совещания и, в частности, тех важнейших мероприятий, в прохождении которых Вы принимали непосредственное участие»[32].

Среди тех, кто предоставил документы Деникину, был и А.А. фон Лампе. По просьбе Деникина он присылал подшивки газет «Россия» и «Великая Россия» за 1918 г. Как известно, фон Лампе к этому времени имел до-

статочно большое собрание документов. Он собирался издавать сборник документов и воспоминаний участников белого движения под названием «Белый архив». Еще в начале 1920-х гг. генералом Врангелем ему были переданы некоторые документы. Много документальных материалов А.А. фон Лампе собрал по собственной инициативе. Из-за отсутствия средств он начал издание серии под названием «Белое дело» лишь в 1926 г.

А.И. Деникин очень критично и требовательно относился к своей работе над «Очерками». Нередко написанный материал он давал для прочтения другим участникам событий и в первую очередь Н.И. Астрову. Его замечания генерал очень ценил. Об этом свидетельствует письмо Деникина, которое он написал Астрову 14 февраля 1922 г., и в котором говорилось: «Прочел с глубоким интересом первую критику моей книги. Тонкий анализ не только содержания, но и скрытых от читателя переживаний и мучений автора. Не могу только отрешиться от впечатления, что чувство доброжелательства останавливает иногда разящую десницу критика»[33].

Публикация «Очерков русской смуты» стала заметным событием в жизни российской эмиграции и вызвала многочисленные отзывы, как благожелательные, так и критические. Как известно, высокую оценку «Очеркам» дали П.Н. Милюков, И.А. Бунин, М.А. Алданов. 6 июля 1922 г. К.В. Деникина записала в дневнике: «Дня три тому назад пережили мы приятную минуту, у меня до сих пор, как вспомню об этом, тепло на душе. Получил А[нтон] И[ванович] книгу от И. Бунина с такой хорошей надписью. Когда появилась первая книга Очерков А[нтон] И[ванович] как-то сказал мне: Вот чье мнение мне очень хотелось бы знать – это Бунина. Я еще приставала к нему – пошли ему книгу, он ответит письмом. Но он не захотел. И вот Бунин первый это сделал»[34]. Высокую оценку дал и генерал П.А. Кусонский. В своем письме к А.А. фон Лампе от 10 апреля1924 г. он написал: «Прочел и я 3 том Антона Ивановича и в восторге от этого капитальнейшего и беспристрастного, правдивого труда. Мне даже не бросились в глаза мелочи, вроде выпадов против Лисового...»[35]. В ответном письме А.А. фон Лампе был более сдержан в своей оценке: «А все-таки 3 том А.И. Деникина менее объективен, чем первые два! Я только боюсь, чтобы 4 и 5 не пошли в том же направлении...а читать-то нам становится все интереснее и интереснее...»[36].

Как известно, в двух томах «Очерки» вышли в СССР. 26 июля 1922 г. К.В. Деникина в своей последней записи в дневнике отметила: «В одном из номеров «Новой русской книги» прочли, что в журнале «Былое», который издается в Петрограде, появилась статья Щеголева «Генерал Деникин как историк русской революции». Антон Иванович никак не ожидал, что его читают «там». В несчастной, дорогой нашей Родине! И не только читают, но и пишут об этом открыто. Это странно! Положим, что пишут, мы не знаем»[37]. Деникины написали А.А. Иванову в Берлин, чтобы тот достал им этот номер журнала.

Издание «Очерков русской смуты» А.И. Деникина широко обсуждалось многочисленными читателями в разных странах. Это заставило генерала П.Н. Врангеля еще в декабре 1921 г. в Константинополе с помощью секретаря Н.М. Котляревского приступить к написанию своих воспоминаний, которые были закончены в декабре 1923 г. в Сремских Карловцах. Главным мотивом этой работы, безусловно, стала необходимость отстоять свою позицию в конфликте с генералом А.И. Деникиным. В 1926 г. Врангель начал готовить свои мемуары к публикации в «Белом деле», издававшемся А.А. фон Лампе. Однако воспоминания смогли увидеть свет лишь в 1928 г. Они вышли под названием «Записки генерала П.Н. Врангеля». В 1929 г. «Записки» были изданы на английском языке, в 1930-м на французском языке. В апреле 1930 г. на страницах журнала «Иллюстрированная Россия» были опубликованы выдержки из «Записок», касавшиеся взаимоотношений двух генералов. А.И. Деникин на страницах этого же журнала в мае-июне 1930 г. поместил статью «Мой ответ», в которой утверждал, что он так долго молчал и не отвечал на выпады Врангеля, чтобы не подрывать «авторитета лица, возглавившего армию в тяжкие периоды ее жизни – Крыма, Галлиполи и первоначальное переселение на Балканах»[38]. Но после смерти генерала Врангеля А.И. Деникин посчитал возможным ответить на обвинения, выдвинутые против него, в том числе и в «Записках». В своей статье Деникин подтвердил попытки Врангеля «войти в непосредственные сношения» в 1922–1924 гг., когда Деникин проживал в Венгрии, «попытки, которые, не веря в их искренность», Деникин оставил без ответа[39]. Статья Деникина возмутила издателя «Записок» А.А. фон Лампе, и он опубликовал в газете «Новое время» в Белграде свою статью «Врангель–Деникин (Свидетельские показания)». Главный вывод статьи

сводился к тому, что «генерал Деникин теперь пытается осквернить могилу почившего вождя, погребенного всенародными усилиями русской эмиграции...»[40]. В письме к Н.Н. Чебышеву от 29 июня 1930 г. А.А. фон Лампе написал: «Но на этот раз я не выдержал, и пусть мелко и "невеликодержавно", но обрисовал современную физиономию генерала А.И. Деникина, который катится влево...Я в Венгрии был лоялен к генералу Деникину, но выдержать более невозможно»[41]. Дальнейшего развития полемика не получила, поскольку было очевидно, что она приносила вред делу объединения эмиграции.

Несмотря на более дешевую жизнь в Венгрии, Деникины были попрежнему очень стеснены в средствах. Деньги требовались на лечение Ксении Васильевны, у которой была язва желудка. Во время обострения болезни она испытывала сильнейшие боли и была вынуждена посещать врачей, лечиться в санаториях в Венгрии и Австрии, а это было очень дорого. Когда жена уезжала на лечение, Антон Иванович оставался один с маленькой дочкой и старым дедушкой. Вся домашняя работа ложилась на его плечи. Поэтому, во время своих отъездов К.В. Деникина не могла не волноваться за своих родных и часто писала домой подробные письма. В июне 1924 г. она ездила в санаторий в Австрию, где пробыла около месяца. За это время она написала мужу двенадцать писем.

Много забот и внимания требовала к себе мать Ксении Васильевны, Елизавета Александровна, которая со своим вторым мужем полковником Аркадием Александровичем Ивановым жила в Берлине. Она была больна раком желудка. К.В. Деникина часто оставляла семью на мужа, и еще из Бельгии, а затем из Венгрии ездила к больной, умирающей матери. Для Деникиных неизлечимая болезнь Елизаветы Александровны была огромной трагедией. В сложном положении находился и отчим Ксении Васильевны. По этому поводу А.И. Деникин обращался за помощью к А.А. фон Лампе. В письме от 20 сентября 1922 г. он просил А.А. фон Лампе оказать содействие полковнику, оказавшемуся в труднейшей ситуации, к тому же не знавшему языка, в том, чтобы найти человека, который мог поддержать его в горе и помочь ему в делах. В письме от 19 октября 1922 г. Деникин благодарил фон Лампе за своевременную помощь А.А. Иванову, а также сообщил о том, что 18 октября 1922 г. Елизавета Александровна умерла. В этой связи он просил выдать полковнику необходимую сумму денег на по-

хороны, так как осуществить перевод денег в Берлин без проволочек было невозможно. Давали себя знать «драконовские правила» пересылки валюты из одной страны в другую. Выданную сумму А.И. Деникин обязался «вернуть безотлагательно». А.А. Иванов за деньгами не обратился[42].

Очень много беспокойства Деникиным доставил и поиск оставшегося в России отца Ксении Васильевны, Василия Степановича Чижа. Сразу после отъезда из России Деникины не предпринимали мер к розыску, боясь привлечь к нему внимание советских властей. Но когда в России начался страшный голод, Деникины начали искать В.С. Чижа по всем известным адресам в Москве и Крыму. Помощь в поиске, конечно, оказали Н.И. Астров и С.В. Панина. В.С. Чижа нашли в Крыму в Симферополе (по другим сведениям, в Феодосии). Измученная долгим отсутствием вестей от отца, К.В. Деникина, используя всякую возможность, при содействии С.В. Паниной стала посылать в Крым через соответствующую организацию –АРА посылки с едой, с одеждой и обувью. Как потом написал дочери В.С. Чиж, ее посылки спасли ему жизнь.

В Венгрии Деникиных часто навещали дети генерала Л.Г. Корнилова. Деникины всегда принимали участие в их жизни. К.В. Деникина называла Наталью и Юрия Корниловых «мои большие дети». Деникиным пришлось найти учителя для Юрия и оплачивать его частные уроки по французскому языку. Это было необходимо для того, чтобы он мог посещать бельгийскую школу. Наталью Деникины любовно называли Талочкой. При переезде семьи Деникиных в Венгрию Корниловы, как уже упоминалось, остались в Брюсселе. В феврале 1924 г. К.В. Деникина ездила в Брюссель на свадьбу Натальи Корниловой и Алексея Шапрон дю Ларре. Свадьба состоялась 16 февраля 1924 г. На нее были приглашены 100 человек гостей. Ксения Васильевна была посаженной матерью, а генерал А.П. Кутепов был посаженным отцом[43]. Деникины и Шапроны часто переписывались. Наталья выполняла многочисленные поручения Деникина, посылала ему документы, книги и газеты для «Очерков», разыскивала адреса однополчан.

Конечно, тихая спокойная жизнь в Венгрии не могла не отрывать Деникина от жизни русской эмиграции. Он выезжал в Париж, Брюссель, чтобы выступить с докладами перед русской эмиграцией, но это бывало нечасто. Уединенный образ жизни стал постепенно тяготить генерала, хотя и с Венгрией, которую Деникины полюбили, было трудно расстать-

ся. Между тем, работа над «Очерками русской смуты» была практически закончена. Предлогом для переезда послужило письмо от Алексея Шапрона, в котором он уговаривал Деникиных вернуться в Бельгию. В середине 1925 г. Деникины переехали в Бельгию. Но уже весной 1926 г. они уехали во Францию, Мекку русской эмиграции, где прожили почти двадцать лет.

О жизни в Венгрии, с которой судьба связала Деникиных на три года, известно не так много. Немногочисленные документальные материалы, имеющиеся в распоряжении современных историков, содержат много высказываний и о других странах, в которых Деникины побывали в годы своего беженства. Однако в этих документах вряд ли найдется столько же теплых слов, сколько их было высказано в адрес Венгрии и венгерского народа.

Примечания

[1] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 56 об.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 674. Л. 38 об.

[3] Там же. Л. 47–47 об.

[4] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л.55–56.

[5] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1 или 11 об.

[6] Грей М. Мой отец генерал Деникин. М. 2003. С. 243.

[7] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 61.

[8] Там же Л. 61об.

[9] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 674. Л. 51

[10] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 1094. Л. 3 об.

[11] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 70 об.

[12] Там же. Л. 70 об.

[13] Там же. Л. 62.

[14] Там же. Л. 68 об.

[15] Архив русской революции. Т.5. Берлин. 1922. С. 198.

[16] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 69.

[17] Там же. Л. 62.

[18] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 517. Л. 36.

[19] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 68–68 об.

[20] Там же. Л. 72.

[21] Там же. Л. 71 об.

[22] ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 157.

[23] Там же. Л. 158.

[24] Там же. Л. 129–130.

[25] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 1093. Л. 13–13 об.

[26] Там же. Л. 13–13 об.

[27] Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М. «Воскресенье». 1992. С. 287.

[28] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 1093. Л. 13 об.

[29] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 674. Л. 60 об.

[30] Там же. Л. 61 об.

[31] Там же. Л. 62.

[32] Там же. Л. 42.

[33] Там же. Л. 38.

[34] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп.1. Д. 514. Л. 72.

[35] ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 122.

[36] Там же. Л. 123.

[37] ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 514. Л. 72.

[38] ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 81. Л. 33.

[39] Там же. Л. 33.

[40] Там же. Л. 4 об.

[41] Там же. Л. 88.

[42] ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 264.

[43] ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 517. Л. 36–37.

Ф.Е. Лукьянов

Венгерские годы генерала Деникина

«Очерки русской смуты» писались на берегах Балатона

Перезахоронение праха Антона Ивановича Деникина на кладбище московского Донского монастыря поставило точку в земной биографии одного из лидеров Белого движения. Однако в самой биографии боевого русского генерала, увы, до последнего времени было еще немало «белых пятен». Мало кто знает, что первые годы эмиграции генерал Деникин провел вовсе не во Франции, а в Венгрии. Здесь, в местечке Балатонлелле на берегах озера Балатон, был в основном написан главный труд жизни генерала – «Очерки русской смуты».

«Нравится мне Венгрия...»

В Венгрию судьба занесла семью Деникиных в начале 1922 г. Позади была новороссийская катастрофа, отставка с поста главкома Добровольческой армии, отъезд к семье в Константинополь, а затем в Англию. В Лондоне, однако, чета Деникиных не задержалась. Попытки англичан уговорить генерала встать во главе русского правительства в изгнании успехом не увенчались. Вскоре, в знак протеста против начала переговоров англичан с Советами, Деникин вообще покидает туманный Альбион.

Хотели было Деникины остановиться в Бельгии, но жизнь местная оказалась очень дорогой, а тут знакомые посоветовали перебраться в Венгрию. К тому времени, по заказу парижского издательства, уже вовсю шла работа над мемуарами, получившими позднее название «Очерки русской смуты». Деникину требовалось уединиться и сосредоточиться, чтобы закончить работу в определенные сроки.

Венгрия в этом плане подходила идеально. Страна недорогая. Соотечественников-эмигрантов не так много, как во Франции. Никто не мешает работать. К белой эмиграции отношение благосклонное. После разгона венгерской Советской республики Бела Куна «венгерский Колчак» – адмирал Хорти с симпатией относится к офицерам Белой гвардии. Лидер венгерского белого движения никогда не забудет, что именно деникинский поход на Москву в 1919 г. помешал соединиться в Карпатах частям венгерской и советской Красной армии, шедшей на подмогу «братьям по классу». Если бы это произошло, то история самой Венгрии, да и Европы в целом, могла бы сложиться совсем иначе. На подходе ведь была и Баварская советская республика, и в Австрии все шло по тому же сценарию…

По воспоминаниям генерала Павла Шатилова, начальника штаба Добровольческой армии при Деникине и Врангеле, занимавшегося в начале 1920-х годов вопросами размещения частей эвакуированной Белой армии в странах Восточной Европы и Балкан, Будапешт одним из первых, в одно время с Прагой, дал добро на прием первых сотен русских эмигрантов [1].

Таким образом, первая волна белой эмиграции появилась в Венгрии уже в конце 1920 г., вскоре после ухода армии Врангеля из Крыма. Будапештские газеты тех дней описывают, как в местных гостиницах появились первые русские. Листаю газеты тех дней. «Пешти напло» сообщает, что в отеле «Ритц» на Бульварном кольце поселился один из командующих Северным фронтом, человек, близкий к Врангелю – генерал Владимир Марушевский с семьей, включая пятимесячного ребенка, генерал Глазенап, князь Леонид Урусов, баронесса Фридерикс в форме лейтенанта добровольческой армии. «Русская колония отеля «Ритц», – как отмечает венгерская газета, – живет достаточно скромно и есть что-то очень грустное в том, как они с замиранием сердца ловят любую весть с родины, как ждут того дня, когда смогут вернуться домой»[2]…

К моменту приезда Деникиных в Венгрию, к началу 1922 г., местная колония русских эмигрантов насчитывала уже несколько тысяч человек. Надо сказать, что настроения у колонистов были самые разные, и отношение к бывшему главнокомандующему тоже было, скажем так, неоднозначное. Многие офицеры-врангелевцы считали его ответственным за провалы Белой армии на Юге России, памятуя о его серьезных разногласиях с

Врангелем. Однако, судя по всему, после произошедшего, после «русской катастрофы» Деникину меньше всего хотелось выяснять с соотечественниками – кто был прав, а кто – виноват в те дни. Для него главным в этот момент была книга. «Очерки русской смуты», – писал в это время сам генерал, – я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении «белого движения» и перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное показание перед судом народным, судом истории». Надо было осмыслить произошедшее, понять причины неудач, да и деньги надо было зарабатывать. Других доходов, кроме гонорара от книги пока не было, а семью надо было кормить.

На пути в Венгрию, в 20-х числах мая 1922 г., Деникины остановились в Вене. Недавняя столица обширной Австро-Венгрии произвела неприятное впечатление. В своих воспоминаниях дочь генерала – Марина Деникина-Грей приводит такое письмо матери с впечатлениями о Вене: «Это вымирающий город. Улицы грязные, с облезлыми домами. Никто их не подметает и не штукатурит здания. Никто из жителей Вены не верит в будущее. Царят спекуляция и черный рынок. Мне показалось, что я перенеслась в Россию, в дни, предшествующие революции…» [3]

Первым пристанищем в Венгрии для семьи Деникиных стал город Шопрон. Небольшой старинный, патриархальный, провинциальный город на самой границе с Австрией, в каких-то 60 километрах от Вены. Местная природа, леса, горы сразу понравились. Как записала в своем дневнике 5 июня 1922 г. жена генерала Ксения Васильевна: «Жизнь здесь действительно гораздо дешевле…да и народ симпатичнее. Пока живем в пансионате за городом, в лесу. Воздух и окрестности чудесные, давно не делали таких чудных прогулок…»

Спустя месяц новая запись: «Нравится мне Венгрия, правильнее будет сказать Шопрон, ибо больше я еще ничего от Венгрии не видела. Такой обильный край, столько «плодов земных». О настроении первых венгерских месяцев Деникиных говорит и такая запись жены: « Бывают минуты, что в мою душу нисходит мир, такой полный, как не бывал со времени войны»…

Послевоенный Шопрон был полон солдат австро-венгерской армии, только-только вернувшихся из русского плена. Многие из бывших военнопленных привезли с собой из России жен, сами неплохо говорили по-

русски. Поэтому у Деникиных особых проблем при общении с местным населением не было. Венгерских военнопленных с русского фронта Антон Иванович часто называл своими «крестниками».

Надо иметь в виду, что до революции и Гражданской войны он воевал боевым генералом как раз на австро-венгерском фронте. Еще в 1915 г. «железная дивизия» генерала Деникина прославилась во время Галицийской битвы и в боях за Карпаты. За действия своей дивизии во время знаменитого Брусиловского прорыва будущий глава Белого движения был награжден Георгиевским оружием, осыпанным бриллиантами.

Деникина поразило, что вернувшиеся из русского плена венгерские солдаты не только не питали ненависти к России и русским, но, напротив, были настроены весьма дружелюбно. Вот что он записал на этот счет: «Общее явление: ни следа недружелюбия после войны…Чрезвычайно теплое отношение к русским. Каждый третий комбатант побывал в плену в России, и, невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания – о русском народе; о шири, о гостеприимстве, о богатстве страны…»

Постепенно, однако, и Шопрон стал наполняться беженцами со всех земель, отторгнутых от несчастной Венгрии. По воспоминаниям дочери генерала Марины Антоновны, семья решила уехать из Шопрона в Будапешт именно потому, что в небольшом городке появилось слишком много беженцев, и по этой причине здесь невозможно было снять дом. Работать в одной комнате с маленьким ребенком Деникин не мог [4].

Была и другая версия на этот счет. Дело в том, что в пограничном городе тогда появились английские и французские члены миссии по установлению новых границ страны после Трианонского мирного договора 1920 г. По договору, Венгрия теряла две трети своих бывших территорий. В самом Шопроне только-только прошел референдум о том, в какой стране остается город после распада Австро-Венгрии: в Австрии или Венгрии. Жители выбрали Венгрию. Члены миссии зачастили к Деникину, а венгры весьма неодобрительно относились к представителям победившей Антанты. Кончилось тем, что за генералом установили слежку, начали вскрывать почту. Пришлось писать письмо с протестом в местное военное министерство. Наблюдение сняли. Но переехать так или иначе все равно пришлось.

Генерал-отшельник

В Будапеште соотечественников-эмигрантов оказалось еще больше. Собрания, клубы, тусовки, как сказали бы сегодня, дрязги, склоки, противоборствующие партии. Но Деникин и здесь держится особняком. Можно сказать, отшельником. Он как будто совсем ушел из политики. Вот что сообщал русский дипломатический представитель в Венгрии князь Волконский: «Здесь держит себя вдали от всяких дрязг с достоинством и большой простотой генерал Деникин. Мы с ним навестили друг друга».

Сам Антон Иванович в одном из писем бывшему сослуживцу Н.И. Астрову напишет, что все последнее время «погружен целиком в прошлое, в историю, почти не соприкасается с вопросами современности». В другом письме тому же адресату сообщает, что помимо литературного труда «жизнь на время сузилась до удовлетворения насущных потребностей в обстановке черновой хозяйственной работы: таскаю дрова и уголь, топлю печи, убираю квартиру, заколачиваю все щели»…

Работа над «Смутой» тем временем продвигалась довольно быстро. В Будапеште, куда семья Деникиных переехала в октябре 1922 г., они поселяются на будайской стороне Дуная, в маленьком доме с садом. У них теперь молодая венгерская няня и генерал, наконец, может приняться за свои «Очерки»[5].

Если первый том «Очерков», написанный еще в Бельгии, ему приходилось в основном писать по памяти, то в Венгрии Деникин стал получать в свое распоряжение и заметки сослуживцев, и архивы Белых армий, вывезенные из Крыма через Сербию. На его призыв присылать документы откликнулись многие. Правда, были и такие, кто саботировал его призыв. Это относится к близкому окружению Врангеля.

В последующих томах своей эпопеи главком вводит в научный оборот все больше и больше уникальных документов: материалы по истории Первого Кубанского («Ледяного») похода, воспоминания генералов Богаевского, Шкуро, Казановича, приказы, сводки, обращения. Работа шла, а денег пока больше не становилось. Безденежье было хроническим и в Будапеште.

Возможно, если бы Деникин обратился за помощью к венгерским властям, к тому же адмиралу Хорти, то он бы ее получил. Тот же князь Волконский, как дипломат, настойчиво рекомендовал нанести визит главе государства. Но как-то не случилось. Видимо, офицерская гордость помешала. Позднее Деникин скажет: «После года (прожитого в Венгрии) мне показалось это неудобным, и я не пошел. Так и прожили мирно три года».

«Помещик» Деникин

Не имея постоянного дохода, жить даже в относительно дешевом Будапеште становилось все труднее и труднее. Помощи ждать неоткуда. В итоге, после нескольких месяцев жизни в столице на семейном совете было решено переселяться в провинцию. Выбор пал на Балатон. Здесь, в небольшой деревушке Балатонлелле на южном берегу озера, окруженном со всех сторон садом и виноградниками, Деникины проведут около двух лет.В конце мая 1924 г. в письме одному из друзей Деникин так описывал свое балатонское прибежище: « Наше жилище не шикарно, но просторно и относительно удобно. Особенно великолепен сад, выходящий на озеро. Летом здесь прекрасно. О зиме же я стараюсь не думать. Мне говорили, что еще никто не проводил в этом доме зиму» [6]. Очевидно, речь шла о неутепленном летнем домике. Правда, зимы в Венгрии не такие суровые, как в России. Дочь генерала – Марина так пишет о жизни Деникиных на Балатоне:

«Лето было чудесным. Озеро искрилось, приглашая на лодочные прогулки. Кругом в изобилии росли вишня и малина. Няня Вера, приехавшая из Брюсселя, готовила из этих ягод русскую наливку. Абрикосовые деревья и яблони гнулись под тяжестью плодов. В огородах росли капуста, морковь, картофель, наливались соком ярко-красные помидоры. Опоросилась свинья, пели петухи, разноцветные куры несли огромные яйца. Дородные гуси гоготали и нагуливали жир»[7]. Как-то, рассказывает Марина, Деникины обнаружили, что их гуси умерли. Заподозрили, что их могли отравить. Деникин собственноручно вырыл им братскую могилу. Уже собрались хоронить, но решили перед погребением хотя бы ощи-

пать на пух для подушек. Тут-то гуси и ожили. Оказалось, что отведали они ягодок от русской настойки няни Веры, неосторожно выброшенных после фильтрации.

Жизнь Деникиных на Балатоне больше напоминала жизнь мелких русских помещиков в условиях натурального хозяйства, правда, без крепостных крестьян. Все приходилось делать самим. Копать огород, разводить кур, гусей, следить за садом. Кормились в основном с огорода. Генерал не отказывался ни от какой работы по дому. Трудиться приходилось в поте лица. Сначала на земле, потом за столом. Генерал писал, жена редактировала, перепечатывала рукописи, делая свои замечания. Работа спорилась.

За это время будут написаны последние тома «Очерков русской смуты», публикация которых затем всколыхнет всю эмиграцию и гулко отзовется в большевистской России. О том, в каких условиях писался первый фундаментальный труд по истории Гражданской войны в России, вспоминают сослуживцы и соратники генерала, часто бывавшие в это время в его балатонском пристанище.

В гости на Балатон к Деникиным стали наведываться многочисленные гости. Из Белграда, Софии и Берлина приезжали генералы, офицеры. Привозили материалы по истории Белого движения, гражданской войны. За разговорами о прошлом, настоящем и будущем России незаметно уходили продукты натурального хозяйства «помещика Деникина», а гости и не замечали, что гостят в балатонском «имении» по две, а то и по три недели…

Генерал Кутепов посетил своего бывшего начальника сразу же, не дожидаясь лучших времен. Дело в том, что великий князь Николай Николаевич, бывший главком русской армии, бежавший во Францию, решил продолжать теперь уже тайную борьбу против большевиков и обратился к Кутепову. Тот поехал за советом к Деникину на Балатон.

Деникин, пишет дочь Марина, всегда с недоверием относился к шпионам, разведчикам и контрразведчикам, даже когда был вынужден прибегать к их помощи. «Мне кажется, что план полезен, но я полагаю, что вам нужны значительные финансовые средства и солидный опыт в таком деле, – отреагировал Деникин на планы Кутепова, – иначе предприятие не возымеет успеха»[8]. Из всего разговора Кутепов, как пишет Марина, вы-

нес лишь слово «полезен» и пустился в свое дилетантское мероприятие, из-за чего через несколько лет и был убит агентами ГПУ. Похожая участь постигла чуть позже и генерала Врангеля, создавшего в эмиграции боевую подпольную организацию РОВС – Российский Общевоинский Союз. Можно предполагать, что Врангель был отравлен в Брюсселе посланцем ГПУ. Деникин же в 20-е годы считал, что никакое иностранное вторжение в Россию было невозможно, да он и не желал этого.

Скорее всего, в эти же, балатонские, годы помимо «Очерков русской смуты», как пишет один из исследователей биографии генерала – г. Ипполитов, Деникиным была написана и статья «Искание Родины», в которой он оформил свою принципиальную позицию по вопросу – как быть дальше? Какую позицию должно занимать русское воинство в эмиграции в отношении большевистской России в случае международного конфликта или новой мировой войны? Генерал приходит к выводу, что в мире нет стран, которые бы серьезно и бескорыстно помогли в свержении советской власти в России [9].

Поэтому русские добровольцы не имеют нравственного права участвовать в войне против своей Родины на «стороне держав, имеющих целью отторгнуть Российские окраины». Этой позиции русского патриота, сформированной еще в первые годы эмиграции в Венгрии, генерал Деникин будет верен потом всю свою оставшуюся эмигрантскую жизнь, независимо от того – куда судьба забросит его на исходе дней. Во Франции или в США.

Публикация пятитомника «Очерков», в целом законченных уже на Балатоне и опубликованных в Париже и Берлине, к середине 1925 г. позволила Деникиным чуточку вздохнуть от материальных невзгод. К этому времени спокойная жизнь в Венгрии стала тяготить оторванностью от близких и знакомых. К тому же дочери Марине исполнилось шесть лет, и ее надо было определять в хорошую школу.

В середине 1925 г. Деникины, после настойчивых уговоров друзей, проведя три года в венгерской эмиграции, решили осенью вернуться в Брюссель. Как пишет дочь Марина, перед отъездом из Венгрии пришлось продать свинью, кур и гусей. Собаку Мелинду приютил крестьянин из той же деревни. Деникину нелегко было расставаться с Венгрией, «где с такой теплотой относились к русским». Когда поезд, загруженный скарбом

Деникиных, тронулся с ближайшей станции на Балатоне, на платформе появилась перегрызшая веревку Мелинда, которая бросилась за своими хозяевами. Она бежала вдоль путей, высунув язык и волоча за собой веревку, пока поезд не набрал скорость[10]...

Так закончился венгерский период эмиграции. Впереди у бывшего главкома Добровольческой русской армии был Брюссель, Париж, переезд в США. Ему оставалось еще 20 с лишним лет жизни.

Примечания

[1] Шатилов П. Расселение армии по балканским странам // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 77–115.

[2] Pesti Napló, 1921.01.01. 4.

[3] Деникина-Грей М. Генерал Деникин. Воспоминания дочери, М., АСТ-ПРЕСС, 2005, С. 231

[4] Там же. С. 232.

[5] Там же. С. 231.

[6] Там же. С. 232.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 234.

[9] Ипполитов Георгий. Деникин (серия ЖЗЛ). М., Молодая гвардия, 2000, С. 437.

[10] Деникина-Грей М. Генерал Деникин. С. 235.

М.В. Шкаровский

История русских общин в Венгрии

Первая русская церковь на венгерской земле – Успения Пресвятой Богородицы при Придворной комиссии по покупке вин – была основана в г. Токае. Токайские сухие вина уже в XVII веке пользовались в России большой популярностью. В царствование императрицы Елизаветы Петровны в город в 1745 г. была послана особая постоянная комиссия из 35 человек, которая занялась закупкой местных вин и доставкой их в Петербург, к императорскому двору. В доме комиссии в 1745 г. была устроена походная Успенская церковь, настоятелем которой назначили священника Корнилия Романова. Его преемником в 1753-1767 гг. служил иеромонах Иезекииль (Дьяковский). Затем некоторое время священника в Токае не было, и только в 1775 г. его место занял иеромонах Иустин (Фиалковский), умерший через четыре года. Причетником в это время был известный украинский философ Г.С. Сковорода. Последним настоятелем церкви в Токае служил иеромонах Аарон (Пекалицкий), отозванный осенью 1786 г., когда церковь была закрыта в связи с прекращением работы комиссии[1].

Еще одним русским храмом на территории Венгрии была церковь св. мученицы Александры, построенная по проекту венгерского архитектора Станислава Хеппе в 1801-1803 г. в г. Ирёме (Ироме) вблизи Будапешта над гробницей великой княгини Александры Павловны (1783-1801), старшей дочери императора Павла I, бывшей замужем за венгерским палатином и эрцгерцогом Австрийским Иосифом-Антоном Габсбургом и сохранившей православную веру. Небольшая (вмещавшая 30 человек) каменная церковь с приделом св. прав. Иосифа была заложена 19 июня 1801 г. протоиереем Самборским и им же освящена 31 августа 1803 г.

В октябре 1816 г. храм посетил император Александр I, 11 сентября 1852 г. в Ирёме побывал цесаревич Александр Николаевич; в 1866 г. – великий князь Константин Николаевич, а 8 лет спустя – его супруга вели-

кая княгиня Александра Иосифовна. В 1850-1870 гг. настоятелем церкви служил прот. Василий Миронович Войтковский, который много писал о судьбах Православия в Австро-Венгрии, а затем почти 40 лет (в 1877-1913 гг.) – прот. Феофил Николаевич Кардасевич, тоже посылавший свои статьи в духовную печать. В 1885-1898 гг. он также окормлял общину в г. Мерано. Хотя в храме св. Александры служил русский причт, состоявший из священника и 3-4 певчих, богомольцами до начала XX века являлись в основном жившие в округе сербы.

Богослужения в храме временно прекратились после начала I Мировой войны, когда причт выехал в Россию. Возобновились они в начале 1920-х гг., в это время в церкви св. мц. Александры служил находившийся в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) иеромонах Савва (Советов) – будущий архиепископ Гродненский Польской Православной Церкви. У южной стороны церковного участка находится небольшое кладбище, где погребены члены причта, последним – в феврале 1926 г. протоиерей Стефан Иаковлевич Колумбов (1842-1926). Он начал служить в Ирёме еще в 1864 г. псаломщиком (с 1891 г. диаконом, с 1910 – священником), в 1922-1926 гг. являлся ее настоятелем и был похоронен рядом со своим отцом, состоявшим при церкви диаконом[2].

Послереволюционная волна русской эмиграции мало затронула Венгрию, правительство этой страны согласилось принять лишь несколько сот человек, но все же в мае 1923 г. большая группа белых солдат и офицеров из галлиполийских лагерей (Турция) прибыла в Венгрию. В 1926 г. в стране, по некоторым данным, проживало 5294, а в 1929 г. – 4764 русских беженца[3]. Поселившиеся в Будапеште русские эмигранты в 1922 г. устроили домовую церковь Пресв. Троицы (позднее преп. Сергия Радонежского) и основали приход, который подчинялся митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и после перехода этого Владыки в 1931 г. в юрисдикцию Вселенского Патриарха оказался в составе Западно-Европейского экзархата Константинопольского Патриархата. Располагалась русская церковь в Будапеште по адресу: ул. Сив, 4 (6-й район).

Вследствие разрыва с митрополитом Евлогием Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) решил создать свою общину в Венгрии, и с этой целью в 1928 г. был рукоположен в сан священника бывший советник полиции Иоанн (Янош) Руско. В его ведение

были переданы русские эмигранты в Венгрии, признававшие юрисдикцию РПЦЗ, однако в 1931 г. отец Иоанн был отстранен от служения Архиерейским Синодом. В 1933 г. священника принял в Париже митрополит Евлогий и вновь направил в Венгрию. При активном участии отца Иоанна была построена чисто венгерская православная часовня св. Иоанна Златоуста в Будапеште, а также воздвигнуто несколько храмов в других городах. Правда, вскоре он был запрещен в служении уже митрополитом Евлогием[4].

Настоятель Свято-Троицкого прихода с 16 января 1928 г. бывший русский военный священник протоиерей Михаил Попов после его увольнения 29 октября 1931 г. митрополитом Евлогием 7 ноября того же года перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей. Однако большая часть прихожан не последовала за своим пастырем, оставшись в подчинении митрополиту Евлогию. Отец Михаил создал новый приход под юрисдикцией РПЦЗ, но в апреле 1932 г. был выслан из Венгрии, а после возвращения, через несколько недель, 2 мая подвергся аресту венгерскими властями и заключен в тюрьму на два года (затем интернирован в лагерь Хайдунанаш). Все имущество Свято-Троицкой церкви было возвращено евлогианской общине. 30 мая 1932 г. решением Архиерейского Синода о. Михаил был уволен с должности настоятеля прихода и исключен из состава клира РПЦЗ. После освобождения протоиерей М. Попов окончил университет в г. Дебрецене и, получив докторскую степень, остался преподавать в нем (в годы Второй мировой войны он возглавлял Мадьярско-Русинскую Православную Церковь в сане протопресвитера и в конце 1944 г. был арестован немцами)[5].

Община РПЦЗ в Будапеште была заново организована епископом Венским Серафимом (Ляде), правда, своего храма она не имела и арендовала для богослужений различные помещения. Настоятелем этой общины был назначен сразу после своего рукоположения 28 декабря 1933 г. в сан иерея о. Афанасий Михайлович Донецков (1887-1979). Он возглавлял общину РПЦЗ до конца 1944 г. Настоятелем же Свято-Троицкой церкви с 15 февраля 1938 г. до начала 1945 г. служил рукоположенный митрополитом Евлогием в сан иеромонаха 6 декабря 1937 г. о. Сергий (в миру Мстислав Владимирович Мусин-Пушкин, 1899-1960). Он происходил из известного графского рода, воевал в кавалергардском дивизионе в составе Белой

армии в годы гражданской войны и уже в эмиграции закончил Свято-Сергиевский богословский институт в Париже. С 1938 г. о. Сергий был председателем Комитета русских организаций в Венгрии[6].

В конце 1930-х гг. церковная ситуация в Венгрии в связи с расширением ее территории существенно изменилась. Сначала по Венскому арбитражу от 2 ноября 1938 г. в состав страны были включены южные районы Словакии и Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси). Затем весной 1939 г. Будапешт подчинил себе всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. по второму Венскому арбитражу Венгрии была возвращена Северная Трансильвания. Наконец, весной 1941 г. в ходе югославской кампании вермахта, в которой приняла участие и венгерская армия, к венгерскому государству отошла и северо-восточная часть Югославии (так называемая Воеводина), где имелось несколько русских церковных общин.

История чисто русских эмигрантских приходов, оказавшихся в годы II Мировой войны на территории Венгрии, имела свои особенности. Все они (кроме одного) находились в юрисдикции РПЦЗ, причем их деятельность отличалась значительной активностью. В занятой Венгрией части Югославии в начале 1920-х гг. поселилось 7-8 тысяч русских эмигрантов. Большие колонии появились в городах: Нови Саде (по некоторым данным, около полутора тысяч человек), Суботице, Сомборе и других, кроме того, было создано более 30 «казачьих станиц» – компактных селений по 10-50 казаков с семьями. Эти казаки занимались ремеслами и сельским хозяйством, но при этом оставались в подчинении своих атаманов; женились они в основном на представительницах национальных меньшинств – венгерках, словачках, русинках; детей крестили в православных храмах[7].

Еще в начале 1920-х гг. в Нови Саде были созданы Русско-сербское благотворительное общество помощи беженцам под почетным председательством епископа Бачского Иринея (Чирича), несколько эмигрантских культурно-просветительных, общественных и политических организаций. В городе существовало немало сербских храмов и первоначально беженцы посещали церковь свт. Николая, но в феврале 1922 г. епископ Ириней предоставил русской общине домовую церковь свт. Василия Великого на втором этаже своего Архиерейского дворца в центре города. Вскоре было создано Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев в Новом Саду, председателем которого стал первый настоятель русского

прихода протоиерей Феодор Синькевич. С 1934 г. настоятелем прихода служил священник Сергий Самсониевский[8].

В 1935 г. при покровительстве Сербского Патриарха Варнавы и Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) был основан Русско-сербский комитет для постройки русского храма в Нови Саде (в память убитого в 1934 г. югославского короля Александра I Карагеоргиевича). К весне 1941 г. на пожертвования удалось приобрести земельный участок, разработать проект храма (во владимирско-суздальском стиле) и собрать средства на строительство, однако война помешала осуществлению этого плана[9].

После присоединения большей части Воеводины к Венгрии три местные русских общины оказались в неопределенном положении. Их связь с Епархиальным Управлением в Белграде и председателем Архиерейского Синода РПЦЗ митрополитом Анастасием надолго прервалась. Уже в апреле 1941 г. были распущены почти все русские эмигрантские организации, в том числе Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев и отделение церковно-культурного общества «Русская Матица» в г. Нови Сад (ему было возвращено прежнее венгерское название Уйвидек). В тоже время эмигрантам разрешили создать Русское военное представительство, продолжили свою работу и Уйвидекский (ранее Новосадский) комитет Российского общества Красного Креста, а также Русский клуб со столовой[10].

В августе 1941 г. по требованию венгерских властей был ликвидирован Русско-сербский комитет по сооружению русской церкви в г. Нови Сад. Узнав об этом, Архиерейский Синод РПЦЗ 26 сентября постановил из собранных средств 20 тыс. динар передать на нужды русской общины в Уйвидеке, а остальные 76 тыс. – на возведение церквей в России, образовав с этой целью специальный фонд при Синоде. Однако постановление слишком поздно стало известно в Венгрии, указанные деньги перешли местному комитету Российского общества Красного Креста, которое передало 30 тыс. динар на содержание русской церкви в Уйвидеке, а 20 тыс. – на издание миссионерского сборника, молитвослова и Евангелия на русском языке[11].

По инициативе настоятеля русской церкви свт. Василия Великого в Уйвидеке о. Сергия Самсониевского 23-24 октября 1941 г. в Архиерейском

доме состоялось совещание представителей русских церковных приходов, общин и групп в Венгрии. Всего их тогда насчитывалось пять, в том числе два прихода в Будапеште – один из них, хотя и был в юрисдикции митр. Евлогия, согласно соглашению 1939 г. через епископа Пражского Сергия (Королева) уже подчинялся находившемуся в юрисдикции РПЦЗ архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде).

Совещание постановило: учредить «Союз русских эмигрантских православных приходов в королевстве Венгрия», составив его устав; в случае невозможности установления связи с Белградом за санкцией архиерейской власти обращаться к архиеп. Серафиму; выделить для работы в России пять священников, направив ходатайство об их отправке германским властям; просить митр. Анастасия учредить Духовный суд в Уйвидеке; завершить организацию приходов в Сомборе и Сабадке (Суботице). Сразу после совещания была создана комиссия под председательством о. Сергия для регистрации всех русских священников Венгрии без различия юрисдикций. В это время в Уйвидеке уже существовали миссионерские синодальные курсы (во главе с администратором – полковником Ю.Б. Броневым), и планировалось открыть их отделения в Будапеште, Сомборе и Сабатке[12].

На следующий день в соответствии с решением совещания руководители русских эмигрантских организаций обратились с заявлением к германскому военному представителю в Будапеште с просьбой предоставить возможность местному духовенству использовать свои силы для церковной работы в России, а также для обслуживания лагерей военнопленных и русских национальных воинских частей. Был даже разработан детальный план организации и снаряжения Духовных миссий, но разрешения на их деятельность с германской стороны, естественно, не последовало[13].

27 октября о. Сергий отправил протоколы совещания и проект временного устава «Союза русских эмигрантских православных приходов в королевстве Венгрия» митр. Анастасию, отметив, что если новый устав утвердить у венгерских властей не удастся, придется все приходы и их союз ввести в уставные рамки Российского общества Красного Креста в Венгрии, как единственной легальной русской организации в стране. Священник особенно просил разрешить учреждение в Уйвидеке временного

Духовного суда для Венгрии, так как многие бракоразводные дела не терпели отлагательства.

Это письмо, хотя и с задержкой, дошло в Белград, и митр. Анастасий 26 декабря 1941 г. ответил, что он благословляет открытие двух новых приходов, издание миссионерской литературы, объединение же русских общин возможно только в рамках союза приходов, а создание Духовного суда в Уйвидеке вообще невозможно, дела следует в готовом виде пересылать для вынесения решения в Епископский Совет в Белград, в срочных случаях можно обращаться к архиеп. Серафиму (Ляде) в Берлин, правда, сношение с ним немногим быстрее[14].

В действительности некоторые русские священники Венгрии поддерживали беспрепятственную связь с Владыкой Серафимом еще до вторжения немцев в Югославию в апреле 1941 г. Так, например, 27 февраля 1941 г. Архиерейский Синод слушал ходатайство настоятеля будапештского прихода свящ. Афанасия Донецкова о переводе его прихода в Германскую епархию РПЦЗ ввиду невозможности сношения с епархиальным преосвященным и о разрешении совершить освящение походного храма. Правда, тогда Синод постановил запросить об этих вопросах мнение сербского епископа Будимского Георгия[15].

После же оккупации Югославии из архиереев РПЦЗ лишь Владыка Серафим реально мог управлять русскими приходами в Венгрии, и 15 января 1942 г. в ответ на обращение местного духовенства архиепископ издал указ о принятии этих приходов в административное управление, учредив в стране свое представительство во главе с рукоположенным им в сан протоиерея о. Сергием Самсониевским.

Состоявшееся 23 февраля второе совещание представителей русских приходов в Венгрии приняло к исполнению этот указ и ходатайствовало перед архиеп. Серафимом об учреждении в Уйвидеке экзаменационной комиссии для кандидатов в церковно- и священнослужители и рукоположении во диакона слушателя миссионерских курсов Михаила Толмачева (что вскоре и было сделано).

6 марта Министерство образования и культов Венгрии утвердило необходимые полномочия представительства, но сочло излишним учреждать союз приходов ввиду существования Российского общества Красного Креста, которое приняло на себя часть забот о церковной жизни. 22

мая 1942 г. было принято «Временное положение о православных русских эмигрантских приходах в королевстве Венгрия», в котором указывалось, что приходы канонически подчиняются состоящему в юрисдикции Синода РПЦЗ архиепископу Берлинскому и Германскому Серафиму через его представителя в королевстве Венгрия прот. С. Самсониевского.

Кроме этого в Уйвидеке были учреждены миссионерское издательство (на собрании памяти о. Иоанна Кронштадтского 7 ноября 1941 г.), временный Духовный суд для решения духовно-юридических и бракоразводных дел, постановления которого утверждались Владыкой Серафимом (бракоразводные определения этого суда признавались венгерскими властями без требования предварительного гражданского развода), и Русский православный миссионерский совет. Председателем Духовного суда стал о. Сергий Самсониевский, его заместителем – о. Василий Колюбаев, членами суда – священники Николай Чистяков и Владимир Родзянко, а казначеем – о. Михаил Толмачев[16].

Обо всем этом о. Сергий написал митр. Анастасию 8 июня 1942 г., отметив, что венгерские власти и епископ Бачский Ириней благожелательно отнеслись к созданию представительства. Второй священник уйвидекского прихода свящ. Владимир Родзянко в тот же день написал председателю Архиерейского Синода о том, что после учреждения представительства архиеп. Серафима положение русских приходов значительно улучшилось, и в этом очень помог еп. Ириней (правда, поехать к Владыке Серафиму в Берлин о. Владимир не смог из-за отказа в немецкой визе).

В результате в своем ответе о. С. Самсониевскому от 20 июня 1942 г. митр. Анастасий утвердил положение о представительстве, что было окончательно закреплено решением Архиерейского Синода от 19 октября 1942 г. Таким образом, все русские приходы в Венгрии вошли в Средне-Европейский митрополичий округ Владыки Серафима. Проживавший в Уйвидеке епископ Бачский Ириней разрешил русским священникам, состоящим на его службе, обслуживать эти приходы. А 28 апреля 1942 г. он издал распоряжение по своей епархии об оказании им всяческого содействия. В письме от 20 июня митр. Анастасий тепло поблагодарил еп. Иринея за его бескорыстную помощь: «Зная, насколько Вам всегда были близки духовные нужды русских изгнанников, которым Вы уступили в пользование даже Вашу крестовую церковь в Новом Саду, я считаю для

себя особенно приятным долгом выразить Вам свою душевную благодарность за постоянное попечение о русской зарубежной пастве в Вашей епархии»[17].

Епископ Бачский стал и почетным председателем Уйвидекского комитета Российского общества Красного Креста, а также Русского православного миссионерского совета, регулярно проводившего заседания в различных городах Венгрии и существенно способствовавшего облегчению жизни эмигрантов. Вскоре по инициативе совета учениками русской гимназии в Уйвидеке было изготовлено 16 тыс. крестиков для отправки на Родину через православных священников венгерской армии[18].

Очень активно действовало миссионерское издательство. С апреля 1942 г. оно стало издавать журнал «Бюллетень Представительства Архиепископа Берлинского и Германского для русских православных эмигрантских приходов в королевстве Венгрия», печатавший интереснейшую информацию о церковной жизни на Украине и в России. К 1 октября вышли три номера бюллетеня, краткое толкование Молитвы Господней с образом Спасителя тиражом 10 тыс. экземпляров (1200 из которых уже было переправлено в Россию), 5 тыс. листков с прославлением Богоматери, 5 тыс. икон Владимирской Божией Матери, миссионерский сборник, молитвослов, Евангелие, иконки Христа Спасителя, разрешительные молитвы и т.д. По инициативе духовной писательницы А.А. Сердюковой было начато печатание листков для России. Часть изданий распространялась по невысокой цене среди местного православного населения; 2 тыс. листков были к концу 1942 г. переправлены митр. Анастасию в Белград для дальнейшей отправки в Россию. В мае 1942 г. был произведен первый выпуск миссионерских курсов из 20 человек, еще 50 продолжило свое обучение[19]. Но если изданная духовная литература различными путями попадала на Восток, то для выпускников курсов этот путь оказался наглухо закрыт.

Они нашли применение для своей деятельности в Венгрии. Число русских приходов там быстро росло. К лету 1942 г. помимо пяти существовавших (в Будапеште два, в Уйвидеке, Сабадке и Соморе) были созданы еще два прихода: при церкви прп. Сергия Радонежского в г. Врбасе с районом Средней Бачки (настоятель свящ. Владимир Родзянко) и в г. Тителе с районами Лок, Вилово и юго-восточная Шайкашка (настоятель свящ. Ми-

хаил Виноградов). К этому времени появились еще три самостоятельные русские общины: в г. Паланка (официально учреждена 24 июля 1942 г.), г. Обече и в основанном в начале 1920-х гг. эмигрантами из России в селе Николаевка в районе Средней Бачки. Число русских священнослужителей в этих приходах достигло девяти. При этом имелись и русские священники, окормлявшие чисто сербские общины, например о. Флор Жолткевич, служивший в 1937-1950 гг. в церкви с. Доньи Ковиль Бачской епархии.

Настоятель старейшего в Венгрии русского (евлогианского) прихода Пресв. Троицы в Будапеште иеромонах Сергий (Мусин-Пушкин) был к Пасхе награжден золотым наперсным крестом. Свящ. В. Родзянко 8 июня 1942 г. написал митр. Анастасию, что с о. Сергием у него настоящая дружба (несмотря на разные юрисдикции). Сам о. Владимир (внук председателя Государственной Думы Российской империи М.В. Родзянко, будущий архиепископ Американской Православной Церкви Василий) за свою чрезвычайно активную деятельность (он входил в Духовный суд, миссионерский совет и Красный Крест) также был к Пасхе 1942 г. награжден наперсным крестом.

Именно стараниями о. В. Родзянко в октябре 1941 г. в Уйвидеке была открыта русская гимназия, где сам о. Владимир преподавал Закон Божий. Директором гимназии стал бывший председатель Новосадского отделения «Русской Матицы», пресс-секретарь Всеукраинского Церковного Собора 1918 г. и член Русского Всезаграничного Церковного Собора 1921 г. Д.В. Скрынченко. Важным шагом было создание в декабре 1941 г. в Уйвидеке первого русского сестричества во имя Царицы Небесной, которое развернуло широкую благотворительную деятельность[20].

13-14 декабря 1942 г. в Уйвидеке прошел первый миссионерский съезд, который официально учредил уже фактически созданный в начале года представительством митр. Серафима в Венгрии Русский миссионерский совет в составе четырех отделов: воспитательного, издательского, учебного и самарянского (благотворительного). В своем вступительном слове представитель митр. Серафима о. С. Самсониевский сказал: «Переживаемое время заставляет каждого христианина с особенной глубиной ощутить необходимость и силу благодатной помощи Св. Церкви. С Ней соединяются и наши надежды на спасение родного народа. Но христианский долг, долг верных чад Св. Церкви, требует от каждого и действенно-

сти, активности: веру нужно не только исповедовать, но и проповедовать. Нужна миссионерская работа – и здесь, и в России».

Отец Сергий приветствовал новые приходы, «как школы для будущей работы в России». Съезд заслушал и обсудил доклады руководителей отделов миссионерского совета; пополнил его состав делегатами из мирян от всех приходов; выступил с инициативой создания сестричеств в Сабадке, Сомборе, Паланке и Врбасе на основе устава уйвидекского сестричества; возбудил ходатайство о выпуске бюллетеня представительства в расширенном виде – с публикацией конспектов или тезисов всех лекций на миссионерских курсах; призвал все приходы провести регистрацию русских детей и молодежи[21]. В правление миссионерского совета входили настоятели русских храмов, штатные руководители отделов (А.А. Сердюкова, П.И. Ризнич, В.Д. Порошин, Н.П. Шидловская, А.П. Беликов, Г.Б. Броневский, В.В. Бартеньева) и казначей правления Л.Ф. Курносенко.

Получив протокол миссионерского съезда, митр. Анастасий в письме от 12 февраля 1943 г. выразил о. С. Самсониевскому благодарность за энергичную деятельность по подготовке эмигрантов для будущей работы в России и по распространению веры там уже сейчас (значительную часть изготовленных в Венгрии крестиков, икон и духовной литературы удалось переправить на оккупированную территорию СССР). Вскоре после окончания съезда – 27 декабря начался новый семестр миссионерских курсов, на которых преподавали о. В. Родзянко, духовная писательница А.А. Сердюкова и еще шесть мирян. Теперь лекторы стали выезжать из Уйвидека в другие города, куда высылались и конспекты лекций. Настоятель будапештского прихода РПЦЗ о. А. Донецков написал и опубликовал свой учебник Священной истории, пожертвовав 100 экземпляров для русских детей в Венгрии. К апрелю 1943 г. в большинстве приходов были созданы сестричества, в Вербное воскресенье в Уйвидеке состоялось детское миссионерское собрание с выдачей наград за лучшие сочинения.

15 марта 1943 г. в Сабадке состоялся 2-й миссионерский съезд, который предложил всем русским приходам оборудовать походные церкви для отправки их при первой возможности в Россию, и постановил в ознаменование дня св. кн. Владимира издать Евангелие, объявив для этого повсеместный сбор пожертвований. К этому времени были изданы брошюры А.П. Беликова «Сила молитвы в жизни человека», В.В. Бартеньевой

«Практический путь миссионерства и роль женщины в нем», А.А. Сердюковой «Православная Соборность и возрождение России» и ряд других. В июле 1943 г. Русский миссионерский совет учредил комиссию по сооружению в приходах походных церквей; председателем комиссии и начальником создаваемой с этой целью мастерской был назначен староста Врбаского прихода П.И. Ризнич[22].

Следует отметить, что через прот. С. Самсониевского в значительной степени осуществлялась связь Архиерейского Синода с русским монастырем прп. Иова в Словакии, где печаталась газета «Православная Русь». С 1942 г. о. Сергий пересылал номера этой газеты в Белград. 28 сентября 1943 г. митр. Анастасий, в частности, просил о. С. Самсониевского переслать официальное заявление главы РПЦЗ по поводу избрания митр. Сергия (Страгородского) Патриархом в монастырь прп. Иова для публикации в «Православной Руси»[23].

Большое внимание своему представительству в Венгрии уделял митр. Серафим (Ляде). В 1943 г. он дважды по приглашению Министерства образования и культов на несколько недель приезжал в эту страну – в январе и декабре. К 1944 г. насчитывалось семь приходов с пятью соборными храмами и, кроме того, 16 более мелких общин и подобщин – в общей сложности в 17 городах (включая Ужгород), но прежде всего на южных землях, в области Бачка. 2 июня 1944 г. скончался о. С. Самсониевский и своим представителем митр. Серафим 5 июля назначил священника Василия Колюбаева.

Это потребовало и других перемещений. 5 июля настоятелем церквей св. Василия Великого в Уйвидеке и прп. Сергия Радонежского в Врбасе Владыка Серафим временно назначил свящ. Николая Чистякова, а настоятелем церкви свт. Николая в Сабадке – свящ. Владимира Родзянко; тогда же псаломщик Николай Фектушев был определен во диакона. К середине 1944 г. число русских приходов в Венгрии достигло восьми, последним в начале февраля был создан приход в русском селе Плавна с новым домовым храмом свт. Николая. Его настоятелем стал происходивший из семьи русских эмигрантов-дворян о. Михаил Дмитриевич Толмачев (1920-2004), рукоположенный 5 июля 1942 г. митр. Анастасием (Грибановским) во диакона и 22 декабря 1943 г. еп. Иринеем, по просьбе митр. Серафима, – во священника[24].

Следует упомянуть также, что митр. Серафим (Ляде) рукоположил также 12 января 1943 г. во диакона, а на следующий день во иерея бывшего капитана Белой армии Сергия Ивановича Галецкого (1891-1972). Отец Сергий стал активным миссионером среди венгров и одним из главных организаторов в 1943 г. венгерского православного прихода св. вмч. Георгия Победоносца в г. Ньиредьхазе, где потом долгое время служил настоятелем[25].

С 1943 г. в Венгрии появились угнанные с оккупированной территории СССР остарбайтеры (в основном женщины), которых сразу же стали окормлять местные русские священнослужители. При миссионерском совете был сразу же создан отдел духовной и социальной помощи русским девушкам во главе со священником Василием Колюбаевым. В январе 1944 г. отцы В. Колюбаев и В. Родзянко совершили Рождественское богослужение в рабочем лагере русских девушек вблизи Сабадки, при этом пел хор работниц, организованный о. Владимиром. Сабадский комитет Русского Красного Креста активно помогал девушкам продуктами и одеждой и, в конце концов, с помощью духовенства добился их освобождения из лагеря и распределения работницами по семьям венгерских крестьян[26].

Приближение конца войны вновь резко изменило ситуацию. В сентябре 1944 г., когда советские войска подошли к границам Венгрии, была закрыта русская гимназия в Уйвидеке. Вскоре оказалась разрушена бомбой церковь в Сабадке и «ввиду военных событий» закрыта церковь в Врбасе. Значительная часть русских эмигрантов, небезосновательно опасаясь возможных репрессий, стала уезжать в западном направлении. Так, иеромонах Сергий (Мусин-Пушкин) из Будапешта уехал в Париж (где в дальнейшем служил настоятелем храма Сергиевского подворья в сане архимандрита), священник Николай Чистяков из Нови Сада – в австрийский г. Грац, а затем в Прагу, священник Афанасий Донецков из Будапешта – в Западную Германию, где в дальнейшем служил в лагерях для перемещенных лиц; однако большинство осталось на месте[27].

В 1979 г. протоиерей Владимир Родзянко в одном из писем вспоминал: «При наступлении Красной Армии мой Владыка Епископ Ириней, напомнив мне житие св. Поликарпа Смирнского, сказал, что он лично от своей паствы никуда не уйдет (даже если это ему будет стоить жизни, что

фактически и случилось!) и то же советовал сделать и мне. Я остался с паствой… Фактически это означало осуществление на деле, а не только в теории, полного евхаристического общения с Русской Церковью в России и ее епископами»[28]. В то время священник служил в церкви с. Станишиче и своими решительными действиями фактически обеспечил сдачу немцами села без боя.

В ходе ожесточенных боевых действий на территории Венгрии некоторые православные храмы существенно пострадали. Так, находившийся в надгробной церкви св. мч. цар. Александры в Ирёме прах великой княгини Александры Павловны подвергся осквернению и лишь в 2004 г. был возвращен в храм из музея; исчезли каменный саркофаг, короны и образ. Существует предание, что когда советские войска в 1944 г. заняли Ирём, один из офицеров нашел в церковном доме русские духовные журналы. Он читал их ночи напролет, после чего стал проповедовать в своей части Христа. Обратившийся в Православие офицер был арестован и по приговору трибунала расстрелян, а церковная библиотека сожжена[29].

С приходом советских войск области, отторгнутые Венгрией от Югославии, вновь вернулись в состав последней и с ними все русские общины, кроме двух будапештских. В ходе боев за освобождение Будапешта русская церковь оказалась уничтожена. Большинство прихожан обеих общин или эмигрировали на Запад или возвратились в СССР. Однако оставшиеся образовали общину, перешедшую в юрисдикцию Московского Патриархата. Восстановил в конце 1940-х гг. приход, объединивший 130 прихожан, священник Сергий Иванович Галецкий[30].

После окончания II Мировой войны православные приходы в Венгрии, употреблявшие за богослужением венгерский язык, оказавшись вне канонической юрисдикции, обратились к Московскому Патриарху Алексию I с просьбой о принятии их под Первосвятительский омофор. Это прошение было удовлетворено. 11 ноября 1949 г. Священный Синод Московского Патриархата вынес решение о создании Временного управления венгерских православных приходов в ведении Русской Церкви с назначением его благочинным (администратором) протоиерея Иоанна Кополовича. В состав управления вошли восемь приходов: свт. Иоанна Златоуста и Успения Пресвятой Богородицы в Будапеште, св. вмц. Александры в Ирёме, св. вмч. Георгия Победоносца в Сегеде, свт. Николая в

Сентеше, св. вмч. Георгия Победоносца в Ньиредьхазе, приход в Шаркадкерестуре и русская община прп. Сергия Радонежского в Будапеште[31].

С 16 мая 1950 г. по 1973 гг. настоятелем русской общины прп. Сергия Радонежского служил упоминавшийся священник Михаил Дмитриевич Толмачев, высланный вместе с семьей в марте 1950 г. вследствие югославско-советского конфликта из Югославии в Венгрию. Отец Михаил устроил домовый храм в здании на пл. Алмаши. В 1951 г. венгерское государство передало русскому приходу новое помещение на первом этаже жилого дома ул. Лендваи. В этом здании раньше жил скончавшийся в 1946 г. армянский адвокат Эгия Хаванешьян, устроивший у себя часовню Армянской Апостольской Церкви. В помещении часовни и была оборудована и освящена церковь прп. Сергия Радонежского, иконостас перевезли с пл. Алмаши. Здесь русский храм действует до настоящего времени. В 1973 г. о. Михаил Толмачев покинул Будапешт, а в 1977 г. переехал в Австралию для окормления русских и сербских прихожан. На всех местах своего служения он оставил глубокий след в сердцах верующих: «Его отличала кротость, духовная мудрость, беззаветная любовь к Православию и верность Матери Церкви»[32].

19 апреля 2000 г. на основе Венгерского благочиния Московского Патриархата была образована Будапештская и Венгерская епархия Русской Православной Церкви, включающая в себя девять приходов. Согласно переписи 2001 г. среди 15928 человек, причислявших себя к православному вероисповеданию, было 3502 русских.

Примечания

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 796, Оп. 55, Д. 377; Русский вестник. 1875. Сентябрь. С. 188–195; Протоиерей Алексий Мальцев. Берлинский Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 393–395.

[2] Русские храмы и обители в Европе. Авт.-сост. Антонов В.В., Кобак А.В. СПб, 2005. С. 41–42; Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 267.

[3] Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18–19.

[4] Киш Э. Православная Церковь в Венгрии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 211.

[5] Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА), д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 – 18 сентября 1946; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Ф. 6343, Оп. 1, Д. 119, 122.

[6] Нивьер А. Указ. соч. С. 184, 436.

[7] Арсеньев А. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 74–75.

[8] Его же. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 35–36.

[9] Его же. Русский православный приход в Новом Саду, 1922-1955 гг. // Православная Русь. 1998. № 17. С. 5–6.

[10] Его же. У излучины Дуная. С. 172–173.

[11] СА, Д. 18/41; Колмаков В. Верный сын православного Отечества // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 3 . С. 96–97.

[12] СА, Д. 18/41, Л. 2–5.

[13] Там же, Л. 7–8.

[14] Там же.

[15] Там же, д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 – 18 сентября 1946 г.

[16] Арсеньев А. Русский православный приход в Новом Саду, 1922–1955 гг. С. 7; Его же. У излучины Дуная. С. 176.

[17] СА, Д. 18/41, Л. 17–18, 29, 33.

[18] Церковное обозрение. Белград. 1943. № 8.

[19] Бюллетень Представительства Архиепископа Берлинского и Германского для русских православных эмигрантских приходов в королевстве Венгрия. 1942. № 1. С. 3, № 2. С. 4; Жизнь Церкви. Вып. 2. 1943. С. 39; СА, Д. 17/41, Л. 32.

[20] СА, Д. 30/43; Колмаков В. Указ. соч. С. 97.

[21] СА, Д. 18/41.

[22] Там же.

[23] Там же, Д. 36/43, Д. 18/41.

[24] Там же, Д. 18/41, Л. 28; Арсеньев А. Русский православный приход в Новом Саду, 1922-1955 гг. С. 7–8; Церковная жизнь. 1942. № 7. С. 109–110.

[25] Косик В. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008. С. 99.

[26] Православная Русь. 1944. № 5–6. С. 15.

[27] Нивьер А. Указ. соч. С. 184, 436, 540.

[28] Stanford University, Special collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 1, Foleler 1.

[29] Русские храмы и обители в Европе. С. 42, 44.

[30] Государственный архив Российской Федерации, Ф. 6991, Оп. 1, Д. 738, Л. 50–51.

[31] Венгерское благочиние // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 551–552.

[32] Нивьер А. Указ. соч. С. 489. Косик В. Указ. соч. С. 351.

Протоиерей Николай Ким

Русская церковная эмиграция в Венгрии в 1920–1930-е годы

История русского церковного представительства в Венгрии до Первой мировой войны совершенно ясна, это была история так называемой Офенской духовной миссии[1], связанной с придворным храмом-усыпальницей Великой Княгини Александры Павловны в Иреме. Духовенство этого старейшего, не только в Венгрии, но и во всей Европе русского храма (если говорить об отдельно стоящих храмах), назначалось из Санкт-Петербурга, его история подробно представлена в документах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (СПб).

В контексте нашего сообщения особенно важно отметить личность последнего настоятеля Офенской миссии, назначенного еще императорским двором, протоиерея Стефана Колумбова. Он оставался в Венгрии до дня своей кончины в 1926 г., и явился как бы связующим звеном между старой и новой церковными структурами Русской Православной Церкви в Венгрии.

Говоря о русской церковной эмиграции в XX веке, в первую очередь необходимо учитывать сложную картину истории взаимоотношений разных церковных юрисдикций. После трагедии 1917 г. и гражданской войны Церковь в России оказалась отрезана от Церкви в изгнании.

Хотя при жизни патриарха Тихона формально это была еще единая каноническая структура, но уже с первых лет массового исхода начали образовываться центры влияния, позже превратившиеся в отдельные юрисдикции. Начало этого процесса мы видим в факте созыва так называемого Карловацкого съезда духовенства и в деятельности митрополита Евлогия по собиранию русских приходов за рубежом.

К концу 1920-х годов эти тенденции привели к окончательному оформлению так называемой Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) и русской архиепископии Константинопольского Патриархата (с

1931 г.). Первую возглавлял митрополит Антоний (Храповицкий), вторую – митрополит Евлогий (Георгиевский) [2].

Интересно посмотреть, как эти два крыла Русской церкви в эмиграции влияли на картину приходской жизни в Венгрии.

Когда в Венгрии появились первые беженцы из мятежной России, стараниями престарелого протоиерея Стефана Колумбова удалось получить разрешение у сербского епископа Георгия на совершение литургии для русских в сербском соборе Будапешта – 2 раза в месяц.

В начале 20-х годов работу по организации церковной жизни взяли на себя митр. Евлогий и его представители. Первое упоминание Венгрии в документах этой церковной структуры датируется 1922 годом.

1 февраля 1922 г. к митрополиту Евлогию обратились представители так называемого «русского монархического управления в Венгерском королевстве» с просьбой назначить священника, при этом община обязалась выделять ежемесячно 4000 крон на его содержание. Старостой общины был Владимир Владимирович Малама, уполномоченный российского общества Красного Креста в Венгрии. Эта организация имела важное значение как единственная в то время официальная структура, представлявшая интересы русских эмигрантов в Венгрии, где к тому моменту их число составляло около 4000 человек. В этом письменном обращении упоминается и отец Владимир Востоков[3], духовник генерала Врангеля, как неудобный для русской общины (ввиду своей увлеченности политикой) священнослужитель.

1 марта того же года митрополитом Евлогием был назначен настоятель для прихода в Будапеште – архимандрит Сергий Дабич. Одновременно он был назначен благочинным приходов в Венгрии, Австрии и Баварии. Широта охвата новообразованного благочиния говорит о первоначальной неупорядоченности церковной жизни в эмиграции и явной нехватке кадров. Впрочем, назначенный управляющий не оправдал возложенных на него надежд, так как вскоре был издан указ о его перемещении на менее значимую должность, а потом увольнении и запрещении в служении за нерадение в 1923 г.

С ноября 1922 г. по сентябрь 1924 г. настоятелем русского прихода в Будапеште был протоиерей Леонид Розанов. В указе митр. Евлогия о назначении Розанова есть фраза о благословении «на организацию церков-

ной жизни для русской колонии в Буда-Пеште». Первое время богослужения для русской общины совершались в Кафедральном сербском соборе и русской школе в городском доме (улица Сив, 6). Проживал отец Леонид в общежитии Красного Креста по адресу: 8-й район Будапешта, ул. Дугоница, 21. По прибытии настоятеля русского прихода, сербский епископ Георгий пожертвовал 32 тысячи крон на бедных русских детей. Министерство народного просвещения разрешило устроить домовую церковь в помещении русской школы, которая 25 марта была освящена и в тот же день была отслужена первая Божественная Литургия. Антиминс был получен от священника Сводно-казачьего полка отца Симеона, прибывшего из Галлиполи и перешедшего к сербскому епископу Будимскому. Часть церковной утвари получили от эрцгерцога Иосифа из хранившихся у него церковных предметов из Ирема. 22 апреля 1923 г. состоялось первое приходское собрание, в нем участвовали 98 прихожан, было решено установить день Святой Троицы храмовым праздником прихода. 5 марта 1924 г. решением приходского собрания взяли в пользование Иремскую библиотеку. За бедностью прихода настоятель неоднократно просил у священноначалия перевода на другое место служения, и 8 сентября 1924 г. он был назначен настоятелем Тегельской церкви в Германии.

Вместо него 24 сентября 1924 г. митрополит Евлогий назначил в Будапешт о.Иоанна Церетели[4]. Но он не смог приехать в Венгрию, т.к. не получил въездную визу. Тогда 18 декабря был назначен протоиерей Григорий Ломако, он прибыл в Будапешт 1 марта 1925 г. В будущем отец Григорий стал довольно влиятельным священником в архиепископии митрополита Евлогия. Именно он посоветовал митрополиту обратить внимание на возможность перехода под юрисдикцию Константинопольского Патриархата для упрочения канонического статуса русских эмигрантских приходов. После второй мировой войны он был настоятелем кафедрального собора св. Александра Невского в Париже.

Отец Григорий служил в Венгрии до 10 февраля 1927 г. При нем скончался последний настоятель прежнего, бесспорного с канонической точки зрения, русского церковного представительства – Офенской духовной миссии, отец Стефан Колумбов. В архивах Парижского русского собора нами обнаружены интересные документы, связанные с последними годами жизни заслуженного протоиерея Колумбова. Это его послужной спи-

сок, письмо митрополиту Евлогию и отчет о. Григория Ломако о похоронах о. Стефана. В частности, из письма Колумбова митрополиту Евлогию мы можем сделать вывод о тяжелом материальном положении заграничных приходов, лишившихся поддержки из России и, вследствие этого, о конфликтных финансовых отношениях между управляющими органами и приходами на местах.

Эти годы – конец 1920-х – критические для Русской церкви в целом. Смерть всеми признаваемого патриарха Тихона, сложности с признанием его местоблюстителей, затем известное обращение местоблюстителя митрополита Сергия Страгородского и непризнание его частью церкви в эмиграции, все это привело к расколу Русской церкви на три крыла – Московская патриархия, Архиепископия русских церквей при Константинопольском Патриархате и Синод Русской Православной церкви за рубежом.

В Венгрии сложность ситуации усугублялась еще и тем, что как раз в эти годы была назначена на служение в Будапеште крайне одиозная личность – отец Михаил Попов. С 16 января 1928 г. по 29 октября 1931 г. он был настоятелем русского прихода в Будапеште. Снят с должности и запрещен в служении митр. Евлогием за недостойное поведение 7 ноября 1931 г. После этого Попов перешел в РПЦЗ и был назначен настоятелем прихода в Будапеште уже от этой юрисдикции. Однако вскоре он был освобожден от должности (с угрозой запрещения служить) также и Синодом РПЦЗ. 12 апреля 1932 г. Попов был предан церковному суду и позже, 9 декабря 1940 г., запрещен в служении. Кроме того, в 1932 г. он был заключен в тюрьму на 2 года. После освобождения жил в Дебрецене. Но уже в 1941 г. в юрисдикции архиепископа Савватия Пражского он становится администратором всех Греко-восточных венгерских и русских приходов в Венгрии и под его началом оказываются около полутора сотен приходов и священников. Несколько томов его судебных дел хранятся в архиве русской Архиепископии, в Париже. По этим материалам можно написать отдельное исследование.

С 10 апреля 1931 г. по 14 января 1938 г. в русском Будапештском приходе служил отец Николай Федорович Езерский, бывший член Первой Гос. Думы 1906 года. 26 января 1932 г. митрополитом Евлогием он был назначен настоятелем прихода и оставался им до дня своей смерти.

Некоторое время, до прибытия нового настоятеля, по личной просьбе митрополита Евлогия, русский приход окормлял греческий архимандрит Арфанидис.

В противоположность Попову, с 1938 г. в Венгрии служил духоносный и уважаемый пастырь – иеромонах Сергий Мусин-Пушкин[5]. Граф, брат протоиерея Василия Мусина-Пушкина. Подчинялся он митр. Евлогию. В 1944 г. он покинул Венгрию и переехал в Париж, где позже был настоятелем храма знаменитого Свято-Сергиевского богословского института.

Кроме русского прихода, входившего в юрисдикцию Экзархата митр. Евлогия, в начале 30-х годов в Будапеште появился приход, подчиняющийся Синоду РПЦЗ. Начало ему, видимо, положил запрещенный в служении Михаил Попов, но при нем приход своего храма не имел. Позже у прихода появился другой священник – Донецков Афанасий Михайлович, впоследствии протопресвитер, автор учебника Закона Божия. Он сначала получил отказ от рукоположения и назначения на приход от митр. Евлогия (8 октября 1925 г.). Потом все же принял священнический сан в юрисдикции РПЦЗ (1933 г.) и был назначен настоятелем церкви в Будапеште (1933-1944 гг.), эмигрировал в Германию (1945). Умер в Калифорнии в 1979 г.

С 1938 г., когда по первому Венскому арбитражу от 2 ноября в состав Венгрии были включены южные районы Словакии и Подкарпатской Руси, позже была присоединена вся Подкарпатская Русь, в августе 1940 г., по второму Венскому арбитражу, Северная Трансильвания и, наконец, в апреле 1941 г. Воеводина, ситуация с православными приходами кардинальным образом изменилась. Число приходов значительно возросло, но, строго говоря, это были уже не эмигрантские приходы.

Военное и послевоенное время тоже было очень сложным для православной церковной жизни в Венгрии. Этому периоду посвящен недавно вышедший в свет фундаментальный труд коллектива исследователей Института славяноведения РАН[6]. Также можно ознакомиться с хорошим очерком историка Михаила Шкаровского, опубликованным в Интернете и недавно вышедшим отдельной книгой[7]. Нашей задачей было лишь указать на малоизученный период начала формирования русских эмигрантских приходов в Венгрии в 20-е и 30-е годы прошлого столетия.

Примечания

[1] Ким Н., протоиерей. История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства. В сб.: Славянский альманах. 2008. РАН, Институт славяноведения. М. 2009. С. 45–69.

[2] Георгиевский Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. Париж. 1947.

[3] Востоков Владимир Игнатьевич (24.7.1868, село Голочелово, Моск. губ. – 5.8.1957, Сан-Франциско, США). Протопресвитер. Из семьи духовенства, сын сельского священника, окончил Московскую духовную семинарию, священник с 30.5.1891 г. Настоятель домовой церкви и законоучитель московского института благородных девиц (1906). Был близок Великой княгине Елизавете Федоровне и обер-прокурору Синода А.Д.Самарину, удален из Москвы за клеветнические статьи на Григория Распутина и митрополита Макария Московского (1913). Член Всероссийского церковного собора в Москве по избранию от Уфимской епархии (1917–1918). член Учредительного собрания от Нижнего Новгорода (1918). В начале Гражданской войны переехал в Екатеринодар. Полковой священник в Добровольческой армии у генерала А.И. Деникина, организовывал при армии «Братство Животворящего Креста для борьбы с большевиками». Участник Ставропольского собора ВЦУ (19-24.5. 1924). Протоиерей (1920). Духовник и проповедник Добровольческой армии при главнокомандующем генерале П.Н. Врангеле в Крыму, эмигрировал в Галлиполи (15.11. 1920). Переселился в Сербию. Член Карловацкого зарубежного церковного съезда (21.11. – 4.12. 1921). Переехал в Австрию в 1924 г., оттуда в Германию. Позже переселился в США (1951). настоятель Свято-Тихоновской Синодальной церкви в Сан-Франциско. См.: Нивьер Антуан. Церковные деятели русской эмиграции. Париж. 2007. С.139–140.

[4] Церетели Иоанн Филимонович (30.5. 1875 – 23.12. 1961, Сен-Женевье-де-Буа), митрофорный протоиерей. Из грузинского княжеского рода, полковник, эмигрировал в Константинополь (1920). Священник (23.5. 1921), рукоположение совершил архиепископ Анастасий (Грибановский) в Константинополе. Переехал во Францию в 1925 г. См.: Нивьер Антуан. Церковные деятели русской эмиграции. Париж. 2007. С. 532–533.

[5] Свято-Сергиевское подворье в Париже. Сб. воспоминаний. СПб., Алетейя, 1999. С. 241.

[6] Волокитина Т.В. и др. Москва и Восточная Европа. М., 2008.

[7] Шкаровский М. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009.

Ф.Е. Лукьянов

Петр Врангель в Будапеште

Встреча русского генерала и венгерского адмирала

О венгерском периоде жизни одного из главных лидеров Белого движения России – генерала А. Деникина сегодня известно немало. Выясняется, однако, что и его преемник на посту командующего русской Белой армии – Петр Врангель в эмиграции тоже имел свою, пусть и небольшую, но интересную «венгерскую историю». В начале 20-х годов в Будапеште на венгерском языке вышла книга «Пылающая Россия», одним из авторов которой был П. Врангель, работавший в эту пору над своими мемуарами в Сербии. Судя по всему, русский генерал предоставлял для будапештского издания отдельные главы своих мемуаров, которые и составили костяк венгерской книги о гражданской войне в России.

А незадолго до своей смерти, наступившей в 1928 г., последний лидер Белого движения России, которому тогда было всего 49 лет, приезжал в Будапешт и встречался с лидером победившего у себя в стране венгерского белого движения – адмиралом Миклошем Хорти. Материалы об этой до сих пор неизвестной для исторической науки встрече, состоявшейся 15 мая 1927 г., нам удалось обнаружить совершенно случайно в архивах Венгерской национальной библиотеки им. И.Сечени.

Один день в Будапеште

Последний главком русской Белой Армии, выведший свои части из Крыма в октябре 1920 г., прибыл в Будапешт поездом из Брюсселя, куда семья Врангеля переехала из Сербии незадолго до этого, утром 15 мая 1927 г. По словам автора газеты «Пешти Напло»[1], опубликовавшего о визите русского генерала развернутый репортаж, Петра Врангеля в поездке

сопровождали жена и секретарь. Остановился русский генерал в одной из гостиниц на набережной Дуная. Судя по всему, он приехал в Венгрию по приглашению своего давнего знакомого, в прошлом журналиста и основателя христианско-социального движения Венгрии, затем премьер-министра венгерского правительства (ноябрь 1919 – март 1920 гг.), а впоследствии вице-председателя венгерского Парламента Кароя Хусара. За несколько лет до этого Хусар как раз и выпустил в Будапеште нашумевшую книгу о большевистской революции и гражданской войне в России – «Пылающая Россия»[2].

По просьбе Кароя Хусара, Врангель тогда стал одним из авторов книги. Теперь Врангель закончил свои собственные мемуары, они были готовы к концу 1926 г., и не исключено, что одной из причин его приезда в Будапешт была подготовка к возможному изданию мемуаров в Венгрии, где нашли приют несколько тысяч эмигрантов из России. Мы знаем, что к этому времени А. Деникин, с которым у Врангеля были сложные отношения, уже опубликовал свои воспоминания, написанные большей частью в Венгрии. Их уже читала вся русская эмиграция. Для Врангеля было важно отстоять для истории свою позицию в конфликте с Деникиным, и это, видимо, стало одним из главных побудительных мотивов для написания собственных мемуаров.

Как известно, Деникин, живя и работая в Венгрии несколько лет, так и не встретился с лидером победившего у себя в стране венгерского белого движения – адмиралом Хорти. Хотя, ему настойчиво советовали это сделать. В том числе, и по материальным соображениям. Дело в том, что семья Деникиных жила в Венгрии бедно, денег не хватало. В деревушке Балатонлелле, на южном берегу Балатона, от безденежья приходилось вести самое что ни на есть натуральное хозяйство с курами и индейками. Встреча с регентом Венгрии Хорти, наверняка, могла изменить материальное положение Деникиных, но как-то не случилось. Самому напрашиваться на аудиенцию Антону Ивановичу, всецело посвятившему себя мемуарам, не хотелось, а специального приглашения не поступало. Потом, после выхода в Берлине новых томов мемуаров, деньги появились, и Деникины засобирались в Париж. Так, до исторической встречи очередь не дошла.

С генералом Врангелем вышло иначе. Достаточно сказать, что контакты генерала Врангеля с венгерскими «белогвардейскими» властями,

недавно подавившими у себя в стране красную революцию, начались еще до исхода из Крыма: 14 июня 1920 г. Врангель в своем личном послании адмиралу Хорти выразил свое уважение и признание за успешную антибольшевистскую деятельность. Хорти ответил на письмо Врангеля в таком же уважительном тоне. Оба выразили надежду, что в будущем они могут сотрудничать на благо народов двух стран. Поначалу, до того, как армия Врангеля покинула пределы России, поиски контактов ее командующего с официальным Будапештом через разных лиц имели целью заручиться поддержкой в борьбе с большевиками. Речь, в частности, шла о возможных закупках оружия в Венгрии и создании на венгерской территории антибольшевистской базы для последующего переворота в России (миссия генерала Бискупского в июле 1920 г.).

Позднее, после того, как остатки Белой армии покинули Крым, стала зондироваться почва на предмет размещения в Венгрии отдельных частей армии Врангеля. Но об этом чуть позже. Вернемся пока к событиям 15 мая 1927 г. По крайней мере, большую часть этого дня – все утро и вечер Врангель, как свидетельствует «Пешти Напло», провел в обществе Кароя Хусара. В полдень Врангеля на часовую аудиенцию принял премьер-министр Венгрии Иштван Бетлен. В это время Бетлен – один из самых влиятельных людей в Венгрии, можно сказать правая рука регента Хорти. По горькой иронии судьбы, Иштван Бетлен, один из самых известных венгерских политиков, организатор сепаратных переговоров с союзниками по антигитлеровской коалиции в конце второй Мировой войны, через 20 лет, в 1946 г. умрет в больничной камере бутырской тюрьмы. Отправившись со своими предложениями в ставку советского командования, он был арестован и депортирован в СССР.

После встречи с венгерским премьером русского генерала принял и сам Регент Венгрии – адмирал Хорти. Таким образом, личная встреча двух лидеров Белого движения произошла через семь лет после их первого, тогда еще заочного, знакомства путем переписки. Позднее адмирал Хорти дал обед в честь русского гостя. На встречи Врангеля с первыми лицами Венгрии журналистов, как видимо, не приглашали. Однако, о чем шла речь на этих встречах, становится более-менее понятно из разговора П. Врангеля с Кароем Хусаром, шедшего уже в присутствии корреспондента «Пешти Напло». По словам безымянного автора статьи (не исключаю, что это был

сам Карой Хусар, в прошлом – журналист), генерал Врангель рассказал обо всех этапах Белого движения, о роли Антанты в поражении белых армий, о мытарствах остатков этих армий на чужбине. Это прямая речь Врангеля, своеобразный исторический вердикт, вынесенный незадолго до смерти, наступившей при весьма странных обстоятельствах через год (нельзя исключать, что Врангель был отравлен посланцем ГПУ). Эти слова одного из руководителей Белого движения, за которыми ощущается вся бездна русской трагедии XX века, имеют, на наш взгляд, важное значение для понимания истории и самого Белого движения, и Белой эмиграции.

О разрушении России

«В 1917 г. слабое правительство Керенского уже не могло держать власть, которая в итоге попала в руки банды, апеллировавшей к самым низменным чувствам народа. Приход к власти большевиков разрушил национальное единство России. Все интересы государства были пожертвованы Красному Интернационалу и началась беспощадная война против национального сознания, против верхних классов, основ семьи, государства и нравственности. Знамя патриотов было подхвачено на Юге и под это знамя в массовом порядке встали студенты, военные, казаки, политики, рабочие и крестьяне. Огромной массой потянулись они на Дон для восстановления старого порядка».

О Белой армии

«В рядах контрреволюционной армии встретились представители всех классов и мировоззрений, которые не могли смириться с уничтожением России. Боевая тактика и внешняя организационная форма армии изменилась, но внутри изменившихся форм горела прежняя общая идея: спасти страну и водрузить над Кремлем национальное знамя. Борьба перенеслась на северные территории и в Сибирь. Вначале Белой армии сопутствовали блестящие успехи. Деникин занял почти треть территории России, стоял перед Москвой, Санкт-Петербург уже чувствовал сильную

руку Юденича, а части Колчака вышли к Волге. И все же мы не победили. Когда северные части достигли моря, они были вынуждены отказаться от занятых территорий. Часть из них погибла, другая часть ушла в Норвегию. Армию Юденича интернировали в Эстонии. Части Колчака тоже рассеялись. Деникин тоже был вынужден отступить и после целого года героической борьбы последний клочок Русской земли выскользнул из рук контрреволюционных частей».

О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧ

Как суммирует эту часть рассказа Врангеля автор «Пешти Напло», основную причину неудач генерал видел в политических и военных руководителях движения, которые не занимались должным образом организацией жизни на освобожденных территориях и не заботились о пополнении резервов. Большую роль в неудачах белых армий, по мнению генерала, сыграло и народное невежество: массы поверили агитаторам-максималистам. Таким образом, практически все запасы продовольствия и снаряжения оказались в руках большевистских частей, а белые армии не получили никакой внешней поддержки, потому что западные державы не осознали масштабов большевистской угрозы. Лишь Англия и в меньшей степени Франция пытались помочь белым армиям, да и то эта помощь опоздала. Вот как говорит об этом сам Врангель:

«На Севере англичане пообещали помочь генералу Юденичу, но за его спиной договорились с его смертельным врагом. На Юге части французского генерала Ансельма, которые оккупировали порт Одессы, при одной только вести о приближении красных сдали город и тем самым поставили белые части в отчаянное положение. Потом французский генерал Жаннин сдал Колчака большевикам. Правительство Ллойд Джорджа инициировало переговоры с советским правительством на предмет амнистии белым армиям, и тут же пригрозило нам, что в случае отказа от унизительной процедуры оно лишит нас всякой помощи. В эту минуту наше положение было отчаянным, в такой момент я встал во главе остатков армии, измученной тысячекилометровым отступлением и страданиями холодной зимы. Я отдавал себе отчет в степени ответственности, ложившей-

ся на мои плечи, видел все сложности и принял на себя командование. В моем письме, отправленном британскому правительству, я отказался от начала каких-либо прямых переговоров с красными и предупредил Ллойд Джорджа, что всю ответственность за начало переговоров с советским правительством я перед всем миром возложу на Великобританию. Я сразу же приступил к неустанной работе по восстановлению армии. Англо-советские переговоры ни к чему не привели. После безуспешных попыток переговоров с красными англичане решили уговорить меня начать переговоры с советским правительством. К этому времени стало ясно, что английское правительство желает сближения с большевиками и потому намерено полностью прекратить вражду. На угрозы англичан я ответил, что отдал приказ о наступлении. Мои части победоносно пошли вперед. Тогда английское правительство отозвало из Крыма свое политическое представительство и военную миссию. Франция в это же время заявила, что считает неуместным любое сближение с советским правительством, а поскольку желала создать сильную Польшу, то выразила симпатию нашей акции. Однако поддержать Белую армию Франция решила лишь тогда, когда началась советско-польская война. Однако, когда советские части потерпели сокрушительное поражение под Варшавой, в Европе снова возобладала политика Ллойд Джорджа. Нашу армию бросили на произвол судьбы».

В книге «Пылающая Россия» эти события описываются так: «*В это время Красная Армия напала на Польшу. Западные правительства опять испугались, что коммунизм перельется через границы. Французы пообещали Врангелю деньги, снаряжение и любую помощь, только чтобы он с юга ударил в тыл советской армии, которая выступила на Варшаву. Поверив обещаниям Антанты, белая гвардия всей мощью выступила против красных частей. Без этой акции Врангеля французский генерал Вейган вряд ли освободил бы Варшаву, и независимой Польши никогда бы не было. Однако, освободившись от красных, поляки тут же заключили с ними мир и забыли о своих спасителях, потерявших в боях около половины своего состава*».

«*Огромная масса большевистской армии, пришедшая с польского фронта, определила нашу судьбу*», – продолжает свой будапештский рассказ генерал Врангель. «*В октябре 1920-го я отдал приказ к отступлению*

и части отправились в крымские порты на эвакуацию. 126 судов и 150 тысяч человек, которые после трех лет жесточайшей борьбы больше не хотели жить под игом большевиков, оставили берега Крыма. Наша эмиграция означала эмиграцию сторонников национальной конституционной России».

В ссылке

Слова Врангеля о годах изгнания и мытарств остатков Белой армии на чужбине читать без волнения трудно. Но сначала небольшой кусочек из книги «Пылающая Россия»: «*Из крымских портов, в основном, из Севастополя, с любимой родины, наш путь лежал в Константинополь. Так, русские попали в Византию, о которой столько мечтали. На турецких домах повсюду развивались знамена победившей Антанты, а толпы русских патриотов, отдавших свою кровь за победу Антанты, брели по улицам голодными, изможденными толпами*».

О том, что произошло с армией после прибытия в Константинополь, в интервью венгерской газете Врангель описывает так:

«*Из наших войсковых соединений 25 тысяч человек мы разместили в Галлиполи, 15000 – на острове Лемнос, 15 тысяч в Чаталдже, а еще 30000 в военных лагерях Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Однако в январе 1921-го наши лагеря распустили французы. В феврале французы стали отдавать приказы нашим людям возвращаться в Советскую Россию. Приблизительно 1500 человек вернулись и там их ждала печальная судьба. Многие по совету французов уехали в Бразилию, где их ждала ужасная ситуация. Они стали рабами, а не колонизаторами. Напрасно я протестовал против бесчеловечной работы французских властей. После ухода из Крыма я заплатил французскому правительству 700 миллионов франков в счет оплаты за питание наших людей. Дошло до того, что французский начальник лагеря в Лемносе насильно выдворил моих людей в Советскую Россию. В конце концов, дело кончилось тем, что французское правительство официальным приказом освободило моих солдат из-под моего командования и объявило армию Врангеля более несуществующей...*».

Иначе как обвинением в измене Белому движению, в измене императорской России в адрес союзников по Антанте назвать эти слова Врангеля трудно. Ведь вопреки многим мифам советской историографии, выходит, что Антанта, точнее, определенные влиятельные силы в странах Антанты, поддерживали не столько Белое движение, сколько большевиков…

Венгерский гамбит

Дальнейший рассказ Врангеля подтверждает, что некоторое время после эмиграции из России существовал план переброски частей Белой армии и в Венгрию, наряду с Сербией, Болгарией и Грецией. Переговоры на этот счет начались сразу же после ухода из Крыма и в течение 1920-1921-1922 гг. велись в Будапеште поочередно генерал-лейтенантом Глазенапом, неким Константином Бегичевым, личными представителями Врангеля – полковником Лампе, а чуть позже генерал-лейтенантом Марушевским. По имеющейся информации (исследованиям А.Колонтари), К.Бегичева по этому вопросу принимали все тот же премьер-министр Карой Хусар, начальник Генштаба генерал Берзевици и даже (дважды) сам регент Венгрии – Миклош Хорти. После этих встреч венгерское правительство даже выделило Бегичеву кредит в один миллион венгерских крон для помощи российским беженцам. Лампе и Марушевский тоже имели встречи в Будапеште на самом высоком уровне. Их принимали премьер Иштван Бетлен и регент Миклош Хорти. Судя по всему, Хорти и Бетлен на первых порах были не против размещения какой-то части войск Врангеля в Венгрии. Предполагалось поставить их на охрану границ, как это позднее было сделано в Сербии. Но этому помешали внешние обстоятельства.

Дело в том, что венгерское правительство, следуя букве недавно подписанного Трианонского мирного договора 1920 г., своей властью не могло дать разрешение на расквартирование армии. По словам самого Врангеля, этот вопрос обсуждали представители Антанты 21 июня 1921 г. По итогам обсуждения союзники предупредили венгерское правительство, что «приход армии Врангеля в Венгрию вызовет лишь беспокойство». Чье беспокойство – не уточнили. Очевидно, беспокойство не только соседей Венгрии, но также Лондона и Парижа. Но вопрос, таким образом, был за-

крыт. Поэтому сегодня, когда историки ищут причины того, почему русская белая иммиграция в Венгрии была не столь многочисленной, как в соседней Сербии или Чехии, надо иметь в виду, что одной из причин был фактический запрет Антанты на размещение в Венгрии белогвардейских частей. Очевидно, что этот вопрос требует своего дальнейшего изучения.

Лишь к весне 1925 г. после долгих проволочек правительство Сербии (точнее, КСХС) приняло большую часть армии Врангеля, а вскоре и Болгария дала разрешение расквартировать остатки армии. С тех пор ядро Белой армии, по словам Петра Николаевича, расквартировано на Балканах. Закончил свое будапештское интервью, очевидно, одно из последних интервью в своей жизни П. Врангель следующими словами, которые в какой-то мере можно считать своего рода завещанием белого генерала: «*Наши местные военные организации объединяются на местах в «общевоинский союз» под моим руководством. Это союз* (имеется в виду Российский общевоинский союз, сокращенно РОВС – Ф.Л.), *который мы можем назвать «Русским рыцарским союзом», это ядро и сила всей русской эмиграции. Политическую программу его 40 тысяч членов можно было бы сформулировать в следующих словах: «Беспощадная борьба с коммунизмом, отрицание любой возможности примирения и надежда на воскрешение русского национального государства»…*

Конечно, приезд П.Врангеля в Будапешт всего на один день – небольшой неизвестный ранее эпизод в истории русской эмиграции в Венгрии. Но от этого, на наш взгляд, его значение не уменьшается, ибо за одним эпизодом стоит целая глава в истории белоэмигрантского движения.

Примечания

[1] Pesti Napló, 1927. 05. 17. 10.

[2] Az égő Oroszország. Dante Kiadó, Budapest, 1926.

Юдит Пихурик

Русская эмиграция в Южном крае Венгрии в 1941 – 1944 годах

В процессе изучения истории Венгрии периода Второй мировой войны волею судеб мне попали в руки документы по истории Южного края – территории, в период с 1920 по 1941 годы принадлежавшей Югославии, а затем, в 1941 – 1944 гг., снова воссоединённой с Венгрией[1]. Речь идет о документах из фондов венгерского МВД и других силовых структур, в которых нашли отражение проблемы русской эмиграции. Было интересно проследить, как складывалась судьба русских беженцев в ходе смены власти и по мере изменения политической ситуации – с переходом этих территорий от Югославии к Венгрии весной 1941 г. и с объявлением Венгрией войны СССР в июне того же года. В центре внимания нашего исследования – положение русской колонии в Южном крае, а также устремления и действия белоэмигрантов в условиях начавшейся войны против СССР. Проблема эта весьма многопланова. С одной стороны, русские эмигранты в 1941 г. увидели шанс на реализацию своих чаяний – развал системы большевизма и возможность создания новой России. С другой стороны, существовала взаимосвязь между изменением социального положения русской колонии, проживавшей на югославской территории, и той ролью, которую представители этой колонии играли в период войны. В то же время – в более широком контексте – обнаруженные источники позволяют прояснить некоторые детали, касающиеся военных целей Германии, устремлений венгерской внешней политики, а также венгеро-немецких отношений.

В середине 30-х годов в Венгрии проживало почти 4.000 русских эмигрантов[2]. Колония отчасти сохраняла свою замкнутость; поведение русских беженцев было типичным для эмигрантской среды – их занимали, прежде всего, внутренние проблемы: поиск источников существования, планы (подчас авантюрные) возвращения домой; они также поддер-

живали связи с товарищами по судьбе, оказавшимися в других странах. При этом в политическом отношении русские эмигранты не были едины. Документы свидетельствуют о раздорах между ними на политической почве: различные группы обвиняли друг друга в связях с большевиками, шпионаже и в других грехах, причиняя тем самым постоянную головную боль венгерским властям[3].

С 1938 г., с началом территориальной ревизии и расширения границ Венгрии, ситуация стала изменяться: всё новые и новые группы русских эмигрантов, до этого в течение 20 лет интегрировавшихся в общества Чехословакии, Румынии и Югославии, начали переходить (вместе с территориями, на которых проживали) под юрисдикцию венгерского государства. Венгерские планы ревизии границ распространялись и на территорию Закарпатья (Закарпатской Украины или Подкарпатской Руси, входившей в межвоенный период в Чехословакию). В 1938–1939 гг. позиция русской эмигрантской колонии, проживавшей в Закарпатье, возымела политическое значение. Немцы вынашивали проекты создания под своим контролем буферного украинского государства на закарпатских землях и отводили определенную роль в своих планах русской эмиграции.[4] Но в эмигрантской среде не все хотели играть по правилам, продиктованным из Берлина. Там были как люди просоветской ориентации, так и те, кто только ждал повода ввязаться в бой против большевизма. В связи с Закарпатьем противостояние наблюдалось не только в кругах русской эмиграции, но и в отношениях между Венгрией и Германией. Оно было снято в середине марта 1939 г., когда Гитлер решил отказаться от своих первоначальных планов и открыл дорогу венгерской ревизии на этом направлении.

Попытки оказать извне влияние на русскую колонию в Венгрии и вызвать брожение в ее рядах после этого не прекратились, а события 1939 г. лишь усилили тревогу. Пакт Молотова – Риббентропа (который заставил поломать голову и венгерскую внешнюю политику), а потом и разразившаяся Вторая мировая война поставили в новые условия и русских эмигрантов, в среде которых, согласно информации венгерского МВД за декабрь 1939 г., продолжалась *«таинственная, инспирированная из-за рубежа организационная работа по созданию антисоветской военной организации»*[5]. Вышеприведенный документ утверждает, что в Венгрии этот процесс тормозился из-за разобщённости эмигрантов, а в Германии –

из-за того, что тамошние эмигранты не решались выступить на борьбу против Советского Союза, подписавшего к тому же пакт с Берлином. Их аргументация сводилась прежде всего к тому, что *«хотя они и противники большевизма, но воевать против своей отчизны не намерены, тем более проливать кровь своих братьев»*. События, как известно, полутора годами позже приняли другой оборот: «дружественная» Советскому Союзу Германия стала агрессором, а потенциальные участники ошибочно прогнозируемой интервенционистской кампании против СССР, напротив, в большинстве своём стали союзниками СССР.

Всё это снова и снова перекраивало сеть русских эмигрантов в Венгрии, на масштабы которой повлияло и воссоединение страны в апреле 1941 г. с Южным краем[6]. Тогда под юрисдикцию венгерского государства попала многочисленная колония русских эмигрантов, зачастую отличавшихся по своему социальному статусу от бывших российских граждан, проживавших в пределах прежних границ Венгрии. В Югославии они жили в достаточно благоприятных, способствующих их интеграции в общество условиях (как с точки зрения применения родного языка, так и в плане веротерпимости), их знания и умения были неплохо востребованы[7]. До 1921 г. в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев нашли пристанище более 30 тысяч гражданских и примерно 40 тысяч военных беженцев, однако не все они смогли там прочно осесть. Наиболее легко смогли устроиться те, кто относился к категориям интеллигенции, служащих и офицеров, а также церковнослужителей. Примерно 10 тысяч эмигрантов, главным образом занятых в аграрной сфере, попытались обосноваться в Воеводине с ее развитым сельским хозяйством; в городах этого края осели многочисленные бывшие офицеры, служащие, учителя и их родственники[8].

Их положение начиная с апреля 1941 г. коренным образом изменилось. Одним из первых сигналов, свидетельствовавших об этом, явился Меморандум[9] эмигрантов из города Суботицы направленный ими в военную комендатуру города. Согласно этому документу, в Суботице проживало 400 русских эмигрантов, из них 100 приняли югославское гражданство и поступили на государственную службу. Большинство из них получило работу на железной дороге, почте и в налоговом ведомстве. Остальные проживали в городе с «паспортом Нансена» (удостоверением беженцев, не имеющих гражданства). Инвалиды войны и престарелые

жили на государственное пособие; бывшим военным, прослужившим на государственной службе не менее 10 лет, была назначена пенсия; почти 20 безработных получили квартиры. Руководству колонии был выделен так называемый «Русский дом», который использовался для культурных целей; имелась также начальная школа, причём зарплату учительнице платило государство. Русских, получивших югославское гражданство, венгры призвали на военную службу; тех же, кто не выразил желания служить, интернировали. Главной проблемой для русских, проживавших в Южном крае, было, как явствует из Меморандума, наряду с интернированием – прекращение материальной помощи. У 40 – 50 человек никаких других источников существования не было, для них просили пособия хотя бы в виде хлеба. Авторы Меморандума тешили себя надеждой, что в Венгрии имеется такое же учреждение по делам русских беженцев, какое было в Югославии – войдя с ним в контакт, эмигранты смогли бы лучше адаптироваться к реалиям венгерского государства.

Генерал Дежё Битто доложил о вышеупомянутых проблемах и своих предложениях по их решению вышестоящему командованию[10]. Согласно его сводке, 42 человека могли бы продолжить работать на Венгерской государственной железной дороге, 55 служащих можно было оставить на городской службе, для 16 человек он ходатайствовал о дальнейшем выделении им персональных пенсий. Для наиболее бедных (28 человек) обеспечили бесплатное питание, для 31 человека – выдачу по полукилограмма хлеба в день. Дальнейшее использование эмигрантов в качестве служащих он, однако, не рекомендовал, полагая, что это приведёт к снижению численной доли венгров на госслужбе в этом крае. Для предупреждения этого он инициировал переселение русских, проживавших в Суботице, вглубь страны. Подход к решению имевшихся проблем и положение в Суботице могут быть в целом охарактеризованы следующим образом: выстраиваемая военная, а впоследствии и гражданская администрация стремилась, в первую очередь, к стабилизации венгерской власти; с этой целью она опиралась преимущественно на венгерских служащих, прибывавших – иногда возвращавшихся на прежнее место жительства – из метрополии, нередко отодвигая на второй план даже и местных венгров. В то же время материальные пособия беженцам новые власти по возможности старались сохранить.

Ситуация ухудшилась, когда Венгрия 27 июня 1941 г. вступила в войну с СССР – после бомбардировки Кошице (расцененной как советское нападение) венгерское правительство заявило, что страна находится в состоянии войны с Советским Союзом. После этого в отношении иностранцев принимались особые распоряжения, в том числе специальные, касающиеся советских граждан и «вообще русских»[11]. Первых посчитали необходимым интернировать, а в отношении бывших российских граждан ввели режим обязательной явки. Подозрительных русских, живших на территории Венгрии в ее трианонских границах, решили интернировать, а тех, кто проживал на воссоединённых территориях, в том числе в Южном крае, предложили, «как правило, изолировать». Русских, получивших венгерское гражданство, также подвергали усиленному контролю. Поскольку на воссоединённых территориях уже на начальном этапе ввели военную администрацию, соответствующие предписания относительно вышеуказанных лиц издавал (наряду с органами МВД) военно-административный отдел начальника Генерального штаба венгерской Армии[12].

Проблемы русской колонии, жившей в Южном крае, дошли и до венгерских правительственных органов. Согласно представлению[13], поступившему летом 1941 г. в Министерство финансов, русские офицеры, а также их вдовы из города Нови-Сад не получали причитающихся им пособий, которые в Югославии им выплачивались с 1926 г. В Меморандуме, подготовленном в июле 1941 г. на основании рапорта уполномоченного Русского Красного Креста в Венгрии на имя госсекретаря Министерства внутренних дел страны Миклоша Бонцоша, был изложен вопрос о положении русских эмигрантов в Южном крае[14]. Общая их численность была оценена в 4 000 человек, в том числе в Нови-Саде было зарегистрировано 1 500, Суботице – 700 и в Сомборе 250 человек (противоречивость данных, встречающихся в разных источниках, можно объяснить военным положением, интернированием и т.п.). Как отмечалось в документах, коменданты военной администрации с пониманием относились к проблемам русских эмигрантов, но помочь – за неимением материальных средств и в силу незнания русскими венгерского языка – не могли. В силу этого в Нови-Саде и Суботице были созданы комиссии Красного Креста, во главе которых стояли уважаемые представители из числа местных русских. В Нови-Саде для 50 семей организовали народные столовые, а вот детские сады ни там,

ни в Суботице не смогли содержать. В Суботице и Сомборе не удалось открыть народные столовые, хотя в этих двух городах нужно было позаботиться в общей сложности о 300 инвалидах и 400 детях. Поэтому каждый раз приходилось просить помощи у Красного Креста и Фонда защиты семьи. Уполномоченный Красного Креста при этом подчёркивал, что речь идёт об элите русской эмиграции: высокого ранга офицерах, старших чиновниках, университетских преподавателях. Ссылаясь на это, он просил сохранить социальные учреждения, школы, всю систему благотворительности.

Однако никаких существенных изменений не произошло: в сентябре 1941 г. генерал-лейтенант Константин Апухтин, согласно документам, «самый старший по званию»[15] из живших в Венгрии в то время русских офицеров (председатель наиболее значимой организации русских военных эмигрантов, действовавшей в Южном крае, и руководитель отделения Русского Красного Креста в Нови-Саде), лично и уже не в первый раз передал венгерским властям *«Пожелания русских бачкайских*[16] *эмигрантов»*. Министерство внутренних дел, однако, не могло взять на себя решение их социальных проблем. В декабре 1941 г. была составлена новая записка, в которой описывалось положение русских эмигрантов в Бачке и снова подчёркивалось, что высшие слои русских в Нови-Саде ввергнуты в нищету – причем именно те, кто ранее оказывал влияние на общественную и политическую жизнь Сербии.

В то время как русские в Южном крае пытались решить свои проблемы с выживанием, после объявления венгерским правительством войны Советскому Союзу проявились однозначные приметы того, что немцы хотят использовать русскую эмиграцию в Венгрии в качестве инструмента для достижения своих собственных целей. Хотя те, кто симпатизировал немцам, здесь были в меньшинстве, их позиции после военных успехов вермахта в определенной мере усилились. Об этом свидетельствуют несколько донесений, которые в сентябре 1941 г. представитель русской диаспоры Анатолий Защенко подготовил на основе своих бесед с немецким журналистом Карлом Вольфом[17]. Вольфа интересовали, в первую очередь, практические вопросы: сколько русских эмигрантов проживает в Венгрии, организованы ли они, собираются ли создать свою организацию, кому будут подчинены? В своём ответе Защенко упо-

мянул 7000 эмигрантов, которых в дальнейшем предполагалось вовлечь в организацию, подчиненную венгерскому правительству, сотрудничавшему с немецким правительством. Вольф попросил также дать отчёт о состоявшемся незадолго до этого в Будапеште антибольшевистском собрании русских эмигрантов, а также пояснить, поддерживает ли венгерское правительство устремления эмигрантов. Важной частью разговора стало прогнозирование будущего: Вольфа интересовало, есть ли в среде эмигрантов люди, готовые взять на себя миссию по возрождению России и каковы их представления *«относительно России будущего»*. На этот вопрос Защенко дал уклончивый ответ: *«Здесь, в эмиграции, мы не можем принять решение о государственной форме будущей России: суть в том, что мы хотим построить свободную национальную действующую Россию на основе национальной рабочей солидарности»* (этот ответ особенно понравился Вольфу). Этими словами Защенко завершил донесение, в котором подытожил цели и устремления эмигрантов (оно в полной мере отразило и их иллюзии). Он утверждал: *«Истинный русский народ* – и в эмиграции, и у себя дома – *увидел шанс на осуществление своих чаяний, когда войска вождя и канцлера Гитлера начали борьбу с большевизмом»*. По мнению Защенко, русская эмиграция по отдельным персональным вопросам может быть и разобщена, однако она едина в своём неприятии идей коммунизма. Желание эмиграции: внести свой вклад *«в дело борьбы, которая в настоящее время ведётся на земле России в интересах спасения всего человечества»*. Немцам, таким образом, удалось внушить немалой части белой эмиграции уверенность в том, что они на неё рассчитывают как в борьбе против Советского Союза, так и при последующем восстановлении России. В пропаганде, рассчитанной на русских эмигрантов в Венгрии, упор делался на «крестовый поход против большевиков», более того, задачи войны были сведены к самому этому походу. Является очевидным, однако, тот факт, что вопреки иллюзиям, бытовавшим в эмигрантской среде, в действительности устремления Гитлера ни в коей мере не были направлены на воссоздание новой свободной России.

В ноябре 1941 г. принял конкретные очертания план, согласно которому представители русской эмиграции должны были нести военную службу под немецким командованием[18]. Как следует из одного донесе-

ния, немецкая комендатура в Белграде провела переговоры с жившим в Нови-Саде генералом Апухтиным о наборе в воинские подразделения проживавших в Венгрии русских в возрасте от 18 до 50 лет. Как выяснилось, многие эмигранты протестовали против этой акции; кроме того, в компетентных венгерских органах существовали подозрения, что они *«поспешат донести об этой акции англо-американским дипломатическим кругам, представив её в тенденциозном виде»* (Венгрия пока еще не находилась в состоянии войны с Великобританией и США). Венгерский Генеральный штаб предусмотрел выделить на эти расходы 1.500.000 пенгё, а поскольку многие претендовали на право распоряжаться этой суммой, в донесении содержалось предсказание, что со стороны «проигравших» можно ожидать политических интриг. Важно, однако, отметить, что, согласно имеющимся сведениям, немцы брали на себя не только издержки, связанные с вербовкой и транспортировкой добровольцев, но и обещали оказать помощь членам их семей, тем самым вопрос о материальном положении волонтёров мог бы быть удовлетворительным образом решен (как мы отметили выше, в то время русские в Южном крае уже в течение нескольких месяцев вели борьбу за выживание). Вопрос, однако, не был столь простым, поскольку об этой акции не знали ни венгерское Министерство иностранных дел, ни даже премьер-министр; в выше указанном донесении обращается внимание министра внутренних дел на то, что вербовка русских эмигрантов может иметь нежелательные внешнеполитические последствия.

Немногим позднее в уведомлении[19] начальника Генштаба Армии, направленном в адрес министра внутренних дел, сообщалось, что генерал Апухтин получил одобрение премьер-министра на то, чтобы приступить к набору добровольцев. В Нови-Саде их записали в группы по 125 человек в каждой, а затем, после медицинского освидетельствования, передали в Сербии немцам, которые сформировали из них корпус русских эмигрантов под названием «Schutzkorps». Первую группу планировалось отправить на фронт 15 декабря 1941 г. Апухтин изложил условия[20], необходимые для присоединения добровольцев к воюющей армии: бесплатный проезд, возможность ухода со службы, наличие разрешения со стороны начальника Генштаба Армии. Организационную работу осложняло то, что пожелания Апухтина официально не могли быть удовлетворены, поскольку в

большинстве случаев речь шла не о венгерских гражданах. Формирование «Schutzkorps» и присоединение к нему новых добровольцев, таким образом, столкнулось с трудностями.

Ситуацию усугубил распространившийся слух: уже сформированные подразделения русских эмигрантов немцы ввели в бой не на советском театре военных действий, а в Голландии[21]. Немногим позже выяснилось также, что набор осуществляется не на добровольной, как поначалу предполагалось, а на обязательной основе: 3 новобранца из одного посёлка в Южном крае заявили, что в ноябре 1942 г. их принудили записаться в армию и лишь в декабре сообщили, что вербовка происходит на добровольных началах[22]. Поскольку задачи, поставленные перед «Schutzkorps», им не были известны, они выразили нежелание служить в армии, так как хотели бы воевать лишь в интересах русской нации против коммунистов.

Впоследствии для русских эмигрантов, согласившихся принять участие в войне, могло бы послужить решением присоединение к армии генерала Власова. Однако, согласно донесению[23] венгерского генерального консула в Белграде, датированному июнем 1943 года, тамошние белоэмигранты относились к Власову с подозрением, полагая, что вступившие в его армию бывшие красноармейцы перешли на сторону немцев лишь для того, чтобы избежать плена. Таким образом, они видели в корпусе Власова соперников и опасались, что немцы отдадут предпочтение власовцам, а не эмигрантам. В связи с этим снова встал вопрос о послевоенном будущем России. Если верить высказываниям лидеров русской эмиграции в Белграде, белоэмигранты отдавали себе отчёт в том, что задача восстановления царизма в то время не могла быть актуальна, поэтому они предлагали создать на оккупированной территории временный орган, управляющий Россией. Когда же венгерский генконсул назвал в качестве самого главного препятствия для решения стоявших проблем разобщённость русской эмиграции, то получил ответ, что в интересах достижения общей цели различные группы могли бы отказаться от своих амбиций в пользу той фракции, позиции которой предпочтительнее. Однако это было не более чем иллюзией.

Венгерский генконсул получил от своего информатора также письменный материал, в котором речь шла о положении различных русских

эмигрантских группировок, их значении и отношении к войне. Одновременно в нём нашла освещение уже упомянутая проблема: «*Полученный меморандум сетует, главным образом, на то, что державы оси не приняли даже формальной декларации относительно конечных целей своего военного похода на Россию*». Следовательно, даже и в 1943 г. для русских эмигрантов всё ещё неясной была цель войны, и они ожидали разъяснений со стороны немцев. Они надеялись, что подобная декларация успокоила бы русские массы по обе стороны линии фронта и, возможно, способствовала бы ликвидации большевизма изнутри. В то же время такая декларация нейтрализовала бы «*сделанные ранее заявления отдельных немецких политиков относительно расчленения и колонизации России, что большевики в настоящее время широко используют в пропагандистских целях*». Авторы меморандума опасались, что эмигранты «*будут отлучены от победы немцев, в случае же их поражения в войне месть большевиков настигнет эмигрантов в первую очередь*». Меморандум отчётливо свидетельствовал об уже упомянутой проблеме: гитлеровцы беззастенчиво использовали устремления русских эмигрантов в интересах достижения собственных целей, ибо в планы Гитлера никогда не входило спасение русского народа и его культуры, создание свободной России. Тех же, кто, питая эти надежды, сотрудничал с агрессорами, напавшими на Советский Союз, действительно, ждали в лучшем случае длительное заключение, а скорее всего смертная казнь.

Ранее, осенью 1942 г., расплывчатость представлений о целях войны против Советского Союза проявилась и в другом плане. Русские эмигранты рассчитывали на то, что после победы над Сталиным они смогут вернуться на родину и получить обратно утраченное имущество. Насколько они заблуждались на этот счёт, свидетельствует пример одного русского эмигранта из Шопрона. На поступивший от него в шопронскую полицию официальный запрос[24], сделанный через немецкого адвоката, относительно того, смогут ли эмигранты получить обратно свои поместья на российских территориях, оккупированных немцами, был получен следующий ответ: «*шансы на это весьма ничтожны, поскольку Германия нуждается в захваченных ценою кровавых жертв восточных территориях для размещения там излишков своего населения. Туда будут переселены многочисленные исконно немецкие здоровые крестьянские семьи, с тем чтобы*

они эту землю не только осваивали, но и защищали. Во исполнение этого уже создана организация…(…) Таким образом, мы не можем себе позволить осложнить эту работу, вдаваясь в дискуссии по поводу притязаний со стороны едва ли не утративших за давностью лет своё право собственности иностранных (sic!) землевладельцев. (…) Германия борется за территории для своих переселенцев, а не за восстановление просроченных состояний. (…) Какая нам польза с того, что мы обратно посадим иностранцев (sic!) в их поместья, которые они утратили не по вине Германии; неправомочно также требовать, чтобы Германия компенсировала ущерб этим иностранцам». Таково было содержание поступившего в ноябре 1942 г. в шопронскую полицию ответа из Германии. Венгерский составитель документа, адресованного непосредственно русскому эмигранту, обратившемуся с запросом, добавил от своего имени: *«Упомянутая установка отражает мнение по этому вопросу немецких официальных кругов». «Вышеизложенное несомненно означает и доказывает, что Германия оставит за собой завоёванные территории, точнее, присоединит их к Империи и переселит туда своих людей, следовательно, подвергнет германизации», – резюмировал официальную немецкую позицию старший советник шопронской полиции.*

Таким образом, в случае победы «Третьего рейха» однозначно не осуществились бы надежды тех представителей русской белой эмиграции, которые делали ставку на Германию. Как бы то ни было, исход войны наложил отпечаток на судьбы многих русских эмигрантов. Нам не удалось выяснить, сколько же, в конце концов, удалось завербовать под немецкие знамена добровольцев на территории Венгрии, но известно, что численность сербского корпуса русских эмигрантов, выстроенного под немецким командованием, в конечном счёте превысила 15 тысяч человек. Формирования русских эмигрантов не были направлены на советский фронт: на первых порах они воевали против партизан Тито, а с 1944 г. их использовали для прикрытия отступления немцев – вот тогда-то они уже столкнулись с Красной армией. Почти 2/3 корпуса пали в боях, а оставшиеся части отступили на австрийскую территорию. Хотя в мае 1945 г. они попали в плен к англичанам, многим участникам этих формирований не удалось избежать советских репрессий[25].

Примечания

[1] В результате Трианонского мирного договора 1920 г. Венгрия, как известно, лишилась более 2/3 площади венгерских коронных земель, управлявшихся в годы австро-венгерского дуализма из Будапешта. Территория венгерского государства сократилась с 282 тысяч кв. км (без автономной Хорватии) до 93 тысяч кв. км, численность населения уменьшилась на 57% (с 18,2 млн. человек до 7,9 млн.). К образованному в 1918 г. Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев (будущей Югославии) отошел Южный край (венг. Délvidék) – территории, ограниченные реками Драва, Дунай и Тиса. Современная Воеводина, в которой сербы составляли и составляют большинство населения (Примечание отв. редактора).

[2] Halász Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. In: Ezredforduló – századforduló – hetvenedik évforduló. Ünnepi tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére. Szerk. J. Ujváry Zsuzsanna. Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészettudományi Kar, Piliscsaba, 2001. 545.

[3] MOL (Magyar Országos Levéltár – Национальный архив Венгрии) K 149 1933 – 6. t. 2629. sz. 153. cs.

[4] MOL K 28 – 142. cs. 225. t. 1939 – L – 15418.

[5] ÁBTL (Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára – Исторический архив служб госбезопасности) 4. 1. A-710.

[6] 11.500 кв. км, 1.300.000 человек населения, 39% из которых были венграми.

[7] Halász Iván: Ук. соч. 531.

[8] Toma Milenković: Dolazak izbeglica iz Rusije u Vojvodinu posle prvog svetskog rata. Zbornik Matice Srpske za istoriju, 1994/50. 49-97., См. ещё: Арсеньев А. У излучины Дуная. Русская колония в Нови-Саде // Родина, 2010. № 11. С. 148-151 (Примечание отв. редактора).

[9] IASU (Istorijski Arhiv Subotica) F 60 P-957/1941.

[10] IASU F 60 P-3590/1941.

[11] ÁBTL 3.1.6. P-432 Bayor Ferenc és társai. 81–84.

[12] Istorijski Arhiv Senta F 097.2. 211/1941.

[13] MOL K 28. 194. cs. 348. t. 1941 – P – 20323.

[14] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 85–87.

[15] MOL K 28 – 194. cs. 348. t. 1941 – P – 21381. и ÁBTL 3.1.6. P-432 Bayor Ferenc és társai. 108–110.

[16] Бачка – самая крупная из территорий, входивших в Южный край; в документах нередко употребляется как его синоним.

[17] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 91–97.

[18] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 100.

[19] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 102. M. kir. vkf. 49937/eln. 2. vkf. D-1941.

[20] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 118. 1941. 12. 11.

[21] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 128.

[22] ÁBTL 3.1.6. P-432. Bayor Ferenc és társai. 146.

[23] MOL K 28 – 194. cs. 348. t. 1942 – L – 25644.

[24] MOL K 28 – 194. cs. 348. t. 1941 – A – 29392.

[25] http://worldwartwobalkanslevant.blogspot.com/2009/03/russisches-schutzkorps.html, (19. 05. 2011 г.).

Шереш Аттила

Галимджан Таган и башкирские эмигранты в венгерском «Туранском движении»

Введение

Изучая историю российской эмиграции в европейских странах в первой половине 20-го века, надо обратить внимание на то, что эта эмиграция была неоднородной как по своему политическому облику, так и по происхождению, а также социальному и национальному составу. Хотя в Венгрии после Первой мировой войны российская эмиграция была весьма малочисленной в сравнении с количеством выходцев из России, обосновавшихся в сопредельных с ней Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославии), Чехословакии и даже Болгарии или Румынии, там она тоже была довольно многослойной. К сообществу бывших российских граждан, живших в Венгрии, можно причислить не только группу белогвардейских эмигрантов, которые оказались здесь в 1920–1921 гг. после поражения монархических сил в России, но и российских военнопленных Первой мировой войны, оставшихся в Венгрии вместе с обретенными в этой стране семьями.

В период с конца Первой мировой войны до начала Второй мировой войны среди бывших граждан царской России, живущих в Венгрии, кроме русских, мы можем найти лиц украинского и еврейского происхождения. Поэтому под термином «российская эмиграция» мы подразумеваем общность прежних граждан царской России, при всех различиях между людьми там, где дело касается этнического происхождения и отношения к русской нации и территориальной целостности России. Но более удивительно, что в этот период Будапешт становится одним из организационных центров башкирского национального движения. Правда, башкирская

эмиграция в Венгрии была представлена всего одним лицом, а именно Галимджаном Таганом, тогда как в Стамбуле и в некоторых западноевропейских городах (прежде всего в Берлине и Вене) поселилось значительное количество башкирских интеллигентов, в том числе прежние лидеры башкирской политической элиты, учёные и студенты. Однако, поскольку во время Гражданской войны в России Таган играл определяющую роль в башкирском политическом руководстве и военном командовании, его политико-организационная деятельность в эмиграции осталась в центре внимания не только современников, но и более поздних поколений башкирского народа. Вместе с тем годы эмиграции Тагана в Венгрии представляют собой интерес и для венгерских исследователей, потому что его научная карьера, великолепное знание венгерского языка и хорошая адаптация к обществу принимающей страны сделали его имя известным среди более широких слоев венгерской общественности, включая влиятельных деятелей культурной и политической жизни.

Таким образом, именно с точки зрения признания принимающим обществом личности «иммигранта» жизнь Галимджана Тагана может быть интересна для изучения истории «российской эмиграции» в Венгрии, ведь, судя по венгерским источникам, никто из членов российских эмигрантских групп не удостоился подобного общественного влияния и признания. Биография Галимджана Тагана и годы его жизни в эмиграции стали предметом весьма основательной монографии башкирского исследователя М. Н. Фархшатова[1]. В данной статье мы попытаемся реконструировать до сих пор малоизученное участие Тагана в так называемом венгерском «туранском движении», которое являлось одним из ключевых моментов его политико-организационной деятельности.

При написании нашей статьи мы в основном опирались на базу венгерских архивных источников. Однако эту базу мы не исчерпали полностью, поэтому нам кажется необходимым дополнить в будущем нашу статью новыми (венгерскими и российскими) архивными документами, в частности, считаем нужным более основательно использовать до сих пор недоступную нам российскую специальную литературу о башкирской эмиграции. В архивном наследии Тагана есть большое количество писем, написанных на турецком и башкирском языках. Обработка этих документов тоже является необходимой для реконструкции полной кар-

тины деятельности Тагана в туранском движении. Поэтому настоящую статью мы рассматриваем только в качестве предпосылки написания более обширного научного труда на венгерском языке о пребывании Тагана в Венгрии.

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Галимджан Гирфанович Таган родился в 1892 г. в деревне Тенгрикуль тогдашнего Челябинского уезда Оренбургской губернии в состоятельной башкирской семье[2]. После окончания традиционной для мусульманских поселений Башкирии религиозной (коранической) школы («мектеб») и государственной русскоязычной русско-башкирской школы он прошёл учительскую семинарию. После приобретения звания учителя русского языка русско-«инородческих» школ, Таган недолго занимался педагогической деятельностью.

С началом Первой мировой войны Таган был направлен в Тифлисскую военную школу, после окончания которой получил младший офицерский чин («прапорщик») и служил на Кавказском фронте. После падения царизма Таган, уже получивший образование и имевший за плечами опыт военной службы, начал активно участвовать в башкирском национальном движении.

Роль башкирского народа в очаге российской Гражданской войны достаточно известна благодаря результатам современной историографии[3], и, так как подробное описание событий не входит в рамки нашей статьи, нам хотелось бы ограничиться только самыми важными данными, определившими судьбу Тагана. Известно, что во время Гражданской войны географическая территория, населенная башкирами, находилась между большевиками и сибирскими контрреволюционными силами. Отношение башкирского национального движения к воюющим сторонам определили главным образом взгляды участников войны на программу достижения национального суверенитета башкирского народа. С 8-го по 22-ое декабря 1917 г. в г. Оренбурге был созван «учредительный съезд» башкир («курултай»), на котором было образовано независимое правительство Башкирии. Однако большевики не признали суверенитет этих органов, поэтому в июне–июле

1918 г. башкиры считали целесообразным пойти на сближение с контрреволюционными силами Урало-Сибирского региона. Глава башкирского правительства Ахмет-Заки Валиди в первую очередь возлагал надежды на так называемое «Самарское правительство» («Комуч»), в которое вошли в основном представители демократических политических сил, бывшие участники февральской революции 1917 г. (эсеры, меньшевики). Сторонники «Самарского правительства» с программой «демократической контрреволюции» придерживались принципа автономии всех национальностей России в рамках демократической федеративной республики. Известно далее, что осенью 1918 г. в антибольшевистском лагере Урала, Поволжья и Сибири произошли существенные изменения: демократические силы потерпели окончательное поражение, а усилившая свои позиции монархическая диктатура Сибирского правительства во главе с А. В. Колчаком, выступавшая под лозунгом «единой и неделимой России», вынудила башкирских лидеров найти компромисс с большевиками. В башкирском национальном движении 18 февраля 1919 г. произошел поворот к соглашению с Советской Россией, согласно которому большевики признавали национальную, культурную и территориальную автономию башкир, а башкиры обязались создавать внутреннее политическое и общественное обустройство будущей автономии на принципах советской идеологии.

В ходе событий Галимджан Таган был членом Башкирского военного совета («шуро») при военном отделе башкирского правительства, а потом кратковременно был начальником Яланского «кантона», административным центром которого стала его родная деревня Тенгрикуль. С началом вооруженной борьбы против большевиков он стал командиром Пятого, а затем Третьего башкирского стрелкового полков, но, судя по воспоминаниям башкирских национальных лидеров, впоследствии он командовал Второй башкирской стрелковой дивизией.

Одна из статей Тагана, написанная на венгерском языке, в которой он вспоминает о действиях времен Гражданской войны, явно свидетельствует о том, что Таган осознал: переход Валиди и других башкирских лидеров (таких, как М. Л. Муртазин) на сторону большевиков произошел по тактическим соображениям. Безвыходное положение башкир в Гражданской войне он охарактеризовал как случай с двумя стаканами. Тебе нужно выбрать себе один из двух стаканов, первый из них наполнен водой, а другой

совсем пустой. Потом в оба эти стакана будет подсыпан яд, и ты должен выпить из одного из них. Естественно, ты выберешь стакан с водой, потому что в нем из-за воды меньше яда, и ты выживешь, а если выпьешь другой стакан с ядом, это, безусловно, приведет к смерти. Стакан с водой и ядом символизировал большевизм, такую болезнь, от которой можно поправиться, а стакан с ядом символизировал возвращение царизма, т. е. гибель башкирской нации[4].

Удивительно, что, несмотря на это, 18 февраля 1919 г. Таган был среди тех, кто не одобрил перехода башкирских войск на сторону красных, и он со своим полком остался на стороне Колчака. После этого он навсегда покинул Башкирию и в Сибири присоединился к группе правого крыла башкирского национального движения во главе с М. Г. Курбангалиевым. Он приобрел военный чин подполковника и стал исполняющим обязанности начальника штаба Военно-национального управления башкир Российской восточной окраины во главе с Курбангалиевым. В свете вышесказанного вхождение Тагана в правое крыло национального движения башкир, на первый взгляд, может показаться странным. Как предполагает М. Н. Фархшатов, это может объясняться двумя причинами. Во-первых, он в какой-то мере оказался личным соперником Валиди. Его политические воззрения были намного консервативнее, чем, например, у Валиди. Во-вторых, он стремился к тому, чтобы сохранить единство башкирских отрядов с целью воссоздания в будущем на их основе башкирского национального войска, и поэтому любой ценой стремился спасти дезориентированные и разрозненные башкирские воинские части, оставшиеся по «белую сторону» Восточного фронта. Осенью 1920 г., после окончательного поражения белогвардейского движения в Забайкалье, Таган вместе с Курбангалиевым ушёл в Маньчжурию, а затем эмигрировал в Японию[5].

В ВЕНГЕРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Нелегко определить непосредственные обстоятельства и мотивировку отъезда Тагана из Японии на венгерскую землю. Его ближайший венгерский друг Ласло Кеси Ковач пишет, что в 1921 г. Таган сам решил

приехать в Европу, в столицу Австрии, где тогда собирались башкирские эмигранты. По утверждению Ковача, Таган встретился с известным венгерским востоковедом, своим будущим покровителем Бенедеком Баратоши-Балогом уже в Венгрии[6]. Однако, более вероятно, что Таган познакомился с Баратоши ещё в Японии, так как венгерский учёный в 1920–1921 гг. работал преподавателем в японских университетах в рамках соглашения об обмене между венгерскими и японскими университетами. Эту версию подтверждает сам Баратоши, который, по-видимому, и был главным инициатором переселения Тагана в Венгрию[7]. Точное прибытие в Будапешт Тагана можно установить. По сообщениям журналов, он прибыл в Венгрию в июле 1922 г.[8].

М. Н. Фархшатов в своей биографии уже указал на те факторы, которые помогли Тагану адаптироваться в Венгрии. С 1922 г. по 1925 г. он учился в Дебрецене в Королевской экономической академии. В это время он выучил венгерский язык и свою дипломную работу написал уже на венгерском языке. Так как в провинции ему не удалось устроиться, он переехал в Будапешт, где в 1925–1926 гг. закончил экономический факультет Королевского политехнического университета им. Франца Иосифа. В этом же университете в 1929 г. он защитил свою докторскую диссертацию о финансовой и валютной политике российских и советских правительств накануне и после Первой мировой войны. По-видимому, ещё в Дебрецене Таган интересовался не только экономическими науками, но и другими гуманитарными дисциплинами, как, например, этнографией. С 1927 г. по 1933 г. (за исключением периода пребывания в Вене с первой половины 1930 г. до первой половины 1932 г. государственным стипендиатом) он находился в штате этнографического отдела Национального музея Венгрии, куда, по-видимому, был зачислен при поддержке авторитетных венгерских этнографов, в том числе Иштвана Дьёрффи[9]. Именно 1927 г. можно считать началом его активной научной деятельности в области этнографии, так как в этом году вышли в свет его первые публикации. С 1932 г. при поддержке своего института он совершил несколько полевых экспедиций: в Турцию, на Балканы, в Прибалтику, в Финляндию и, естественно, в разные районы Венгрии, особенно в т. н. Кишкуншаг и Надькуншаг, а также в 1941 г. в вернувшуюся в состав Венгрии Северную Трансильванию[10].

На ассамблее Общества этнографов Венгрии 22 июня 1938 г. он был избран кассиром этой общественно-научной организации. Этот факт явно свидетельствует о его высоком признании и авторитете в научных кругах Венгрии, ведь кандидатом на такую почётную должность не мог быть второстепенный или небрежный учёный[11].

Относительно его пребывания в Венгрии нам хочется выделить ещё два момента. Во-первых, по архивным документам известно, что с 1925 г. по 1930 г. он работал при Министерстве внутренних дел Венгрии переводчиком[12]. Вероятно, он не был зачислен в штат министерства, но в этот период, т. е. именно в самый чувствительный период формирования и интеграции российской эмиграции в Венгрии, он занимался переводом различных официальных документов, таких как, например, ходатайств для венгерских властей и т. н. «нансеновских» паспортов российских эмигрантов. Это значит, что через три года после своего прибытия в Венгрию он попал в орбиту внимания венгерских властей и приобрел место в государственном учреждении. Это может быть объяснено быстрым усвоением им венгерского языка, его знанием русского языка и, не в последнюю очередь, именно его нерусским происхождением. Можно предполагать, что венгерские власти могли в большей мере доверять человеку, который отлично владел языком государства и при этом испытывал братские чувства к принимающей его нации, нежели к человеку, который с трудом разбирался в венгерском языке и при этом испытывал более братские чувства к тем, чьи документы должен был переводить. Это означало и то, что у иммигранта Тагана была возможность лично ознакомиться с документами конфиденциального характера, и он был в курсе внутреннего положения российской эмиграции и располагал информацией об отдельных человеческих судьбах.

Во-вторых, надо отметить и то, что после эмиграции Таган никогда не вступил на башкирскую землю, правда, в начале 1942 г. ему удалось побывать на территории Советского Союза. Он поехал в оккупированную гитлеровским вермахтом столицу Украины. В Киеве он участвовал в учёте изобразительных и церковных ценностей киевских музеев и монастырей как помощник и переводчик известных венгерских археологов Нандора Феттиха и Дьюлы Ласло[13].

Венгерское туранское движение

Одним из важнейших моментов деятельности Тагана в эмиграции является его участие в т. н. венгерском «туранском движении». Венгерская общественно-политическая организация под названием «Туранское общество» (венг. Turáni Társaság) была создана в 1910 г., т. е. во время Австро-Венгерской Монархии, ещё до начала Первой мировой войны. В узком смысле представители движения выступали за единство т. н. туранских народов (Туран – древнеиранское название Центральной Азии), к которым причисляли носителей алтайских (тюркских, монгольских, японского и др.) и уральских (финно-угорских и самодийских) языков. Значительная часть основателей общества, в первую очередь учёные, рассматривала эту организацию как институциональные рамки и общественную опору для научных исследований восточных стран, а другая часть считала туранизм политико-экономической программой, которая изучением восточных стран должна была содействовать экономическому и политическому продвижению королевской Венгрии на Балканский полуостров и на Восток и должна была создавать предпосылки экономической и политической гегемонии венгерской нации в стратегических для неё регионах – на Балканах и среди тюркских народов[14]. После распада Австро-Венгерской Монархии (и в ее рамках исторической Венгрии) венгерский туранизм в политико-пропагандистском плане делал акцент на интенсификации связей венгерской нации с народами Востока[15]. Благодаря этому Туранское общество имело хорошие отношения с отдельными учёными, дипломатами, политическими и культурными деятелями Финляндии, Эстонии, Турции, а также татарами Польши и СССР[16].

Практическая деятельность общества была разнообразна. Оно организовало курсы турецкого, финского, японского и болгарского языков, ежемесячно устраивало лекции авторитетных учёных для широкой публики, поддерживало заграничные научные исследования и финансировало университетское и вузовское обучение турецких, болгарских и японских студентов в Венгрии, а также издавало журнал[17]. Органом общества был журнал «Туран», который вначале выходил четыре раза в год, но в 1920-ые

и 1930-ые годы все четыре номера чаще всего соединяли в единый сборник, т. е. журнал фактически выходил ежегодно.

Численность членов общества постоянно росла и в первой половине 1940-х гг. оно насчитывало уже более чем 650 членов[18]. Отметим, что по сравнению со многими другими венгерскими общественными организациями того времени это означало огромную общественную инфраструктуру, тем более, что значительную часть членов (более 150) составляли юридические лица, в том числе местные самоуправления, значительные компании и кооперативы. Членами общества в основном были венгерские граждане, которые относились к т. н. «действительным» или «поддерживающим» членам. Последние ежегодно платили скромную сумму членского взноса. Иностранные граждане тоже могли быть членами общества, они в основном относились к т. н. «почётным» членам и были избраны организационным органом общества, т. н. «управляющим советом». Как правило, они были не обязаны платить за членство[19].

Согласно списку членов общества за 1937 г. среди «почётных членов» можно отметить высокопоставленных лиц турецкого, болгарского, эстонского и финского посольств в Будапеште, в том числе и послов этих государств. Членов (физических лиц) общества можно разделить на две части. Значительную часть представляли разные учёные, в основном востоковеды, этнографы, лингвисты, историки и археологи. Другая часть состояла из политиков, дипломатов и видных общественных деятелей, что гарантировало обществу правительственную поддержку[20]. С 1919 г. по 1944 г. почти все премьер-министры этого периода были членами общества: Иштван Бетлен, Дюла Гембеш, Калман Дарани, Пал Телеки и Ласло Бардошши. Дарани, будучи премьер-министром, был сопредседателем общества. Однако это совсем не означает, что все они были верными поклонниками «туранской идеи», наличие премьер-министров в рядах общества имело значение в первую очередь с точки зрения интересов этой структуры. Это во многом содействовало финансированию правительством общества. Непосредственную связь между правительством и лидерами общества обеспечивали заведующие отделом печати Министерства иностранных дел, которые обычно тоже были членами общества. Тибор Патаки, заведующий Отделом нацменьшинств при премьер-министре, был одновременно почётным

председателем и одним из главных покровителей общества[21]. С точки зрения Тагана может иметь значение, что в состав действительных членов организации вошел и Абдул Латиф, один из имамов в Будапеште[22], который, судя по завещанию Тагана, мог быть в тесном контакте с ним[23].

Для того чтобы оценить деятельность Тагана в Туранском обществе, нам необходимо указать на некоторые противоречия в отношении Туранского общества к СССР. Тем более, что этот вопрос в более широком контексте может свидетельствовать и о несовместимости туранской идеологии с внешнеполитическими и дипломатическими реалиями того периода. Позиция туранистов по вопросу о будущем политическом устройстве тюркских народов, живущих на территории СССР, в том числе в Средней Азии, т. е. татар, башкир, азербайджанцев, узбеков, казахов и. т. п., состояла в желательности создания великотюркского государства, включающего вышеуказанные народы. Оно могло стать тесным союзником Турции и, таким образом, в тылу русской этнической территории, по замыслам, уменьшилась бы угроза панславизма (и его главного покровителя, России) для Венгрии. В документах Туранского общества нередко встречается лозунг «об освобождении тюркских народов» в СССР. Однако, судя по этим же самым документам, приверженцы этой идеи сами осознали, что СССР является могучей державой, с которой надо считаться на международной арене, тем более что кемалистская Турция до второй половины 1930-х гг. сотрудничала с СССР по вопросам режима Черноморских проливов и политического устройства Юго-Восточной Европы[24]. Турецкое правительство не разделяло ни пантюркистскую, ни туранскую идеологию.

Возьмём в пример двух видных деятелей Туранского общества. Первый из них Михай Юнгерт (с 1933 г. Михай Юнгерт-Арноти), известный и один из самых талантливых дипломатов тогдашнего МИД Венгрии. Во время своей дипломатической службы он был послом почти во всех «туранских» государствах, так с 1922 г. по 1928 г. в Ревеле (Таллинне), с 1928 г. по 1933 г. в Хельсинки, в 1933–1934 гг. в Анкаре, с 1934 по 1939 г. в Москве и, наконец, с 1939 г. по 1944 г. в Софии[25]. В списке, содержащем имена членов общества, легко можно обнаружить и его имя[26]. Нами был найден документ, который свидетельствует о том,

что он, будучи уже послом в СССР, переправил сумму на адрес Туранского общества для издания журнала «Туран»[27]. В 1941 г., будучи уже послом в Болгарии, в знак признания его усилий в распространении туранской идеи, он был избран почётным членом общества[28]. Не говоря уже о том, что он и его жена считались друзьями семьи Алайоша Паикерта, секретаря Туранского общества. В рукописном дневнике последнего есть намёки на то, что его сын был назначен первым секретарем в посольство Венгрии в Москве благодаря личному ходатайству Юнгерта в МИД[29]. Однако сам Юнгерт был в МИД главнейшим идеологом сближения Венгрии и СССР. Не случайно, что уже с первой половины 1920-х гг. в МИД его считали экспертом по России. Его внешнеполитическую концепцию можно охарактеризовать так: «три державы против трёх хищников Трианонского мирного договора»[30]. Концепция Юнгерта состояла в том, что три значительных державы Европы, а именно Германия, Италия и СССР будут стремиться к дестабилизации послевоенного европейского устройства, т. н. «версальской системы», и Венгрия должна будет извлечь из этого пользу для себя. Хотя во внешней политике СССР в 1933–1934 гг. отмечался резкий поворот, Юнгерт полагал, что все эти державы имеют серьезные разногласия хотя бы с одним из государств, расширивших свои территории вследствие Трианонского договора, поэтому Венгрия в своей борьбе против Чехословакии может рассчитывать на Германию, против Югославии – на Италию, а против Румынии – на СССР. Таким образом, идеальная геостратегическая обстановка для Венгрии заключалась бы в сотрудничестве этих трёх держав. В интересах успеха собственных ревизионистских устремлений Венгрия должна была иметь на своей стороне и СССР. Юнгерт в течение своего пятилетнего пребывания в Москве всё время старался убедить советских лидеров в правомерности венгерских интересов и необходимости согласования советской позиции с венгерской[31].

Пример Дюлы Пекара, председателя Туранского общества, тоже может нас заставить задуматься. Пекар был одним из главнейших идеологов и деятелей венгерского контрреволюционного движения. В 1919 г. он был основателем тайной контрреволюционной организации под названием «Белый дом». После победы контрреволюционного режима он долгое время занимал влиятельный политический пост, был председате-

лем комиссии по внешней политике Нижней палаты венгерского парламента. Осенью 1933 г., т. е. за несколько месяцев до признания Венгрией СССР, он в разных газетах опубликовал свои выпады против большевизма и его «главного гнезда» – СССР. В одной из статей под заглавием «Апокалипсис. Борьба Советов против Бога» он отождествлял СССР с антихристом, против которого верные христиане должны бороться. Он писал также, что европейские государства, вместо того, чтобы заключать с СССР торговые договоры, должны были бы идти в «крестовый поход» против Советского Союза[32]. Однако несколькими месяцами позже, на заседании комиссии по внешней политике 10 февраля 1934 г., он сам предлагал членам комиссии принять обмен дипломатическими нотами и прилегающими к ним документами об установлении дипотношений между Венгрией и СССР и сам голосовал за это[33]. Как только это стало известно, на заседании парламента один из депутатов зачитал его прежние статьи против СССР[34]. Для того чтобы избегать дальнейших неудобных «очных ставок», он должен был отказаться от своего поста в комиссии по внешней политике[35].

Туранское общество имело контакт и с белогвардейскими эмигрантскими группами. Об этом свидетельствует доклад Константина Сахарова, бывшего полковника царской армии, на одном из мероприятий общества. 5 декабря 1930 г. бывший русский офицер читал свой доклад на немецком языке под заглавием «Туранские народы во время революции». Доклад Сахарова стал значительным событием, так как на нём присутствовал и регент Миклош Хорти. Факт появления Хорти на этом мероприятии явно указывал на почтение к личности Сахарова, ведь, согласно документам, это было третьим случаем, когда глава государства участвовал в мероприятиях Туранского общества. У Тагана, вероятно, было резко отрицательное мнение о Сахарове, он называл его «одним из самых крайних русских империалистов»[36]. В свете этой оценки удивительно, что в своём докладе Сахаров много раз выражал свои симпатии к «туранским народам». Он, в частности, излагал своё мнение о том, что «туранские народы» были первыми, кто выступил против большевиков. Он говорил о «туранских народах» тоном высокого почтения и уважения и подчеркнул их преданность своим традициям, своей религии и своему общественному устройству[37].

Таган в Туранском обществе

Очевидно, что Таган наладил контакт с представителями Туранского общества посредством уже упомянутого востоковеда Бенедека Баратоши-Балога, который со второй половины 1920-х гг. был не только членом, но и вице-председателем этой организации. Вовлечение высокообразованного, талантливого и располагающего широкой исследовательской перспективой башкира в орбиту общества являлось большим достижением. Венгерские тюркологи считали, что прародина венгров, т. н. «Магна Хунгария» (лат. Magna Hungaria), могла располагаться в соседстве с прародиной башкир и предки обоих народов могли иметь не только тесные бытовые и коммерческие контакты, но и этническое взаимовлияние[38]. С точки зрения венгерских учёных Таган, благодаря своим личным впечатлениям и личному, «внутреннему» опыту в народной культуре и повседневной жизни башкир, мог стать первоисточником и даже субъектом научных исследований. В отдельных номерах журнала «Туран» указаны точные даты его докладов, прочитанных на мероприятиях Туранского общества. Так, 11 марта 1926 г. он читал доклад об истории «туранских народов» в Средней Азии[39], 15 февраля 1928 г. о Башкирии[40], 20 февраля 1930 г. о происхождении, истории и народной культуре киргизов[41], и 7 мая 1941 г. о народной культуре и народных обычаях башкир[42]. Разумеется, он читал свои доклады на венгерском языке. Первые его три доклада стали научной базой для Баратоши-Балога при составлении им книги под заглавием «Башкиры и татары». Его доклад о Башкирии и башкирском народе пробудил интерес у лидеров Венгерского государственного радио, поэтому в 1929 г. этот доклад был прочитан в одной из радиопередач[43]. О приверженности Тагана к Туранскому обществу свидетельствует тот факт, что в 1929 г. он вступил в общество «действующим членом»[44], а 12 декабря 1936 г. присутствовал на торжественном праздновании 25-летней годовщины создания общества[45].

По фотографиям, опубликованным в монографии М. Н. Фархшатова, выясняется, что в межвоенный период виднейшие деятели башкирского национального движения несколько раз побывали в Венгрии в гостях у Тагана. Так, Ахмет-Заки Валиди и Абдулкадир Инан побывали в Венгрии

в 1925 г., а Валиди ещё раз в 1929 г.[46] Точные даты пребывания этих политических деятелей в Венгрии установить не удалось, но, вероятно, Валиди во время своего второго пребывания в Венгрии провел там несколько месяцев. Тем более, он побывал там не просто проездом, а по приглашению Туранского общества, так как 18 октября этого года читал доклад о положении мусульман в России. Организаторами его выступления были Туранское общество и «Союз общественных организаций» (венг. «Társadalmi Egyesületek Szövetsége»), значительная общественная организация, которая охватывала все национальные правые организации ревизионистского толка. Организаторы принимали Валиди как бывшего главу государства, он читал свой доклад в роскошном Музее прикладных искусств. В своём выступлении он указал на двойственное отношение жителей Туркестана к советской власти и подробно излагал суть кризиса в мусульманских обществах под воздействием советской идеологии. Судя по газетным сообщениям, переводчиком Валиди был сам Таган, а кроме многочисленных востоковедов и представителей венгерских правых организаций присутствовал и Абдул Латиф[47]. Следует отметить, что после выступления Валиди в Туранском обществе, 26 ноября 1929 г. на ассамблее организации он был избран почётным членом Туранского общества[48].

Так как Вена, один из европейских центров башкирской эмиграции, находилась очень близко к Будапешту, многие башкиры имели возможность связаться с Таганом. По архивным источникам становится известным, что, благодаря своим общественным связям в Туранском обществе, Тагану удалось содействовать снижению платы за въездную визу в Венгрию для лиц башкирского происхождения, живущих в Вене. Так, например, Келменджану Ибрагимову, студенту башкирского происхождения одного из венских вузов, в 1927 г. отдел паспортов МИД Венгрии вернул сумму, оплаченную им в Вене в консульском отделении венгерского посольства[49]. Так, МИД Венгрии по ходатайству Тагана, поддержанному Туранским обществом, в значительной мере облегчило въезд венских башкир в Венгрию. Кроме этого, Туранское общество содействовало Тагану в расширении культурно-политических связей с разными тюркскими народами, в том числе татарами Польши. В Государственном архиве Венгрии нами был найден документ, из которого выясняется, что общество предлагало Тагану участвовать в международном конгрессе татар[50].

Политические события и политико-общественное переустройство на покинутой родине во многом могут определить и личное чувство эмигранта в чужой среде, и во многом могут повлиять на его представления о своей собственной судьбе в будущем. Известно, что Таган приобрел венгерское гражданство только в 1930 г. До тех пор он несколько раз пытался перебраться в Турцию, где проживало более солидное количество представителей разных тюркоязычных народов (башкир, татар и. т. п.), эмигрировавших из России. В одном из его писем, написанном в 1928 г. бею Ибрагиму Тали, генеральному везиру восточных губерний Турции, он ходатайствовал о поддержке в приобретении турецкого гражданства. В этом письме он ссылался на то, что он в Турции был бы способен прилагать усилия к достижению национальных интересов турецкоязычных народов и своей родины[51]. Из этого письма создается также ощущение, что Таган никогда не отказывался от идеи возвращения на родину. В будущем, в зависимости от политических изменений на земле башкир, ему хотелось содействовать завоеванию национального суверенитета своего народа, поэтому своё пребывание в Венгрии он рассматривал как временный и переходный период в своей жизни, который может быть предпочтительным и полезным для накапливания новых знаний и умений.

Не исключено поэтому, что после того, как турецкие власти отказались от предоставления ему турецкого гражданства, Таган рассматривал своё участие в деятельности Туранского общества не только как одну из возможностей распространения результатов своих исследований на широкую публику, но и как возможную опору для своей общественно-политической активности. (Напомним, что в обществе было немало влиятельных политиков и дипломатов, и правительство оказывало ему постоянную финансовую помощь.) Можно предположить также, что в течение его долгого пребывания в Венгрии политические взгляды Тагана постоянно формировались, но его позиция относительно будущего политического и общественного устройства Башкирии и родственных с башкирами тюркских народов в основном совпадала с представлениями туранистов. Хотя в его научных статьях о Башкирии и башкирском народе есть намёки политического характера, исключительно по этим статьям трудно реконструировать его взгляды на будущее.

В то же время одна из его статей может помочь нам в реконструкции его взглядов по национальному вопросу в СССР. Эта статья была опубликована

в журнале «Мадяр Элет» (венг. «Magyar Élet», русск. «Венгерская жизнь») в трёх частях в первой половине 1942 г.[52] Таким образом, ход мыслей Тагана в определённой мере отражал конкретные обстоятельства, в которых он жил, происходящие в это время боевые действия на Восточном фронте, в которых участвовала и Венгрия, воевавшая на стороне нацистской Германии, захват западных территорий СССР, нерешённость вопроса об исходе войны, соответственно и возможность дальнейшего ослабления политического потенциала СССР. Таган исходил из того, что в Советском Союзе власть угнетает национальные меньшинства, в том числе тюркские народы Крыма, Поволжья и Средней Азии. По его мнению, источником этого угнетения является «великорусский империализм и панславизм», который применял те же самые методы как в условиях царской России, так и при советской власти. Однако поводы для этого угнетения различались, так как царизм угнетал национальности во имя осуществления «великорусской идеи», т. е. в процессе русской колонизации отдельных восточных, сопредельных с русским этносом территорий, тогда как большевизм угнетал их согласно коммунистическим принципам в целях всемирной революции. Большевики ссылались на то, что народы, завоевавшие свою независимость, являются «капиталистическими» формациями. Таган указывал на то, что большевики забрали земли тюркских народов и переселили туда русских. Тактика большевиков во многом содействовала ускорению процесса ассимиляции тюркских народов, так как мусульмане в СССР не должны были переходить в православие, как при царях, потому что в СССР все религии должен был заменить коммунизм, единственное (со своим «пророком» Лениным) приносящее всем членам общества жизненные блага учение. Таган выражал надежду на то, что вопрос о будущем Советского Союза скоро будет поднят на международной арене, и международные факторы, призванные решить этот вопрос, при этом будут учитывать национальные и экономические интересы живущих на территории СССР народов.

Из источников создается впечатление, что Таган попытался добиться от венгерских властей, чтобы они на официальном уровне установили отношения с Валиди. Это можно установить из рукописного личного письма Ласло Берзевици, который был экономическим руководителем отдела общественной охраны Министерства внутренних дел. Письмо датировано 9-ым сентября 1928 г. Адресатом письма, вероятно, был Шандор Кун-Хедервари,

который в это время был первым заместителем министра иностранных дел. К письму приложена усеченная рукописная записка Тагана о Валиди, написанная на венгерском языке. К сожалению, последние страницы записки пропали, а на первых страницах Таган излагает роль Валиди в Гражданской войне. Суть записки Тагана неизвестна. Зато Берзевици, который признаёт, что уже несколько лет лично знает Тагана, пишет, что он сам уговорил его отказаться от своей идеи, изложенной в записке[53]. Значит, в письме есть намёк на то, что в Министерстве внутренних дел самым близким чиновником к Тагану мог быть Берзевици. Есть удивительная деталь в воспоминаниях Ласло Кеси Ковача о Тагане. Он пишет, что после получения Таганом венгерского гражданства, МИД Венгрии специально попросил Тагана, чтобы он воздержался от пропаганды идеи создания «великотюркского государства». По словам Кеси Ковача, Таган принял этот совет[54].

Можно задаваться вопросом о том: почему идея создания государства тюркских народностей на территории Советского Союза не стала официальной позицией МИД Венгрии? Почему она не могла выйти за рамки Туранского общества?

Венгерской историографии известно, что в 1924 г. Венгрия предприняла шаги к установлению дипотношений с Советским Союзом. Хотя в Берлине представители венгерской и советской дипломатии согласились об установлении дипотношенй, в 1925 г. венгерский премьер Иштван Бетлен по соображениям внутренней и внешней политики не поддержал ратификацию венгерским парламентом договора, подписанного с советским правительством. Однако вопрос о дипотношених между двумя странами не был снят окончательно с повестки дня, и Бетлен занимал выжидательную позицию.

В этом вопросе играла не второстепенную роль позиция Турции, которая во второй половине 1920-х и в первой половине 1930-х гг. оказала заметное давление на Венгрию в целях признания ей советского государства[55]. В этот период правительству Венгрии полностью пренебрегать позицией Турции не хотелось, потому что венгерская внешняя политика на балканском направлении сильно опиралась на Турцию, которая относилась нейтрально к послевоенному среднеевропейскому государственному устройству[56]. Отказ от официальной поддержки точки зрения Тагана объясняется прежде всего принятием во внимание позиции Турции по вопросу о советско-венгерских отношениях. Учитывая тогдашние междуна-

родные отношения, открыто поднимать вопрос о расчленении территории СССР, создавая там новую (тюркскую) державу, со стороны венгерской внешней политики было бы неразумным и опасным дипломатическим шагом, о котором не могло быть и речи. Как мы уже выше подчеркнули, значительная часть «туранистов» тоже относилась к этой идее либо осторожно и сдержанно, либо двойственно.

Послесловие

Историки последующих поколений могли бы задавать вопрос о том, являлось ли «ошибкой» вступление Тагана в Туранское общество? Поводом для такого вопроса может служить нереальность и даже иллюзорность представлений туранистов об исторической роли венгерской нации в содействии объединению тюркских народностей Поволжья и Средней Азии. Как утверждают венгерские историки, туранская идеология в период её формирования в культурном смысле могла быть плодотворной, но в политическом смысле весьма бесполезной[57]. Однако, с точки зрения Тагана и тогдашних поколений, и тем более, учитывая свободу действий Тагана, его усилия в Туранском обществе называть «ошибкой» было бы неразумным. С точки зрения Тагана и его венгерских «соратников» в этом обществе, его вступление могло быть желательным, разумным и даже положительным поступком. Это понятно, если исходить из того, что он искал пути распространения своих взглядов и знакомства с единомышленниками. Так как Таган был оторван от своей родины, Туранское общество могло означать для него эффективную опору в расширении связей с башкирской эмиграцией, а также могло являться «душевным» связующим звеном с родиной.

Известно, что в 1944 г. Таган убежал из Венгрии в Германию, где краткое время мог продолжать свою научную карьеру. Он умер в Гамбурге в 1948 г. Известно также, что в годы его эмиграции его жена была казнена, а два его брата были осуждены на каторгу. Судьба его грустная, но вместе с тем в какой-то степени и загадочная. Фигура Галимджана Тагана для нас стала интересной не только из-за своих человеческих качеств и приверженности национальному суверенитету своего народа. В наши дни он мо-

жет служить и примером положительной интеграции иммигранта, сочувствующего принимающей нации. Если мы посмотрим на его фотографии, на нас обычно будет смотреть улыбающийся и гордый человек.

Список сокращений венгерских архивных шифров

1) MOL Magyar Országos Levéltár
(Национальный архив Венгрии)

K 28 Miniszterelnökség Nemzetiségi és kisebbségi osztályának iratai
(Фонд архива Отдела национальных меньшинств при Премьер-министре Венгрии)

K 63 Külügyminisztérium Politikai osztályának iratai
(Фонд архива Политического отдела Министерства иностранных дел Венгрии)

P 1384 Turáni Társaság levéltára
(Фонд архива «Туранского общества»)

2) NMK Néprajzi Múzeum Kézirattára
(Отдел рукописей Музея этнографии Венгрии)

EAD–10/T Personalia
(Коллекция личных документов)

3) OSZKK Országos Széchenyi Könyvtár Kézirattára
(Отдел рукописей Национальной библиотеки Венгрии им. Иштвана Сечени)

Quart. Hung. 3264 Paikert Alajos naplója
(Рукописный дневник Алайоша Паикерта)

Примечания

[1] Фархшатов Марсиль Нуриллович: Галимджан Таган в эмиграции. Биографический очерк. Уфа, «Гилем», 2003.

[2] В официальных российских документах он назван Галимджаном Тагановым. В венгерских источниках современники его зовут Таган Галимджан (венг. «Tagán Galimdzsán», чаще всего «Tagán Galimdsán»), а в письмах турецкого посольства в Будапеште его имя указано как Алимчан (тур. «Alimcan Tagan»). В воспоминаниях башкирских политических лидеров и поздних научных трудах его имя и фамилия чаще всего фигурируют как Галимьян Таган или Галимжан Таган (башк. «Гәлимйән Таган»). См.: Szemkeő Endre: Galimdzsán Tagán az emigrációban. Etnographia, 2004. № 4. 461.

[3] Без перечисления всех научных трудов см. напр.: Таймасов Рустем Сулейменович : Башкиры в антибольшевистском лагере. Между сибирской контрреволюцией и Комучем // Вопросы истории, 2007. № 8. 139–144.

[4] Baráthosi-Balogh Benedek: Baskírok, tatárok. Részben Dr. Tagán Galimdsán cikkei felhasználásával. (Baráthosi Turáni Könyvei XVI.) Szatmárnémeti, 1942. 59–60.

[5] Фархшатов М.Н.: у. с. 19–20.

[6] Keszi Kovács László: Emlékezés Tagán Galimdsánra. Megkésett nekrológ. Néprajzi Hírek, 1998. № 1–4. 88–91.

[7] Baráthosi-Balogh Benedek: y. c. 3–4.

[8] Turán, 1922. № 2. 216.

[9] Записка директора этнографического отдела Национального музея Венгрии Жигмонда Батки о Галимджане Тагане. Будапешт, без даты. (Не ранее 1933 г.). NMK, EAD–10/T, 48. d.

[10] Keszi Kovács László: y. c. 92.

[11] Ibid. 93.

[12] См. сноску № 9. Ласло Кеси Ковач писал о том, что он работал на Министерство иностранных дел, хотя вопросами эмигрантов занималось Министерство внутренних дел. Keszi Kovács László: y. c. 89.

[13] Ibid. 93.

[14] Первые общественно-политические организации, проповедующие необходимость солидарности и взаимной поддержки тюркских народов, возникли на территории Российской и Османской империй в конце XIX в. О зарождении «туранизма» в Венгрии см. подробнее: Farkas Ildikó: A magyar és a török-tatár népek turanizmusa // Világtörténet, 2006. № 3–4. 52–63.

[15] Ablonczy Balázs: „Lándzsahegy", néprokonság, small talk. Turanizmus és keleti gondolat a két világháború közötti magyar külpolitikai gondolkodásban. In: Magyar külpolitikai gondolkodás a 20.

században. A VI. Hungarológiai Kongresszus (Debrecen, 2006. augusztus 22–26.) szimpóziumának anyaga. Szerkesztette: Pritz Pál. Budapest, Magyar Történelmi Társulat, 2006. 87–106.

[16] В конце XVIII–XIX вв. в интеллектуальном сообществе Венгрии шла довольно острая дискуссия по вопросу об этнических и лингвистических корнях венгерского народа, где одна из школ, выступая за тюркское происхождение венгров, отрицала идею их родства с «неблагородными» финно-угорскими народами. Вместе с тем устоявшаяся туранская доктрина в XX в. настаивала на общих корнях венгров, финнов и эстонцев, что и сделало возможным их сотрудничество под знаменами туранизма.

[17] Письмо Дюлы Пекара, председателя Туранского общества, Иштвану Бетлену, премьеру Венгрии. Будапешт, 27 декабря 1925 г. MOL, K 28, 209. cs., 412. t.

[18] Ablonczy Balázs: у. с. 98.

[19] Turán, 1930. № 1–4. Разворот журнала.

[20] Список членов Туранского общества. Будапешт, 1937 г. (Ранее 27 августа 1937 г.) MOL, P 1384, 9. cs., 791/1937. sz.

[21] Ablonczy Balázs: у. с. 93–95.

[22] См. сноску № 20.

[23] Завещание Галимджана Тагана. Будапешт, 27 октября 1944 г. NMI, EAD–10. T., 48. d. Абдул Латиф унаследовал от Тагана часть его личных вещей. Насчет истории ислама в Венгрии следует отметить, что в межвоенный период в Венгрии существовало два направления. Малочисленная община мусульман в Венгрии была разделена не по религиозным, догматическим, а скорее всего по этническим принципам. Мусульмане боснийского и албанского происхождения поддерживали имама Хуссейна Хилми Дурича, а представители тюркских народов и посольство Турции признавали религиозным главой имама Абдула Латифа. Об этом подробнее см. Lederer György: A magyarországi iszlám újabb kori történetéhez. (II. rész) // Keletkutatás, 1989. № 1. 53–72.

[24] О советско–турецких отношениях см. подробнее: Б. М. Поцхверия: Турция между двумя мировыми войнами. Очерк внешней политики. Москва, 1992.

[25] Его биографию подробнее см. Jungerth-Arnóthy Mihály: Moszkvai napló. Szerkesztette: Sipos Péter – Szűcs László. Budapest, 1989. 5–47.

[26] См. сноску № 20.

[27] Письмо Михая Юнгерта-Арноти Дюле Пекару, председателю Туранского общества. Москва, 10 марта 1938 г. MOL, P 1384, 10. cs., 185/1938. sz.

[28] Письмо Михая Юнгерта-Арноти эрцгерцогу Иосифу Францу, покровителю Туранского общества. София, 7 марта 1941 г. MOL, P 1384, 10. cs., 29/1941. sz.

[29] Записка Алайоша Паикерта. Будапешт, 10 апреля 1937 г. OSZKK, Quart. Hung. 3264. 8. köt. 115. fol.

[30] Известно, что согласно Трианонскому мирному договору 1920 г. более двух третей территории Королевства Венгрии было отторгнуто от Венгрии. Самые значительные территории были переданы Чехословакии, Королевству сербов, хорватов и словенцев и Румынии.

[31] Jungerth-Arnóthy Mihály: у. с. 24–25.

[32] Pekár Gyula: Apokalipszis. A Szovjet harca Isten ellen. Pesti Hírlap, 1933. szeptember 17. 6.

[33] A magyar–orosz megegyezés a Képviselőház külügyi bizottsága előtt. Pesti Hírlap, 1934. február 11. 7.

[34] Az 1931. évi július hó 18-ra hirdetett Országgyűlés Képviselőházának naplója. XX. köt. Budapest, 1934. 111–113.

[35] Pekár a szovjet szerződés miatt mondott le a külügyi bizottság elnökségéről. Nemzeti Újság, 1934. április 15. 8.

[36] Baráthosi-Balogh Benedek: у. с. 61.

[37] Turán, 1931. № 1–4. 61.

[38] Перечисление всех научных трудов, которые занимаются этим вопросом, выходит за рамки нашей статьи, поэтому нам бы хотелось лишь ограничиться одной из последних статей по этому вопросу. Тюрколог Иштван Вашари доказал, что по самым ранним лингвистическим данным родство венгерского и башкирского народов нельзя подтвердить. См. Vásáry István: A baskír–magyar késrdés nyelvi vetületei. Nyelvtudományi Közlemények, 1985. № 2. 370–388.

[39] Turán, 1926. № 1–4. 115.

[40] Turán, 1928. № 1–4. 67.

[41] Turán, 1930. № 1–4. 71–72.

[42] Turán, 1941. № 2. 96.

[43] Turán, 1929. № 1–4. 63. Позже, в 1938 г., дирекция радио опять попросила его составить текст доклада о кочевниках Малой Азии. Текст был составлен, и, по-видимому, в полной мере удовлетворил руководство радио, потому что они вместо обещанных ранее 40 пенго предложили ему за текст 60 пенго. Текст был зачитан по радио 29 июня 1938 г. Письмо Дирекции Венгерского государственного радио Тагану. Будапешт, 20 июня 1928 г. NMI, EAD–10/T. 48. d.

[44] Turán, 1929. № 1–4. 63.

[45] Turán, 1936. № 1–4. 16.

[46] Фархшатов М.Н.: у. с. 79.

[47] Baskíria államfője az oroszországi mohamedánok helyzetéről. Magyarság, 1929. október 19. 11.

[48] Turán, 1929. № 1–4. 61. Нам удалось установить, что в 1937 г. Валиди официально ещё считался «почётным членом» общества. См. сноску № 19.

[49] Проект письма Петера Морица, директора Турецкого института Туранского общества Тагану. Будапешт, 5 декабря 1927 г. MOL, P 1384, 7. cs., 1102/1927. sz.

[50] Проект письма Петера Морица, директора Турецкого института Туранского общества Мохамеду-Гаяну Вайсову. Будапешт, 14 декабря 1932 г. MOL, P 1384, 8. cs., 862/1932. sz.

[51] Письмо Тагана бею Ибрахиму Тали. Будапешт, 8 декабря 1928 г. NMK, EAD–10/T. 48. d. Это письмо цитирует и Ласло Кеси Ковач. Keszi Kovács László: у. с. 90.

[52] Tagán Galimdsán: A Szovjet nemzetiségi politikája. (I.) Magyar Élet, 1942. № 3. 4–6. Tagán Galimdsán: A Szovjet nemzetiségi politikája. (II.) Magyar Élet, 1942. № 4. 9–13. Tagán Galimdsán: A Szovjet nemzetiségi politikája. (III.) Magyar Élet, 1942. № 5. 13–14.

[53] Письмо Ласло Берзевици [Шандору Кун-Хедервари]. Будапешт, 9 сентября 1928 г. MOL, K 63, 222. cs., 1928–24/36. t., 4249/1928. sz.

[54] Keszi Kovács László: у. с. 92.

[55] О посредничестве турецкого правительства между СССР и Венгрией подробнее см. Kolontári Attila: A magyar–szovjet viszony alakulása 1925 és 1934 között. In: A Pécsi Tudományegyetem Illyés Gyula Főiskolai Kara Társadalomtudományi Tanszékének Közleményei. 5. köt. Szerk. Kolontári Attila. Szekszárd, 2002. 66–113.

[56] Инициатором сближения Венгрии с Турцией была последняя после подписания Договора о дружбе между Италией и Венгрией в 1927 г. Стремления турецкой дипломатии увенчались успехом, потому что 5 января 1929 г. Венгрия и Турция заключили Договор о нейтралитете, который нанес ущерб позициям Малой Антанты на Балканском полуострове. Об этом подробнее см.: Juhász Gyula: Magyarország külpolitikája 1919–1945. Harmadik kiadás. Budapest, 1988. 114–116.

[57] Ablonczy Balázs: у. с. 106.

Ф.Е. Лукьянов

Шаляпин в Будапеште

По следам одного автографа певца

О пребывании Федора Шаляпина в Будапеште до сих пор было известно крайне мало. Можно сказать, что это была почти неизвестная страница его жизни. Даже в воспоминаниях артиста об этом говорится крайне скупо. Между тем, как выясняется, в 1920-1930-е годы Шаляпин довольно часто гастролировал в венгерской столице, выступал в здешних театрах. Здесь его восторженно принимали, здесь у него было много поклонников таланта. Обо всем об этом помог узнать неизвестный автограф певца, случайно купленный в Венгрии на одном из книжных аукционов…

«Карл Варкони. Товарищам музыкантам великолепного оркестра Городского театра с признательностью, Ф. Шаляпин. 1929. Будапешт».

В переводе с французского так приблизительно звучит автограф-посвящение за подписью Шаляпина на старой потрескавшейся и слегка подретушированной фотографии певца в расцвете его земной славы. На вид ему здесь лет 50-55. Так и есть, в 1929 г. певцу исполнилось 56. До смерти, в 1938 г., оставалось еще почти 10 долгих лет. Городским театром в Будапеште тогда, в 1929 г., назывался Оперный театр им. Эркеля, ныне филиал Венгерского оперного театра. Кто такой Карл Варкони еще предстояло выяснить, но сомнений в подлинности автографа Шаляпина уже не оставалось. В 1929 г. он, в самом деле, гастролировал в Будапеште, выступал на здешней сцене в опере «Дон Кихот» Массне. Все совпадало.

На чужбине

Своеобразная эмиграция Федора Шаляпина началась в 1922 г. и последние 16 лет его жизни прошли на чужбине. Уезжая на зарубежные гастроли сначала в Скандинавию, а потом в Америку, он предполагал, что разлука с родиной будет длительной. Однако, не допускал и мысли об окончательном разрыве, хотя власть оголтелых большевиков, захвативших контроль над Россией, нравилась ему все меньше и меньше. Только что закончившаяся Гражданская война, голод, разруха, усиливающиеся репрессии против инакомыслящих, а часто и просто мыслящих – атмосфера 1922 г. В тот же год, буквально через месяц после отъезда Шаляпина, по прямому указанию Ленина ведомство «железного Феликса» вышлет из страны лучшие умы нации.

«Философский пароход» увезет в Европу 160 человек, которых в конце XX века отрезвевшая от марксистского угара Россия признает, как цвет своей национальной мысли, науки и литературы. Философы Иван Ильин, Николай Лосский, отец Сергий Булгаков, Николай Бердяев, Семен Франк, Василий Зенковский, Федор Степун, Борис Вышеславский, ректор Петроградского университета профессор Лев Карсавин, член-корр Российской Академии наук, историк Александр Кизеветтер, социолог Питирим Сорокин, писатели Иван Шмелев, Михаил Осоргин… Всех не перечислишь. Многие сами уедут чуть позже.

А еще через год Горький, живший к тому времени в Германии, напишет в Париж Ходасевичу: «В России Надеждою Крупской […] запрещены для чтения Платон, Кант, Владимир Соловьев, Ницше, Лев Толстой»… Уезжая в 1922 г. на гастроли за границу, Шаляпин, в принципе, не скрывал, что в первую очередь хотел поправить свое материальное положение. К тому времени у певца уже было две семьи, восемь детей, всех надо было кормить и одевать. О политике он при отъезде не говорил, но можно предположить, что сгущающаяся атмосфера травли интеллигенции в стране только ускорила начало его длительных «гастролей»… Для 49-летнего Шаляпина начиналась другая жизнь. Тяжелейшая жизнь артиста-гастролера с постоянными переездами с места на место: Англия, Швеция, Америка, Австралия, Италия.

Первое свидание с Будапештом

В Венгрию на гастроли Шаляпин впервые попал в октябре 1925 г., спустя три года после отъезда из Петрограда. Позади уже были триумфальные гастроли в Лондоне, Берлине, Париже, Нью-Йорке. Вначале Будапешт встретил русского певца несколько настороженно, если не сказать больше. Все-таки, он приехал из России, да еще из большевистской России. Официальных отношений между Москвой и Будапештом тогда еще не было. Хотя договор об установлении дипотношений между двумя странами и был подписан за год до того – в сентябре 1924 г. в Берлине, но стараниями венгерской крайней оппозиции ратификация документа была сорвана. Это накладывало свой отпечаток на все, что так или иначе было связано с советской Россией.

Нешуточный ажиотаж, однако, сопровождал приезд Шаляпина в Будапешт с самого начала. Вот как описывает происходившее очевидец тех событий журналист Иштван Надь, чьи заметки о первом приезде певца в венгерскую столицу удалось найти в архиве Государственной библиотеке им. Сечени в Будапеште.

«Накануне приезда о нем много говорили. О великом отпрыске мужицком. О Шаляпине. Правильно, не правильно. Не важно. Важно то, что происходило вчера вечером. Во вторник, 13 октября 1925 г. часов в восемь вечера имело смысл посмотреть на то, что творилось на проспекте Ракоци. Машина на машине. Они не могут пробиться к Городскому театру. На тротуаре толпы пешеходов. В одной машине три дамы. Рядом с шофером – белый стул. Везут в театр в качестве дополнительного сиденья. Вокруг театра толпа. У входа в театр людская стена. Будапешт тронулся. Его сердце забилось…В самом театре зрелище презабавное. На сцене вавилонское столпотворение. В зале, забитом до отказа, смокинги, вечерние платья. Рядом со мной какой-то врангелевский офицер, чуть поодаль высокая дама в белом платье. Русская княгиня. В правом крыле премьер-министр Иштван Бетлен, министр внутренних дел Раковский, начальник полиции Надошши… Все ждут, что же может «этот Шаляпин»…

Судя по всему, для «разогрева» аудитории, как сейчас бы сказали, устроители концерта перед выступлением самого Шаляпина устроили вы-

ступление певицы Альбертины Феррари. Но вот ее номер закончен. Все взоры устремлены к гримерным, где готовится к выходу Шаляпин. Наконец, дверь открывается. Выходит сам Шаляпин. Чуть не задев головой притолоку двери, твердой походкой он направляется к сцене через какой-то проход. Его останавливают, – не туда, сюда, пожалуйста. Он поправляет что-то на своем фраке, поднимает высоко голову… – Ну, … и в зале уже звучат аплодисменты».

По словам И.Надя, первые номера выступления Шаляпина на сцене Городского театра приняла весьма прохладно. – «Ради исторической правды», – пишет И.Надь, – «надо сказать, что первые два номера – ария Чайковского и баллада Глинки – прошли провально. В зале сидели шотландцы. Я видел их лица. Они кивали друг на друга. Что это? Где великий певец? Офицер-врангелевец: «Я двадцать лет назад слушал его в Петербурге. Боже мой. Какое тогда было впечатление! Конечно,- заключает очевидец,- Шаляпина ждала враждебная атмосфера. Но вот за первыми номерами последовали другие… И что же? Можно было видеть и чувствовать, как с каждым номером этот большой, широкоплечий человек захватывает публику все больше и больше. Как мешок. Двумя руками. Поднимает выше и выше, играет с ней и … бросает, как мешок (здесь явный намек на то, что когда-то Шаляпин работал грузчиком, разгружая баржи с мешками – прим. автора)…После «Бурлаков» в зале уже все стоят… Публика в смокингах неистово аплодирует. Шаляпин, Шаляпин. С этой минуты в театре был только один человек. Шаляпин. И все остальные две тысячи четыреста человек были его, Шаляпина. Рукоплещет партер, рукоплещет ложа. Премьер Бетлен никак не может остановиться аплодировать…

Что творилось в зале после первого акта со слов очевидцев можно описывать долго. Толпа ринулась к гримерной просить автографы. Певец, обливаясь потом у зеркала, не успевает надписывать свое имя на программке и просто листках бумаги. Публика врывается в комнату артиста. Шаляпин бросает ручку на стол, взмахивает руками и что-то кричит. Насколько у присутствующих хватает знаний русского, это отборный мат. – Еще один автограф и я больше петь не буду,- ставит ультиматум «мужицкий сын». Появляется полицейский кордон. После концерта публика долго не расходится. Все хотят слушать еще и еще. Цвет

Будапешта в экстазе рукоплещет русскому певцу. Такого еще не было. Кто-то спрашивает – почему бы не выступить Шаляпину в будапештской Опере?

Говорят, директору оперного театра Гезе Шебештьену с самого начала предлагали, чтобы русский бас по приезде в венгерскую столицу выступил в опере «Фауст», на что директор взмолился: «Где же я найду ему такую Маргариту, которой бы он остался доволен, как можно удовлетворить такого дьявола? Пускай выступает один и сам за все отвечает». Красноречивое, надо заметить, признание. Показательно и то, что один известный местный певец после шаляпинского триумфа в Городском театре заявил коллегам: «господа, нам пора в извозчики». В конце выступления, как вспоминает Иштван Надь, к Шаляпину на сцене подошел простой казак из эмигрантов и что-то ему сказал. Было видно, что после этого у обоих в глазах стояли слезы. Можно предположить, что казак-эмигрант представлял весьма известный казачий хор Сержа Яроффа (Ярова), прописавшийся к тому времени в Будапеште. История получит продолжение. Спустя некоторое время Шаляпин пригласил хор в Лондон на совместные гастроли.

Конечно, это был триумф. Шаляпин покорил Будапешт с первого раза. Местной публике надолго запомнилось не только его первое выступление, но и баснословный по тем временам гонорар в 3500 долларов или 250 миллионов венгерских корон. В переводе на сегодняшние деньги это должно быть где-то тысяч семьдесят долларов. Местные газеты потом несколько дней обсуждали сумму шаляпинского гонорара. Одна из них писала в таком духе: в то время как в стране сотни тысяч безработных, а люди выбрасываются из окон, как листья падают с деревьев, наши любители искусства платят певцу из России сумасшедшие гонорары. Впрочем, признавал автор заметки, шаляпинское искусство стоит этих денег…

После всего этого неудивительно, что следующего свидания с певцом Будапешт ждал недолго. Уже через полтора года, в мае 1927 г., Шаляпин выступит на местной сцене в своей знаменитой и любимой роли Мефистофеля в «Фаусте» Гуно.

Венгерский Мефистофель

Поздним вечером в среду 11 мая 1927 г. на будапештском вокзале Нюгати (Западный вокзал) творилось что-то невообразимое. Нечто такое, чему это творение знаменитого француза Эйфеля еще не было свидетелем за всю свою историю. Прибывший из Парижа состав «Восточного экспресса» облепила огромная толпа, в которой выделялось большое количество донских казаков. Из-за огромного стечения народа задерживалось отправление скорого поезда в Вену. Встречали Шаляпина. На этот раз певец приехал в Будапешт с женой-блондинкой. На следующий день практически все центральные венгерские газеты выйдут с заголовками: «Шаляпин снова в Будапеште», «Шаляпин приехал с женой»...

Встреча на вокзале вылилась для Шаляпина в братание с соотечественниками – донскими казаками, представителями русской эмиграции, которых судьба еще раньше, чем певца, забросила на чужбину. На вопрос – надолго ли в Будапешт? – ответ: до воскресенья. Дольше нельзя. В Вене готовится постановка «Бориса Годунова» и нужно много репетировать. – Что думает о встрече с соотечественниками? – Я очень счастлив их видеть, они для меня – Россия, я рад, что Пешт их полюбил…

Первое будапештское выступление Шаляпина в роли Мефистофеля состоялось в том же Городском театре 14 мая 1927 г. Накануне, 12 мая, там, как всегда, с успехом выступил казачий хор Яроффа. Не сомневаюсь, что маэстро был на их концерте, наверняка, выкроив вечер среди своих репетиций. Всего же Федор Иванович, как сообщили мне в венгерском оперном архиве, четыре раза пел Мефистофеля в Будапеште. Дважды в 1927 г. (май, ноябрь), один раз в 1928 г. (декабрь) и последний раз в декабре 1934 г. Однако, его первое выступление в «Фаусте», пожалуй, больше всего запомнилось будапештцам.

Вот как писала критика о первом явлении венгерского Мефистофеля Шаляпина. Шаляпин создал такую иллюзию, какую в Будапеште еще никто не видел. Он играл не Мефисто Гете, не философствующего сатану, а скорее романтического черта Гуно, искусителя из ада….Он всех заворожил своим голосом, очаровал своими жестами, потряс своей мимикой. Одно его появление было незабываемым впечатлением. Он был универса-

лен. Необычайное богатство его образа может оценить только тот, кто его видел... Его потрясающее исполнительское искусство, чудесная палитра голоса завораживает, а актерское искусство затмевает мастерство драматических актеров... Это самое большое, чего может добиться артист... (газета «Пешти напло»)

Атмосфера того вечера в опере напоминала ту, что была в первый приезд артиста в Будапешт в 1925 г. Те же пробки на улицах, переполненный зал Городского театра, море цветов, которые артист с поцелуем разбрасывал зрителям в первые ряды партера. Впечатление, по общему мнению, незабываемое. Весь вечер театр содрогался от аплодисментов.

Вообще, листая газеты тех дней, создается такое впечатление, что май 1927 г. стал этаким месячником культуры, как сегодня говорят, национальной России в Венгрии. Концерты русского казачьего хора, триумфальный дебют венгерского Мефистофеля Шаляпина, постановка спектакля «Россия» по пьесе Альфреда Ноймана Венгерском Театре, действие которого происходит во времена Павла 1, газеты обсуждают выход книги бывшего депутата Госдумы Василия Шульгина «Дни» о последних днях монархии. Не успел Шаляпин отыграть «Фауста» и уехать в Вену, как Будапешт принимает на самом высоком уровне генерала Петра Врангеля. Друг русского генерала, заместитель председателя венгерского Госсобрания Карой Хусар только что выпустил книгу «Пылающая Россия», а бывший главком Белой армии помогал в ее написании. Тут же газеты сообщают из Москвы о совещании командного состава Красной Армии, на котором с докладом выступил Ворошилов. Война будущего, заявлял в 1927 г. советский военачальник, – будет войной машин, а советская армия находится в самой лучшей форме.

Одинокий «Дон-Кихот»

Будапештские гастроли Шаляпина в следующем, 1928 г. совпали с авторским вечером русской знаменитости, который местные поклонники устроили в Городском театре 14 декабря, под самое Рождество. Десятого числа, как всегда – с аншлагом, состоялось очередное представление «Фауста», а через четыре дня там же, в театре, прошел авторский вечер

«короля певцов». К тому времени местная пресса иначе его уже и не именовала. На этот раз первый бас планеты покорил даже сердца тех, у кого еще оставалось какое-либо предубеждение в отношении русского певца. Это был настоящий апофеоз его таланта. Вот что писала самая влиятельная в то время венгерская газета «Пешти напло»: «*Если Шаляпин поет, то нет ни сцены, ни подиума, ни программы, нет концерта, а есть только сама Жизнь. Он поражает своей естественностью и абсолютным реализмом, которые мы находим у его великого соотечественника Толстого или у русского крестьянства. После его арии Лепорелло вряд ли кто еще так выразит гений Моцарта... Он гениален везде, но конгениален в тех вещах, которые ему родные – откуда сама душа Шаляпина, из жизни русской земли, что лучше всего проявилось в музыке Мусоргского. Здесь Шаляпин на равных с композитором творит шедевры... Кто слышал его «Блоху», тот понимает – о чем идет речь... Как известно, «Блоху» и сам Шаляпин любил больше всего в своем репертуаре, считая ее своим главным шедевром и каждый раз вкладывая в ее исполнение всю свою душу. Но кто мог предположить, что эта самая «блоха» наделает столько шума в далекой Венгрии? Казалось, что свой будапештский успех 1928 г. певцу уже трудно будет повторить или превзойти. Но все еще было впереди.*

На следующий год он вновь приезжает в Будапешт, но приезжает уже не один, а с целой командой солистов парижской оперы, которые поставят в Городском театре одну из любимейших опер русского певца «Дон Кихот» – а Масснэ. В свое время она была написана автором специально для Шаляпина и оттого еще была так ему дорога. Сценарий будапештских гастролей 1929 г. практически повторил предыдущий с той лишь разницей, что творческий вечер артиста состоялся раньше премьеры оперы и на этот раз прошел не в театре, а впервые в элитном и помпезном концертном зале «Вигадо» на набережной Дуная. Именно здесь в свое время выступали Брамс, Лист и другие первые величины музыкального мира. Концерт состоялся 25 ноября. В репертуаре, как значится в программке, в основном были арии из русских опер. «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Садко», Чайковский, Рубинштейн. Очевидно, и сам Шаляпин и устроители концерта хотели сделать своеобразный «русский вечер». Риск, конечно, был немалый, ибо будапештская публика к тому времени, мягко скажем, не была избалована произведениями

русских композиторов. Тем ценнее тот прием, который получил певец, а с ним и русская музыка в этот раз.

Публика слушала пение, затаив дыхание, – писали на следующий день газеты. – Что пел Шаляпин? Разве это имеет значение? Все произведения для него то же самое, что почва для растения: оно высасывает питательные вещества и усваивает их на свой манер. Кто думает о почве, глядя на красивое дерево? Он мог бы петь, что угодно. Учиться у Шаляпина – это все равно, что учиться пению у грохочущего дождя, ибо Шаляпин настолько гениален, что напоминает явление природы...Такого уровня искусством могут наслаждаться немногие избранные...

Через четыре дня после концерта в «Вигадо» будапештский зритель, наконец, увидел «гвоздь» сезона 1929 г.: 29 ноября в Городском театре состоялась премьера «Дон Кихота» с «королем певцов» в главной роли. На роли Санчо и Дульсинеи Шаляпин пригласил солистов парижской оперы М.Чэндвика и Луизу Дюбуа. Театральный и музыкальный обозреватель «Пешти напло» Аладар Тот, судя по всему, человек тонкого вкуса и широкой культуры, видел все выступления Шаляпина в Будапеште и потому мог сравнивать свои впечатления. На следующий день после премьеры «Дон Кихота» у себя в газете он написал такой отзыв: «*Кто не видел вчерашнее выступление Шаляпина, не может представить – какая чудовищная поглощающая сила живет в этом русском чудо-человеке*». Это означает, что в роли Дон-Кихота Шаляпин все-таки превзошел все свои предыдущие будапештские выступления. Для полноты картины стоит процитировать Тота пошире. «*Ни довольно скучная музыка Масснэ, ни средней руки либретто не помешали Шаляпину достичь поистине сервантовских глубин и над всеми этими безднами парил скорее дух Достоевского, а не Сервантеса. Когда Дон-Кихот Шаляпина попадает в светское окружение Дульсинеи, превращенной либретто в куртизанку, то на ум скорее приходит образ князя Мышкина. А когда он начинает проповедовать разбойникам идеи своей жизни, то за ним мы видим тень Степана Трофимовича. А перед тем, как умереть, не таков ли он, как Алеша Карамазов, когда целует землю? Только человек, любящий жизнь во всей ее полноте, мог показать с такой непревзойденной силой холодное дыхание смерти в последнем акте «Дон-Кихота»*...Здесь целый народ, здесь воплощение души русской олицетворяет гений Сервантеса, стоящий над временами и народами. Поста-

новка «Дон-Кихота» в Городском театре, – заключает критик, – выполнила большую культурную миссию, она позволила близко познакомиться, не с Масснэ, боже упаси, а с гением Шаляпина».

Как водится, публика – министры, банкиры, предприниматели и высшая аристократия – и на этот раз «завелась» не сразу, «загоревшись» уже после третьего акта, но зато после этого овации перешли в экстаз. Сам же виновник массового экстаза в антракте сидел в гримерной, что-то напевая и рисуя. По просьбе художника Ене Фейкса, рисовавшего портрет певца, Шаляпин сам взял в руки карандаш и четкими штрихами нарисовал лик Дон-Кихота. По воспоминаниям режиссера спектакля Виктора Долники, «король певцов», которому на следующий день после премьеры предстояла дальняя дорога в Швейцарию, а потом в Испанию, и на репетициях и на самом спектакле был как большой ребенок, одно сердце. Это было предпоследнее выступление певца в Венгрии. С 1930 г. Шаляпин стал выступать в труппе «Русской оперы» и времени на сольные гастроли оставалось все меньше и меньше.

Не все в среде русской эмиграции одобряли эти гастроли. Тот же Иван Ильин, близко знавший и очень любивший первого Народного Артиста, в своей работе «*О национальном призвании России» жаловался, что не узнает «былое детище русской художественной культуры и русского утонченного вкуса*» Однако, при всех нюансах, вряд ли можно отрицать тот факт, что своими гастролями по миру в те годы, и в Венгрии в частности, Шаляпин, независимо от их коммерческой составляющей, а порой и собственных желаний певца, исполнил незаменимую никем миссию посла русской культуры в самые тяжелое для своей страны время. Он до конца остался верен исторической России, так и не приняв иностранного подданства, остался гражданином своей родины, хотя и был лишен советскими властями звания народного артиста.

Последнее выступление в Будапеште посла русской культуры, величайшего певца всех времен и народов, состоялось 14 декабря 1934 г. все в том же «Фаусте». Больше он в Венгрию не приезжал. Но было еще одно, самое последнее свидание с венгерской публикой и поклонниками. Заочное. По просьбе редакции все той же «Пешти напло» на Рождество 1936 г. Шаляпин написал для газеты статью-исповедь «Самое большое счастье жизни». Не уверен, что эта статья когда-либо переводилась на русский язык

и была вообще опубликована где-нибудь еще, кроме Венгрии. Вот что он писал: «*Какое неописуемое счастье петь. Я забываю прошлое, настоящее и будущее, когда пою, я забываю все, я не вижу перед собой никого, меня ведет лишь желание своим голосом выразить все те чувства, которые невыразимы словом или жестом. Пение для меня – мировоззрение, в зеркале моего искусства я вижу весь мир. Пение больше, чем искусство. Пение – такая власть, которая поднимает человека в небеса*».

Через год с небольшим Шаляпина не стало. Он умер в Париже 12 апреля 1938 г. Ему было всего 65.

P.S. Увы, несмотря на все попытки, нам так и не удалось узнать – кто же такой был Карой Варкони, которому Шаляпин адресовал свой автограф в 1929 г. Скорее всего – это кто-то из музыкантов оркестра Городского театра, исполнявшего музыку «Дон-Кихота». Не будь этого автографа, не исключено, что венгерские страницы жизни русского гения так и оставались бы лишь достоянием пыльных архивов.

Ф.Е. Лукьянов

Будапештский концерт Сергея Рахманинова

Единственный «послеэмиграционный» концерт в Будапеште величайшего русского композитора и пианиста XX века Сергея Рахманинова в самом конце ноября 1928 г. практически совпал с триумфальными гастролями в венгерской столице его ближайшего друга Федора Шаляпина. Судя по всему, совпадение было не случайным. К тому времени, начиная с 1925 г., Шаляпин уже трижды с огромным успехом выступил на будапештской сцене. Здесь у него уже появились знакомые и поклонники. Поэтому логично предположить, что будапештский концерт Рахманинова состоялся не без помощи давнего друга Шаляпина.

Моя судьба – судьба изгнанника...

В ноябре 1928 г. Сергей Рахманинов приехал в Будапешт всего на один день. Венский экспресс с русским композитором, прибыл на будапештский вокзал Нюгати в четыре часа по полудни 29 ноября 1928 г. Позади были выступления в Праге и Вене. Это европейское концертное турне Сергея Васильевича было первое с начала эмиграции из России в конце 1917 г. Вынужденный трагический разрыв с родиной не прошел даром. Творческий кризис затянулся почти на долгих десять лет. Лишь в 1926 г. Рахманинов нашел в себе силы продолжить творческую работу. В тот год был закончен Четвертый концерт для фортепиано с оркестром, начатый еще в 1914 г., и Три русских песни для оркестра и хора. Это все, что было написано с 1917 г. Еще через два года, в 1928 г., пришли силы давать концерты в Европе, куда до этого он приезжал в основном отдыхать или по делам Русской консерватории в Париже, действовавшей с 1924 г.

Не испытывая никаких иллюзий относительно большевистского переворота в октябре 1917 г., как впрочем и в отношении Февральской революции, их катастрофических последствий для национальной России, Рахманинов уехал из охваченной революционным безумием страны одним из первых, еще до начала братоубийственной Гражданской войны. Сначала гастроли в Швеции, затем США, куда он приезжал с гастролями еще в далеком 1909 г. Америка станет для Рахманинова вторым домом и последним пристанищем. Он умрет в Беверли-хилз в марте 1943 г. и будет похоронен под Нью-Йорком. А до этого, после начала Отечественной, станет давать благотворительные концерты, сборы от которых пойдут в пользу Красной армии. Но все это будет намного позже. Со своим лучшим другом Шаляпиным, с которым судьба впервые свела в далеком 1897 г. и разлучила в 1917 г., он увидится лишь через шесть лет, только в 1923 г. Уехав из «большевистского рая» в 1922 г., Шаляпин, как только обустроился в Париже, поехал в Америку, к Рахманинову. По воспоминаниям Елены Константиновны Сомовой, секретаря композитора, их первая встреча на чужбине, на даче Рахманинова в Нью-Джерси, осталась незабываемой. Вот что она пишет. «*Во втором часу ночи гости стали собираться домой. Шаляпин возмущенно остановил нас: Куда это вы? Я только что стал расходиться. Подождите, мы с Сережей вам покажем! Сергей Васильевич сел за рояль, а Федор Иванович стал петь; пел много – пел песни крестьянские, песни мастеровых, цыганские и под конец по просьбе Сергея Васильевича спел «Очи черные». Разошлись мы на рассвете, а утром, когда все гости еще спали, я вышла в сад и увидела гуляющего по саду Сергея Васильевича. Несмотря на бессонную ночь лицо у него было свежее, совсем молодое. Как Федя меня вчера утешил! – сказал он мне. – Мне теперь хватит этого воспоминания по крайней мере на двадцать лет…*».

В ту первую после эмиграции встречу два друга говорили о многом. Вспоминали последние перед Катастрофой годы, последнее относительно спокойное лето 1916 г., которое вместе проводили в Ессентуках. Старый знакомый Шаляпина музыкальный критик В.Корганов потом вспоминал: «*Здесь, в Ессентуках Рахманинов хандрил и только присутствие Шаляпина оживляло его. За столом он не отрывал глаз от певца; он, видимо, испытывал эстетическое наслаждение, лицезрея и слушая знаменитого актера, его интонации, его мимику, он улыбался, хохотал до слез, слушая его*

шутки и анекдоты»... Тогда же, осенью 1916 г., в Крыму Шаляпин вместе с Горьким работал над своей книгой «Страницы из моей жизни»...

Как давно это было и где теперь они все? Шаляпин в Париже, Горький в Италии, Рахманинов в Америке. В любимой стране хозяйничают большевики: все эти непонятно откуда взявшиеся Троцкие, Сталины, Каменевы, Зиновьевы, Радеки... Отныне встречи Шаляпина и Рахманинова по обе стороны Атлантики станут частыми, насколько позволяли сначала гастроли певца, а потом и концертные турне композитора. Еще раз повторю: уверен, что и выбор Будапешта для первого европейского турне Рахманинова явно случился не без влияния Шаляпина, который к тому времени уже протоптал сюда «тропинку» и встретил здесь незабываемый прием. Ведь не поехал Рахманинов в тот же Берлин, где русская эмиграция была количественно несравнимо большей, а поехал в Будапешт, где через неделю после его концерта должны были пройти очередные гастроли Шаляпина.

С ЦАРСКИМ ПАСПОРТОМ НЕ РАССТАВАЯСЬ

В тот же день, в половине восьмого вечера 29 ноября 1928 г., Рахманинов уже давал свой сольный концерт в будапештской Консерватории. В программе Бах, Лист, много Шопена, целый цикл своих произведений. Исполнение собственных вещей произвело на будапештскую публику, среди которой, естественно, было и много русских эмигрантов, особенно сильное впечатление. Как писала на следующий день газета «Мадьяр хирлап», «*...несмотря на довольно сухую манеру исполнения Рахманинова выступление увенчали длительные и громкие овации. «Наш поклон Сергею Рахманинову, – заключала газета, – наш поклон русскому гению*».

А еще через три часа поезд увозил одного из «знаковых» композиторов XX века в Париж, где ему предстояло дать последнее выступление в рамках этого турне перед отъездом на «вторую родину» в Америку. Надо сказать, информация об этом будапештском концерте Рахманинова «всплыла» совершенно неожиданно во время нашей работы в архивах над материалом о венгерских гастролях Шаляпина. Насколько известно,

Сергей Васильевич всегда сторонился журналистов, очень редко давал интервью и поэтому довольно пространная беседа с ним, опубликованная на следующий после концерта день в ведущей венгерской газете «Пешти напло», может считаться большой удачей для исследователя. Тем более, если учесть, что широкой публике о пребывании Рахманинова в Венгрии до сих пор практически ничего не было известно. К тому же не забудем, что на этот раз композитор пробыл в Будапеште всего несколько часов. Говорю – на этот раз, ибо, как выяснилось из рассказа самого Рахманинова, в венгерской столице он до этого уже бывал. В далеком 1910-м. Но это были другие времена. На этот раз 58-летний композитор показался своему собеседнику из газеты уставшим и надломленным. Вот как он описывает их встречу:

«Рахманинов, несмотря на все свое богатство, приобретенное в Америке, был одет просто, почти бедно. На нем был потертый и поношенный серый костюм. Он напоминал ученого, только что вставшего из-за стола...»

Надо заметить, что Рахманинов всегда одевался очень скромно. По этому поводу даже ходили байки. Рассказывают, что когда композитор только приехал в Америку, какой-то журналист-папарацци, как сейчас бы сказали, спросил у него – почему он так скромно одевается? – Какая разница, меня ведь здесь все равно никто не знает,- ответил композитор. Через несколько лет, когда Рахманинов уже стал известен в США, тот же журналист как-то повторил свой вопрос. – Какая разница, меня ведь и так все знают, – парировал Сергей Васильевич.

Что касается надломленности и усталости, то здесь журналист «Пешти напло» верно уловил настроение своего собеседника, да и сам Рахманинов его не скрывал. Эмиграция, ностальгия по родине и недавняя семейная драма – незадолго до гастролей в свадебном путешествии неожиданно умер муж одной из двух дочерей композитора – князь Волконский – оптимизма и веселья не добавляли.

«В Волконском я потерял не только зятя, но и верного и преданного друга» – негромко произнес Рахманинов. «Турне тоже утомляет. Я бы с удовольствием провел несколько дней в Будапеште, но нужно бежать. Это моя судьба, судьба изгнанника своей родины: бродить по миру, бежать и работать...»

Как пишет дальше автор беседы, композитор неохотно говорил о своей эмиграции из России, с неприязнью вспоминал режим большевиков, который теперь зовет обратно в страну, обещая простить все эмигрантские «прегрешения.

«Нет, домой я не поеду. Россия теперь – не мой дом» – побледнев говорит Рахманинов.- «Когда-нибудь я опять буду выступать в Москве, но тогда там уже не будет большевиков...».

Что еще отмечает журналист «Пешти напло», так это постоянно повторяемая приверженность композитора к национальной России. Не желая брать иностранное подданство, Рахманинов и спустя 10 лет после эмиграции разъезжал по миру с царским заграничным паспортом, с которым он путешествовал по Европе еще в 1910-м, когда первый раз попал в Будапешт. Паспорт к тому времени основательно пообтрепался, обложка уже отваливалась. Американцы вклеили в него специальный купон и это подтверждало действительность царского паспорта несуществующей царской России.

«Я – русский человек, русский гражданин» – не раз повторяет в ходе беседы Рахманинов,- «я и сегодня езжу по миру с русским паспортом».

Царский русский паспорт, с которым композитор долго не расставался в эмиграции, видимо, означал для Рахманинова слишком много и прежде всего неразрывную связь с той Россией, которая к тому времени уже была потерянной для многих миллионов русских.

«А ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ В БУДАПЕШТЕ ЦЫГАНЕ?»

Один вопрос Рахманинова, судя по всему, основательно поразил его собеседника из газеты. Есть ли еще в Будапеште цыгане? При чем тут цыгане? Композитор из загадочной России пояснил. В свой прошлый приезд в Будапешт в 1910 г. 37-летний Рахманинов, кстати, уже написавший к тому времени свою сюиту Венгерские танцы, как выяснилось, часами просиживал в местных ресторанах, слушая и изучая цыганскую музыку. «*Через некоторое время,* – признался Сергей Васильевич, – *я уже мог различать – когда цыгане играли настоящие народные мелодии, а когда – лишь подражания. Впрочем, это было нетрудно, ибо у венгер-*

ских народных мелодий своя характерная красота. Я бы хотел поближе изучить музыку венгерского народа, но вы видите, времени нет совсем. Как только закончится концерт, я уже мчусь на вокзал и еду дальше. Такая моя жизнь...»

Кто знает, задержись тогда Рахманинов в Будапеште на пару-тройку дней, быть может, мировая музыкальная культура со временем обогатилась бы еще одним шедевром по мотивам венгерских мелодий. Увы. Будапештский концерт Рахманинова 29 ноября 1928 г. стал вторым и последним свиданием композитора с венгерской столицей. Вскоре пошатнувшееся здоровье композитора и блестящего исполнителя заставит отказаться от тяжелых гастрольных турне. Времени вернуться к венгерской музыке у него, к сожалению, уже не будет.

Эржебет Шиллер

Между двумя мировыми войнами: русская эмигрантская литература глазами венгров

Никакой культурной, тем более литературной жизни у русской эмиграции в Венгрии не было. Как не было ни единого писателя или поэта среди здешних русских эмигрантов, не говоря уже о газете или журнале. И это в то время, когда в большинстве крупных европейских городов выходило хотя бы одно-два периодических издания, а в крупных культурных центрах до дюжины! На то, разумеется, были свои исторические и политические причины.

Историческими, а точнее, историко-литературными обстоятельствами объясняются и представления венгерских писателей и читающей публики о русской литературе: то как она присутствовала в сознании общества. Как и повсюду в Европе конца XIX – рубежа XX веков, в Венгрии тоже была мода на русскую литературу. Отдадим должное и явлениям более ранним: интересу Яноша Араня к гоголевской «Шинели» или же «Евгению Онегину» в великолепном переводе Кароя Берци, сильно повлиявшему на всю венгерскую литературу последней трети XIX века. Особенно популярны на рубеже веков были Достоевский и Толстой, ну и Тургенев, а позднее Чехов, конечно. По одному указателю имен в вышедшем под названием «Гении» уже после смерти крупного писателя Д. Костолани (1936) сборнике его статей о зарубежных авторах можно судить о «русских предпочтениях» венгерской читающей публики в XX веке: Пушкин (статья 1935 г.), Тургенев (1927), Достоевский (1921), Толстой (1908, 1910, 1928, 1929), Чехов (1922), Леонид Андреев (1918), Горький (1924); недостает разве что Мережковского, но, зная вкусы Костолани – это неслучайно. Тяга к мистицизму, пренебрегающая психологическим обоснованием мистификация истории – всё это было ему чуждо.

Переводили и других, но полузабытый сегодня Мережковский был в свое время очень знаменит; многие были знакомы и с творчеством Аркадия Аверченко. Переводили почти без исключения с немецкого; знающих русский язык переводчиков было ничтожно мало. (Что безусловно служило источником трудностей и недоразумений. И тем не менее переведённый при посредничестве немецкого языка Чехов в переводе Костолани и Арпада Тота остается непревзойдённым по сей день).

И хотя в период между двумя войнами с оригинала переводят всё чаще, а пишут о русской литературе подготовленные, хорошо знающие язык литераторы, посредническая роль Запада по-прежнему остается в силе. (Явление, хорошо известное и в наши дни, когда всё давно уже переводится с оригинала, но внимание переводчиков и читателей к той или иной современной написанной по-русски вещи чаще всего предопределяется её успехом за рубежом).

Между двумя войнами упоминания о литературе русской эмиграции появляются в венгерской прессе в самой различной связи. В газетах – по случаю; тут в фокусе внимания находились личность и конкретное событие: выход в свет той или иной книги, театральная постановка, интервью по какому-либо поводу, а иногда смерть писателя. Писали о русской литературе в манере, отработанной ещё в восьмидесятые годы минувшего века. Вот, к примеру, отрывок из некролога на Чехова в «*Vasárnapi Ujság*» («Воскресной газете»): «Тремя столпами сегодняшней русской литературы были Толстой, Горький и Чехов; и пусть голос, мироощущение каждого из них неповторимы, все трое столь истинно русские, что каждая их строка исполнена тоски и печали бескрайних русских равнин, и на каждой – отпечаток ребяческой, склонной к крайностям мысли и естественного чувства русского человека»[1]. Писавшие и позже в этом ключе непременно сопоставляли – сравнительно скупо очерчиваемые ими – явления современной советской русской литературы с картиной литературного процесса XIX века, как они её себе, конечно, представляли.

В двадцатые годы выходят даже работы венгерских авторов по истории русской литературы, так или иначе касающиеся творчества эмигрантских писателей, сообщения о них появляются время от времени и в литературной периодике; речь тут чаще всего шла об отдельных писателях, которые жили в изгнании, об эмиграции как о сообществе писали крайне

редко, от силы в двух-трёх более серьёзных обзорах. До середины двадцатых годов русскую литературу (включая советскую) воспринимали как нечто целое, даже и Горький не выступал в качестве феномена, обособляющего советскую литературу. Позднее, с растущей самоизоляцией СССР, с вынужденным ограничением передвижения писателей, оставшихся на родине, и на рецепции литературных явлений, и отчасти уже на выборе книги для перевода сильно сказываются политические предпочтения.

Из современников в прессе больше всего говорят и пишут о Горьком, популярность которого в Венгрии (и всей Европе) ведет начало ещё от рубежа веков. Показательно, что ни критика, ни публика не открыли для себя со времен войны ни одного нового имени. Горького, разумеется, нельзя считать писателем-эмигрантом в сегодняшней трактовке этого понятия. Даже живя в Италии, официально он не был беженцем, режиму не противостоял, вещи его могли издаваться и издавались в СССР. Да и связи его с русской эмиграцией тоже тесными не назовёшь. Как бы то ни было, то, что писалось о нём, несомненно заслуживает внимания, тем более что, говоря о современной русской литературе, венгерские авторы рассматривали его творчество как своего рода ориентир, с которым соотносили других авторов. В межвоенные годы фигура Горького была равно притягательна в глазах публики как в политической, так и в писательской, творческой своей ипостаси. На Западе он и раньше был известным писателем; считалось, что его произведения в какой-то мере подготовили революцию, что он был сначала другом, а позднее стал противником Ленина и покинул Россию (согласно официальной версии, из-за болезни лёгких). Говорили и о его конфликте со Сталиным, несмотря на который он тем не менее несколько раз посетил родину, прежде чем вернуться окончательно. Все его поездки домой и возвращения на Запад освещались и комментировались венгерской прессой. Возьмём хотя бы несколько газетных заголовков: «*Беседа с Горьким о тайне Ленина*»[2], «*Горький окончательно отворачивается от России*»[3], «*Максим Горький тоже не доверяет Советам*»[4], «*Бегство Горького из России*»[5]. В последней из названных статей берлинский корреспондент «Pesti Napló» («Пештского дневника») утверждает, что на самом деле Горький спасается от цензуры, ибо будь дело в одной лишь болезни лёгких, то ему б и Крым подошёл. Подобно своим западным коллегам, венгерские журналисты неоднократно пытаются разговорить

Горького и даже в Сорренто ради этого приезжают. Костолани тоже едет к нему, с женой и сыном, о чем отчитывается в «Pesti Hírlap» («Пештском вестнике») от 31 августа 1924 г. Свою поездку Костолани обосновывает тем, что «Горький – один из самых интересных людей сегодняшней Европы, в ком воистину воплотилось время», и что живёт он «в загадочном изгнании». Согласно Костолани, их приняли в Сорренто благодаря тому, что его жена оказалась похожа на одну знаменитую итальянскую актрису. Костолани передал Горькому, что «один из наших историков литературы уже написал для него нужный обзор [венгерской литературы], о котором он еще не знает, и который должен выйти в ближайшем номере основанного Горьким берлинского журнала». Костолани имел в виду длинную обстоятельную статью по истории венгерской литературы XX века Аладара Шёпфлина, которая, насколько мне известно, по-русски так и не была опубликована, а вышла в свет в «Нюгате» [6]. Об обстоятельствах возникновения этой работы, как и о прочих международных связях «Нюгата», в своё время много писали, ссылаясь, главным образом, на свидетельство писателя Оскара Геллерта[7].

Знаменитый случай: «Дело Артамоновых» по-венгерски, в «Нюгате», вышло раньше, чем по-русски! Оскар Геллерт, будучи редактором «Нюгата», написал Горькому в Сорренто. С переводом в завязавшейся переписке ему помогал младший брат Хуго Геллерт, переводчик множества произведений, который выучился языку в русском плену, и жену тоже привёз из России[8]. Горький передал им корректуру «Артамоновых», которая вскоре была опубликована. Всё это чистая правда, не забудем, однако, что, хотя речь идёт об общепризнанно и по своим убеждениям *советском* писателе, контактами с ним «Нюгат» был обязан тому, что он жил заграницей. Рукопись прибыла в редакцию не из-за «железного занавеса», а из Сорренто. Горький даже написал для «Нюгата» статью под названием «Призвание писателя и русская литература нашего времени»[9]. Это важная с точки зрения понимания сути эмиграции работа: обстоятельная и при этом (возможно именно в силу особого положения пишущего) на редкость непредвзятая, не задетая политикой. Горький говорит с позиций неделимой русской литературы, но даёт понять, что это относится к переходному для нее периоду: «Сегодняшнее положение русской литературы как целого очень неопределённое. Самые выдающиеся писатели в эмиграции рассеяны по

Европе, их отравила политика», «едва ли не каждый из самых замечательных и одарённых представителей русской литературы живёт за пределами России». Это Бунин, Куприн, Ремизов, Мережковский. Упоминает Горький и оставшихся на родине, самым талантливым из них он считает Сергеева-Ценского. (По рекомендации Горького в 1928 году «Нюгат» в нескольких номерах печатает с продолжениями главы его эпопеи «Преображение России» в переводе Хуго Геллерта.) Статья Горького высвечивает особенности русской литературной жизни, в том числе и ту (причем именно в связи с Сергеевым-Ценским), которая к концу двадцатых будет изжита: вопрос «*тут*» или «*там*» в середине двадцатых ещё не был столь роковым, как не стоял ребром он и в отношении самого Горького. Вот что пишет Горький о Сергееве-Ценском: «Во время революции он написал несколько замечательных вещей, одна из которых, повесть «Чудо», вышла в Берлине по-русски. Её ещё и в каком-то провинциальном русском городке напечатали, что в наших глазах есть свидетельство поверхностности цензуры, ибо с ее точки зрения вещь явно контрреволюционная». Горький называет определяющих лицо советской литературы художников, тех, кого мы и по сей день считаем значительными авторами (за исключением, пожалуй, самого Сергеева-Ценского); некоторые из них эмигрировали позднее (например, Ходасевич), иные вынуждены были умолкнуть (Зощенко); в перечень вошли такие имена как Леонид Леонов, Булгаков, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Андрей Белый, но в то же время Маяковский и его круг, представители авангарда, акмеисты, Пастернак не оказались в списке имен.

Самый знаменитый эмигрантский автор – Дмитрий Мережковский. Его положение сходно с горьковским: множество его произведений были переведены на венгерский еще до первой мировой войны, и своей неувядающей и в межвоенные годы популярностью он был обязан прежде всего давним сочинениям. Успех Мережковского был, однако, неоднозначен: современная ему, по сей день служащая нам ориентиром венгерская критика давала его захватывающим книгам не слишком высокую эстетическую оценку. Так, Аладар Балинт не просто называет «Леонардо да Винчи» (1901) донельзя перенасыщенным местами действия и событиями, ловко написанным, но легковесным романом, но еще и упрекает автора в «лживом пафосе русского национального самосознания» в связи с появляющейся в конце книги фигурой иконописца[10]. Интереснее всего

критическая статья в «Нюгате» по случаю выхода в Венгрии в 1921 году сборника эссе Мережковского о русской и западноевропейской литературе «Вечные спутники» (1897). В ней автор «уличается» в том, что, подходя ко всему с «русской меркой», он при этом испытывает неутолимую тоску по западной культуре. Осудив книгу за догматизм и национализм, рецензент обнаружил в ней родство со «Сметённой деревней» Дежё Сабо: для обоих писателей «расовые ценности» превыше всего[11]. Особенный успех имел писавшийся Мережковским уже в эмиграции и вышедший на венгерском языке в 1933 г. его трактат «Иисус Неизвестный», хотя ни тогда, ни позже венгерская критика не причисляла его к высокой литературе: автора чествовали скорее как мыслителя-мистика, вплотную подошедшего в этой книге «к величайшим из вопросов о первопричине, начале и конце мира и бытия»[12]. Переломный в жизни Мережковского разрыв с родиной остался как бы и незамеченным критиками. Что неудивительно, ибо даже опосредованно он не отразился в его сочинениях. Свидетельствующая об осведомлённости автора, жаждущая проникнуть в суть идей этого «вечного русского» писателя и при этом несколько высокопарная статья в «Нюгате» о Мережковском завершается так: «Истинные величины русской литературы, граф Лео Толстой (описка, имелся в виду Алексей Толстой, кстати, уже вернувшийся к тому времени, а именно весной 1923 г. в Россию – Э.Ш.), Куприн, Бальмонт, Бунин живут в Париже и в Берлине, Северянин в Эстонии (…) Горький возвращается домой, переходит на сторону революции, после чего замолкает в отвращении. (…) 1921 год. Год, когда Мережковский выпускает в свет последнюю часть второй своей трилогии, «14 декабря», в Берлине и в Париже, в этих мировых антиподах, как бы возвещая тем самым свой окончательный триумф над скачущим на розовой свинье (sic!) обожаемым и ненавистным Западом. Жена разделяет с ним изгнание, в котором он со всё той же фанатической верой и апостольским рвением пишет Христа и Антихриста, Толстого, в святой своей одержимости истиной Третьего завета пишет пророчества, как когда-то на страницах «Северного Вестника» или «Нового пути». (...) Издалека Мережковский оплакивает несчастье падшей, многогрешной, обожаемой своей матери, святой Руси. Последний его труд – «Антихрист». Последнее пристанище святому безумию мятущейся в отчаяньи русской души»[13]. За Мережковским в порядке известности следовал Бунин, одна

из повестей которого (см. ниже) была переведена ещё д*о* принесшей ему в 1933 г. настоящую славу Нобелевской премии. Венгерская пресса ценила Бунина выше Мережковского, правда, читателей у него было, скорее всего, поменьше, а вот пафосных дифирамбов в адрес «русскости» как таковой, подразумевавшей заведомо чудодейственные качества – отнюдь! Столь же типично было отмечать в Бунине продолжателя традиций классической русской литературы XIX века. Вот как начиналась основательная, с обзором всего творчества, статья по случаю выхода в свет на венгерском языке в 1926 г. «Митиной любви» (в венгерском переводе «Святыни любви»!). «Россия – неисссякаемая древняя почва, которая – какие бы вихри не бушевали над нею – вечно родит великих художников, с необычайной философской силой указующих новые пути, открывающих новые глубины. И в том, что роман сегодня – это нечто большее, чем просто развлечение, в значительной степени есть заслуга русских писателей, запускающих свою храбрую руку в самые глубины человеческой души, чтобы нащупать там потаённые её проблемы. Мы знали и ждали, что сегодня, когда русская нация гибнет от ужаснейших эпидемий, закалённый в муках и облагороженный ими родится новый русский классик, наследник Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова»[14]. Менее патетичен другой рецензент, Меньхерт Лендел: он приветствует не из ряда вон выходящего писателя, а отличную книгу: «"Святыня любви" показала любовь с новой стороны»[15]. Присуждению Бунину Нобелевской премии посвящено несколько коротких газетных сообщений и интервью, среди них и заметка Костолани, несколько романтически представлявшего себе её вручение русскому писателю, который «с 1920 г. живёт во французской глуши, в нужде, а то и в голоде, и вот – что за счастье вообразить! – благодаря давно покойному динамитчику французский почтальон вот-вот вручит ему восемьсот тысяч франков». Сам Костолани, вероятнее всего, успевший прочесть к этому времени только «Господина из Сан-Франциско», видит в Бунине наследника Чехова и Толстого[16].

Очень интересная, толковая, выдающая в авторе знатока своей темы статья о Бунине выходит в «Budapesti Szemle» («Будапештском обозрении») в 1934 г.[17] Автор её, Ласло Берени, отмечает безразличие, с которым венгерская пресса отнеслась к Нобелевской премии Бунина. Причину тому он видит в политике, достаточно убедительно объясняя политиче-

скими мотивами отсутствие подлинной (т.е. исходящей именно из художественных достоинств произведения) рецепции эмигрантской и отчасти советской русской литературы. Бунина и Мережковского упрекали в том, что они отвернулись от оставшихся на родине и смирившихся с советской властью русских писателей. По мнению Берени, упрёк этот несправедлив, но зато «его считает справедливым то самое международное литературное общественное мнение, у которого не нашлось ни слова протеста по поводу кровавых гекатомбов русского террора, и которое теперь с такой неслыханной щепетильностью не желает, не в силах простить бездомным русским писателям, что те смеют поднять голос в защиту гибнущей тысячелетней православной культуры. То самое общественное мнение, которое с опаской и лишь изредка заводит речь о кровавых муках русского народа и ужасах новой жизни, расценило как политиканство и грех слово писателей-эмигрантов в защиту страждущего русского народа». То есть причина молчания не в том, что политически ангажированная литературная общественность приняла сторону советской литературы – на то и существует в разных странах левая пресса – а в том, что европейское общественное мнение чувствует себя неловко из-за антисоветских взглядов русских, живущих на Западе.

На одной из вышедших в 1926 г. двух книг по истории русской литературы, др. Иштвана Семана[18], особенно задерживаться не стоит, самое интересное в ней – сам факт ее появления. Опровергая свое название «Новая русская литература», она излагает курс истории русской литературы целиком, уделяя литературе новейшего времени лишь несколько страниц. Читателю бросается в глаза, что автор имел дело исключительно со вторичными источниками, порой превратно толкуя их. Единственная серьёзная заслуга книги в том, что она впервые в венгерской критике упоминает Ахматову и Гумилёва, причем в положительном плане. Историческая концепция работы на редкость незатейлива, Шандор Бонкало разделался с ней в своем труде по истории русской литературы, приведя слова одного эмигрантского писателя: среди первопричин революции ищи еврейскую интригу.

Для понимания венгерской рецепции русской литературы показательно, кто, собственно, занимается этим профессионально. Родившийся в 1880 г. Семан в детстве одно время жил в Северной Венгрии среди

русинов, позднее преподавал закон божий в греко-католической (униатской) школе. В своей критической статье[19], посвященной работе Семана, Бонкало подмечает и ошибки из-за слов, которые по-русски и на языке закарпатских русин звучат одинаково, а означают разное. У Бонкало русинский был вторым родным языком, а сам он был родом из закарпатского города Рахова. Он хорошо владел и русским языком, и литературу знал основательно. Что помимо многочисленных переводов подтверждает и его двухтомная «История русской литературы». О самостоятельности мышления Бонкало и знании им своего предмета свидетельствует одна небольшая статья, бывшая, видимо, судя по дате её публикации в «Нюгате», побочным продуктом его работы над двухтомником. Называлась она «Русская эмигрантская литература»[20]. Значение этой статьи невозможно переоценить: ведь она по сути была единственной в своём роде. Остальные труды, в том числе двухтомная «История русской литературы» самого Бонкало, рассматривают отдельных авторов вне зависимости от среды их проживания. Расходясь с привычной для филолога практикой, Бонкало в своей статье сразу фокусирует внимание читателя на том, что речь пойдёт об особой группе людей, чью жизнь, быт, культуру решающим образом предопределило их эмигрантское существование: «В конце 1919 г., когда завершились гражданские войны и окончательно воцарился большевизм, сотни тысяч русских тронулись в путь в поисках новой родины. Большая часть русской интеллигенции покинула свои дома и вот уже шесть лет как ест горький хлеб эмиграции. Около двух с половиной миллионов русских живет сегодня за пределами страны, в большинстве своем это помещики, офицеры, журналисты, художники, политики, профессора и царские чиновники. Самые знаменитые из живущих в эмиграции писателей – Бунин, Мережковский, Ремизов, Куприн, Чириков, Цветаева, Гиппиус, Арцыбашев, Немирович-Данченко[21], Бальмонт, а с недавних пор и Горький, есть и множество других более или менее известных писателей и поэтов; из известных у нас писателей в эмиграции умерли Аверченко и Леонид Андреев. По численности гораздо больше писателей живет заграницей, чем на родине, и всё же то прекрасное и ценное, что создала за эти шесть лет русская литература, вышло из-под пера оставшихся дома, так что странно звучит из уст эмигрантских критиков (Антона Крайнего, например) утверждение, будто "духовная жизнь России теперь заграницей" (Бонкало

пока не знает, что «Антон Крайний» – та же Гиппиус – Э.Ш.). Поскольку подлинные величины остались дома, эмигрантские писатели желают восполнить скудость таланта спесью». Тех эмигрантов, которые «не сменили свой предреволюционный реалистический стиль и подход», Бонкало считает консервативными. По его мнению, «искусство не может застыть в одной точке. Что не развивается, то неизбежно умирает». И как искусство эмигрантская литература и в самом деле «при смерти». Бунин почти не пишет; Мережковский повторяется – утверждает Бонкало, хотя, впрочем, и прежний Мережковский видится ему холодным и манерным; Арцыбашев с головой ушел в журналистику; Бальмонт пишет так, как писал четверть века тому назад. Самый замечательный поэт эмиграции, Марина Цветаева, лучшие свои стихи написала ещё в Москве. Ремизова венгерская и вообще западная читающая публика не знает, «хотя, как и Мережковский, это один из самых ярких талантов эмиграции». Далее автор говорит – и весьма пренебрежительно – о популярном в эмигрантской среде чтиве, главным образом слабых исторических романах. Это «тенденциозные монархические» романы о войне и революции с героями-аристократами, которые сражаются за восстановление самодержавия. Враги их – большевики, чаще всего мерзкие до ужаса, утратившие человеческий облик евреи. Бонкало, наверное, был первым в Венгрии, кто в эти годы размышлял над вопросом, впрочем, давно его занимавшим: где же теперь подлинная русская литература? Венгерский литературовед был, конечно, не прав, утверждая, что литература эмиграции исчерпывается неким коренящимся в прошлом реализмом, ведь и в его перечне есть писатели и поэты, от традиционного реализма весьма далёкие – Цветаева, Ремизов, Бальмонт. Но заслуга статьи прежде всего в открытии для венгерской читающей публики имён Цветаевой и Ремизова. Мы-то знаем теперь, что значит для русской поэзии Марина Цветаева, а ведь пройдут ещё долгие десятилетия, прежде чем в Венгрии по-настоящему узнают о ней! В своей вышедшей некоторое время спустя «Истории литературы»[22], в главе «Послереволюционная литература» Бонкало скажет о русской духовной диаспоре: «Центрами русской культурной жизни являются сегодня Петербург, Москва, Берлин и Прага. Значительная часть оставшихся на родине писателей нашла убежище в Петрограде (...). Эмиграция разбросана по всему свету, главные её издательства, газеты и журналы сосредоточены в Берлине и

Праге, хотя русские издания выходят и в других крупных городах – Париже, Стокгольме, Софии».

Бонкало – довольно рано поднимая этот вопрос – настаивает на неделимости русской литературы: «пускай значительная часть писателей пребывает заграницей, мы, тем не менее, не можем говорить об отдельной российской и отдельной эмигрантской литературах. Есть лишь одна русская литература, хотя множество новых вещей выходит заграницей, и даже среди оставшихся дома находятся писатели, издающие свои работы не только в России, но и заграницей». Симпатии его – как и в статье об эмигрантской литературе – на стороне оставшихся: «Всё, что ни появилось за последнее время интересного, принадлежит перу оставшихся дома. Чтобы излить душу, поэту мало одной свободы, без запаха родной земли тоже не обойтись». Несмотря на такое безоговорочное заключение, анализ Бонкало подводит к выводу, что революция и большевики действуют на талант в целом парализующе. Сегодня мы уже знаем, что к моменту выхода книги в свет «два берега» русской литературы, как позднее назовут их эмигранты, силой административного указа, с закрытием границ оказались безнадёжно далеки друг от друга. В «Нюгате» выходит хвалебный критический отклик на «Историю русской литературы» Бонкало[23]. Представляет интерес начало статьи Дюлы Лазициуса: «Только сейчас, в 1926 г., издательство, наконец, расплатилось с лежавшим на нашей совести долгом перед широкой читательской публикой, чей интерес к русской литературе за годы войны вырос многократно. Этот интерес питала главным образом нерешённость русского вопроса, хотя свою роль сыграл и культурный раскол («rászkol» sic!), который русская культурная жизнь с её крупными центрами в эмиграции отчасти вынесла сюда, в Европу, и более подвижное европейское кровообращение теперь все чаще и чаще поставляет нам новый и непосредственный материал». Выходит, вопреки внушаемой газетами видимости, был налицо и такой культурный интерес, который был способен обращаться к русской советской и эмигрантской литературе раздельно, при этом распознавал таившиеся в эмиграции творческие потенции, приближал русскую культуру к европейскому читателю, делал её доступнее.

Позитивная оценка Дюлы Лазициуса заслуживает серьёзного отношения: впоследствии знаменитый языковед, Лазициус в молодости занимался исследованиями русской литературы и философии; в языковедче-

ском своём качестве поддерживал связи с русской эмиграцией, оппонировал в Пражском лингвистическом кружке.

В двадцатые годы в русской культуре его занимали главным образом классическая литература XIX века и театр начала века[24]. Русскую литературу он рассматривает в её философском аспекте, исходя из главной особенности русского национального мышления: начиная с XIX века отправной точкой в развитии философии становится художественная литература. Лазициус внимательно следил за европейской философской периодикой[25], так в его руки однажды попал журнал «Der russische Gedanke», немецкий вариант «Русской мысли», одного из самых замечательных изданий русской эмиграции. «Только что в Бонне вышла первая тетрадь периодического издания русских философов. (...). Это было потребностью не только русских философов, чей голос до сих пор доходил до нас лишь от случая к случаю, но и европейской публики, которая увидит теперь результат работы русской мысли, не прекращающейся и в столь трудных обстоятельствах». За «писательской маской» всякого значительного русского автора, замечает Лазициус, всегда скрывается «лицо философа», в то время как профессиональная русская философия всё ещё не проникла в европейское кровообращение, и русскую философию в европейском сознании представляют прежде всего писатели. Авторы журнала: Булгаков, Флоренский, Карсавин, Бердяев, Лосский, Яковенко (он же редактор), Франк. Самым репрезентативным материалом номера Лазициус считает эссе Бердяева о свободе[26].

Претерпевавшая на Западе новую стадию своего развития русская религиозная философия и, опять-таки, Бердяев привлекают внимание и публиковавшегося в «Szép Szó» Пала Шиманди. «Szép Szó» («Довод») стоит на стороне советской литературы: ведь речь идет о журнале левой ориентации, чьими авторами в середине тридцатых годов были Аттила Йожеф, Пал Игнотус, Ференц Фейтё, и в силу этого предвзятость позиции понятна. И тем не менее журнал посвящает серьёзную статью Бердяеву, взгляды которого показались автору достойными полемики. Шиманди замечает, что, согласно Бердяеву, Европа стоит перед выбором: большевизм или евангельская мораль. Бердяев не поклонник демократии, ибо полагает, что судьба истины не решается большинством голосов. Автор явно сочувствует замешанной на подлинной вере, к тому же не приемлющей

индивидуализма западного христианства мысли Бердяева, хотя (показательно возражение левого по своим убеждениям комментатора!) тот и не принимает во внимание куда более весомый, с точки зрения рецензента, общественно-экономический фактор.

Приведу один, но весьма яркий пример того, как радикальная, в данном случае однозначно просоветская пресса старалась держаться подальше от эмигрантов, попросту игнорировала их. На страницах нелегальной коммунистической газеты «100%», выходившей с сентября 1927 г. по лето 1930 г., много говорилось о советской литературе, публиковались – под собственными именами или под псевдонимами – статьи венгерских авторов, живших в это время в эмиграции в СССР, таких как Янош Маца, Дёрдь Лукач[27], Шандор Гергей, переводы произведений Бабеля, Эренбурга и др., но только вот об эмигрантах не было ни полслова.

Перечитывая журналы межвоенных лет, убеждаешься, что наиболее живую, сбалансированную, свободную от влияний политической конъюнктуры картину русской литературы того времени представлял «Нюгат», особенно до начала тридцатых годов. На его страницах и между двумя войнами продолжали писать о русских классиках XIX века, не чурались и современной литературы, особенно много писали о советской. Действовавшее при журнале издательство публиковало сборники произведений современной зарубежной литературы, так, в 1936 г. выходит в свет «Сегодняшний русский Декамерон»[28], составленный крупным поэтом Дюлой Ийешем. В него вошли первоклассные сочинения тех советских авторов, которых печатали в СССР, с большими или меньшими препятствиями. Во введении к книге составитель с воодушевлением повествует о советских писателях и советском обществе – оно было написано примерно два года спустя после путешествия Дюлы Ийеша по СССР[29]. По поводу эмигрантов Ийеш замечает лишь, что те не попали в сборник в силу его ограниченного объема: «Вот почему мы не публикуем живущих в эмиграции Бунина, Куприна, Мережковского». Через три года после получения Буниным Нобелевской премии это было скорее свидетельством политической позиции Ийеша и, вероятно, помогавшего ему в составлении книги переводчика Хуго Геллерта.

Менее взыскательная пресса выказывала к русской эмиграции интерес другого рода. Популярную, пожалуй, даже самую популярную фигуру

русского эмигранта в Европе тех лет являл собой легендарный бас Федор Шаляпин. Изгнанничество, бродяжья жизнь делали его и без того романтический образ ещё загадочней. Он не раз посещал Венгрию и всегда выступал с огромным успехом[30]. Пресса с воодушевлением освещала его приезды и всё с ними связанное: неисчислимые анонсы, репортажи, отклики музыкальных и театральных критиков. Шаляпин и сам охотно давал интервью. В «Нюгате» печатались фрагменты его автобиографии в переводе с немецкого Вираг Мориц[31]. Некоторые автобиографические заметки Шаляпина о детстве, о дружбе и работе с Рахманиновым, знакомстве со знаменитым историком Ключевским публиковались в «Pesti Napló»[32]. Из репортажей и интервью следовало, что его можно было расспрашивать о чём угодно, только не о делах в отечестве. Рассказывают, что, посетив Венгрию в четвёртый раз, он проникся такой убежденностью в несправедливости Версальского мира (Трианонского договора), что даже наизусть выучил песню «*Верую во единого*» по-венгерски[33].

Иван Мозжухин, ярчайшая звезда немого кино, попал в бульварную хронику под заголовком: «Мозжухин – как причина пештского развода»[34]. Или вот ещё один пример в том же роде: «Разговор с русской графиней под портретом Николая Второго из слоновой кости» – навевающее ностальгическую атмосферу рассказов рубежа веков интервью (с литературной претензией) представляло читателю беженку-аристократку, которая ценой невероятных мучений добралась до Будапешта, где была вынуждена – прожив остатки состояния – зарабатывать на панели. Таков был создаваемый массовой периодикой фон, на котором воспринималась собственно художественная литература.

Итак, говоря о русской жизни и культуре в период между двумя мировыми войнами, венгерская пресса, увы, чаще всего довольствовалась стереотипами. Русская жизнь для неё отдавала экзотикой, а литература воспринималась как зеркало, отражающее реалии далекой экзотической страны. И хотя некоторые авторы в серьезных изданиях и совершали робкие попытки вывести русскую литературу (и литературу эмиграции как часть ее) из гущи давно уже ставших бессодержательными клише, общей картины это никак не меняло: венгерская пресса в целом не стремилась уточнить, углубить, оттенить, привести в систему расплывчатые сведения о русской эмиграции.

Примечания

[1] [sz.n.] Csehov Antal (1860–1904), Vasárnapi Ujság, 1904, 526.

[2] Римское интервью. См.: Pesti Napló1928. április 8.

[3] Репортаж из Риги. См.: Az Est («Вечер), 1928. október 13.

[4] Az Est, 1928. október 24.

[5] Pesti Napló, 1928. október 28. 11.

[6] A magyar irodalom a huszadik században, Nyugat, 1924 /I. 761–804.

[7] „Горький в Мариенбаде, в присутствии одного венгерского журналиста из Праги, выразил пожелание иметь справочный материал по венгерской литературе, который был бы написан для него венгерским автором. Венгерский журналист из Праги обратился к Шёпфлину." Gellért Oszkár: Gorkij, Kortársaim («Мои современники»), Bp., 1954, 248–261.

[8] См. в том же сборнике: Gellért Oszkár, Gellért Hugó és Gorkij levélváltásairól («О переписке Хуго Геллерта с Горьким»).

[9] Nyugat, 1925/ II. 545–558.

[10] Bálint Aladár: Mereskovszki: Leonardo da Vinci, Nyugat, 1914/II. 189–191.

[11] Király György: Mereskovszki: Örök utitársak, Nyugat, 1921/II. 1043–1044. Роман писателя Деже Сабо «Сметеиная деревня», опубликованный в конце 1919 г., имел огромный успех, выразив массовые умонастроения в венгерском обществе, не способном примириться с происходящим на его глазах распадом Венгрии в ее исторически сложившихся еще со времен раннего средневековья границах. Закрепленный Трианонским мирным договором 1920 г. распад исторической Венгрии, уступавшей более двух третей своих «коронных» земель соседним странам, изображался в романе как результат подрывных действий инородных, чуждых венгерскому национальному духу сил (Примечание отв. редактора).

[12] Trócsányi Zoltán: Az ismeretlen Jézus, Pesti Napló, 1933. december 10.

[13] Surányi Miklós: Mereskovszkij, Nyugat, 1924/I. 658–671.

[14] ifj. Bókay János: Bunin Iván, az új orosz irodalom klasszikusa – magyarul, Pesti Napló, 1926. október 29.

[15] Lengyel Menyhért: A szerelem szentsége. Bunin Iván könyve, Nyugat 1926/II. 967–968.

[16] Színházi Élet («Театральная жизнь»), 1933. november 26.

[17] Berényi László: Az ismeretlen Bunyin(«Неизвестный Бунин»), Budapesti Szemle, 1934, Vol. 232., № 674., 103–116.

[18] Az újabb orosz irodalom («Новейшая русская литература»), Bp., Szent István Társulat, 1926.

[19] Bonkáló Sándor: Orosz irodalom (Dr. Szémán István: Az újabb orosz irodalom, a régibb irodalom történetének vázlatával), Budapesti Szemle, 1928, Vol. 208., № 602. , 149–160.

[20] Nyugat, 1925/III. 450–453.

[21] Речь идет о Василии Ивановиче Немировиче-Данченко (1844–1936), плодовитом писателе и журналисте, брате одного из основателей и многолетних руководителей Московского художественного театра (Примечание отв. редактора).

[22] Bonkáló Sándor: Az orosz irodalom története I–II., Bp., 1926.

[23] Laziczius Gyula: Bonkáló Sándor könyve. Az orosz irodalomról, Nyugat, 1926/II. 153–155..

[24] Ср.: Dukkon Ágnes: Laziczius tanulmányai az orosz irodalomról // Filológiai Közlöny, 1982/2–3. 323–328.

[25] Ibid.

[26] Laziczius Gyula: Egy orosz bölcseleti folyóirat. „Der russische Gedanke" (Jakovenko folyóirata), Budapesti Szemle, 1929, Vol. 214., № 621., 309–311.

[27] Всемирно известный философ-марксист Д. Лукач, действительно, входивший в круг авторов газеты, жил в то время главным образом в Вене, нелегально выезжал в Будапешт для ведения подпольной партийной работы. В Москву приехал в самом конце 1929 г., став сотрудником Института Маркса-Энгельса (Примечание отв. редактора).

[28] Mai orosz dekameron, сост. Illyés Gyula, пер. Gellért Hugó, Bp., [1936]

[29] См. на русском языке: Ийеш Д. Россия. 1934. Перевод Т. Воронкиной. М., 2005.

[30] См. в настоящем сборнике статью Ф. Лукьянова.

[31] F. Saljapin Gyermekévei (Детские годы), Nyugat, 1929/II. 627–641.

[32] Saljapin: Hányatott életem sora (Судьба моя неприкаянная), Pesti Napló, 1928. augusztus 26.

[33] Feiks Jenő: Megjött Saljapin, a világ legnépszerűbb énekművésze (Приехал Шаляпин, самый популярный в мире певец). Az Est, 1925. október 13.; Saljapin a magyar igazságról szónokolt egy körúti bárban (Шаляпин в баре на Кольцевой витийствовал о мадьярской правде). Az Est, 1928. december 11.; Egy ember, akinek nincs hazája. Saljapin Budapesten, (Человек, у которого нет родины. Шаляпин в Будапеште), Pesti Napló, 1928. november 3.

[34] Pesti Napló, 1927. november 3.

Памяти Эмиля Нидерхаузера

(1923 – 2010)

В конце марта 2010 г. на 87-м году жизни скончался выдающийся венгерский историк-славист Эмиль Нидерхаузер, действительный член Венгерской академии наук, профессор Будапештского университета.

Эмиль Нидерхаузер родился в Братиславе в ноябре 1923 г. Основы жизненного опыта его поколения заложила вторая мировая война. В юности будущий историк стал свидетелем мюнхенского соглашения западных демократий с Гитлером за счет первой Чехословацкой республики и образования на ее руинах формально независимой Словакии, фактически германского протектората. Как признал в одной из работ выдающийся венгерский леволиберальный мыслитель XX века Иштван Бибо, элита Первой Чехословацкой республики, исполненная политического оптимизма, после Мюнхена с горечью ощутила, и с полным на то основанием, что «Европа бросила чехов на произвол судьбы, а национальные меньшинства нанесли им удар в спину». В результате политический облик чехословацкого государства, возрожденного в 1945 г. после постигшего его краха, омрачала все та же память о национальных катастрофах, которая была свойственна в новое время польской и венгерской нациям, тогда как в политическом сознании чешской нации успела изгладиться за 300 лет, прошедших после поражения от Габсбургов под Белой Горой. Чешская элита во главе с президентом Э. Бенешем теперь уже не питала, как в 1920-1930-е годы, надежд на то, что демократия поможет ей сплотить многоязычное общество в единую государственную нацию. В 1945 г. была выдвинута программа выселения неславянских национальных меньшинств, поддержанная великими державами-победительницами там, где дело касалось 3 млн. немцев, и лишь отчасти поддержанная применительно к 700-соттысячному венгерскому меньшинству. В числе сотен тысяч других уроженцев Чехословакии Э. Нидерхаузер был вынужден покинуть родную страну, переселившись в Венгрию. Но озлобленность

и тяга к реваншизму не были свойственны его натуре ни в малейшей степени. Этнический немец и уроженец Словакии, человек, выросший в поликультурной среде межвоенной Братиславы, Эмиль Нидерхаузер органически не принимал национальной ограниченности и шовинизма любой окраски, его многогранная деятельность исследователя и педагога не только явилась важным связующим звеном российско-венгерских и венгерско-славянских культурных и научных связей в новейшее время, но и стала примером толерантности, умения вести уважительный диалог с историками других национальных школ в процессе выявления глубоких корней болезненных межэтнических споров в Центральной Европе. Ученый огромной эрудиции, обладавший широким кругозором и диапазоном научных интересов, Эмиль Нидерхаузер снискал уважение историков разных стран.

На протяжении многих десятилетий жизненный путь и творческая деятельность Э. Нидерхаузера были связаны с Институтом истории Венгерской академии наук. Среди ранних его работ были сравнительно-исторические исследования по аграрной истории, в частности, об освобождении крестьян от крепостной зависимости в странах Восточной Европы. Позже Э. Нидерхаузер сосредоточился на проблемах формирования наций, сопоставительном изучении идеологии и политической практики национальных движений XIX века как в Средней Европе (в первую очередь, в монархии Габсбургов), так и на Балканах. Его работы в этой области, опубликованные не только на венгерском, но и на других языках, получили международное признание (см. на английском языке: Niederhauser Emil. The Rise of Nationality in Eastern Europe. Budapest, 1982).

Эмиль Нидерхаузер – один из основоположников венгерской балканистики, его перу принадлежит ряд обобщающих работ по истории славянских и неславянских стран балканского полуострова в XIX – начале XX вв., о международных отношениях на Балканах. Определенный вклад ученый внес и в изучение германской истории – его особенно интересовали проблемы германо-венгерских, славяно-германских отношений, политика Германии и Австро-Венгрии в Юго-Восточной Европе.

Академику Нидерхаузеру принадлежит выдающаяся роль в становлении венгерской исторической русистики. В 2000 г. вышла написанная им совместно с учениками, ведущими историками-русистами Венгрии М. Фонт, Д. Сваком и Т. Краусом первая в венгерской историографии фундаментальная (около 50 п.л.) «История России», охватывающая период от Киевской Руси до распада СССР в 1991 г. Эта книга, которую с полным правом можно считать итоговым трудом венгерской исторической русистики последних десятилетий и ее своего рода «визитной карточкой», имела широкий резонанс в академической среде Венгрии и за ее пределами. Э. Нидерхаузер был среди инициаторов создания на базе Будапештского университета Венгерского института русистики, который силами его учеников ведет большую научно-исследовательскую и публикаторскую работу, регулярно проводит представительные международные конференции с привлечением известных историков из Москвы и Санкт-Петербурга.

Эмиль Нидерхаузер активно участвовал в деятельности совместной российско-венгерской (в прошлом советско-венгерской) комиссии историков со времени ее основания в начале 1970-х годов, в постоянных консультациях с ним проходила работа над этапными по своему значению трудами Института славяноведения и балканистики – трехтомной «Историей Венгрии» (1971-1972), «Краткой историей Венгрии: С древнейших времен до наших дней» (1991), многотомной серией исследований 1970-1980-х годов «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры».

Эмиль Нидерхаузер входил в круг авторов ряда российских академических журналов. Так, его статья «Славянские народы империи Габсбургов в революции 1848 г.» («Славяноведение», 1998. № 6) отражает точку зрения крупного венгерского историка по остающимся дискуссионными в современной российской науке проблемам острых межнациональных отношений в Австрийской империи во время так называемой «весны народов» 1848-1849 годов.

Педагог с многолетним стажем, профессор Будапештского и Дебреценского университетов, Э. Нидерхаузер воспитал не одно поколение

славистов и русистов в Венгрии, много работал с иностранными студентами, специализирующимися на истории венгерско-славянских связей. Среди его учеников были не только известные венгерские, российские, словацкие, но также польские, болгарские историки, признательные своему учителю.

На склоне лет академик Э. Нидерхаузер был по-прежнему полон свежих идей и замыслов, восприимчив к новому в исторической науке. В конце 1990-х годов по его инициативе в Дебрецене начал издаваться новый исторический журнал «Клио», задача которого заключалась в том, чтобы знакомить подготовленного венгерского читателя с новейшими достижениями мировой, и не в последнюю очередь российской, а также польской исторической науки. Целый ряд книг Института российской истории и Института славяноведения РАН был отрецензирован на страницах этого издания. В декабре 1999 г. автор этих строк преподнес в дар маститому венгерскому академику опубликованные в Москве протоколы допросов всемирно известного венгерского философа-марксиста Дьердя Лукача, проведшего несколько месяцев в камере на Лубянке в 1941 году. И можно представить себе, насколько велика была благодарность нас, составителей книги, когда через считанные месяцы на страницах венгерского академического журнала была опубликована глубокая и благожелательная, при том не лишенная конструктивной критики, рецензия патриарха венгерской историографии, никогда не считавшего себя специалистом по новейшей истории, но проявившего глубокое знание конкретно-исторических процессов, затронутых в этой книге.

Одним из давних и любимых увлечений Эмиля Нидерхаузера был петербургский период российской истории. Многие венгерские читатели разных поколений могли впервые подробно узнать об эпохе и личности Петра I, о вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. из его научно-популярных книг и учебных пособий, основанных на серьезном изучении работ российских историков. И кажется глубоко знаменательным тот факт, что последние годы жизни выдающегося венгерского слависта прошли в городке Ирем близ Будапешта, в элитном доме престарелых, расположенном всего в сотне-другой метров от места символичного для

русско-венгерских связей первой половины XIX века – здесь была похоронена полюбившаяся венграм великая княгиня Александра Павловна, дочь Павла I и жена наместника венского двора в Венгрии Иосифа Габсбурга. На месте ее погребения был построен православный храм, остающийся и сегодня одним из центров духовного притяжения русской диаспоры в Венгрии.

Светлая память об академике Эмиле Нидерхаузере – обаятельном человеке и блестящем ученом, навсегда сохранится в сердцах людей, его знавших.

А.С. Стыкалин

Сведения об авторах

Варга Ева Мария – (PhD), руководитель Архивного Института при Культурном, научном и информационном центре Венгрии в Москве

Ким Николай, отец – кандидат богословия, протоиерей (отдел внешних связей РПЦ). Долгие годы служил настоятелем русских православных храмов в Будапеште и Иреме

Колонтари Аттила – (PhD), доцент Капошварского университета (Венгрия)

Лукьянов Федор Егорович – журналист, корреспондент российских газет в Венгрии

Петрушева Лидия Ивановна – заведующая архивохранилищем фондов по истории русской белой эмиграции в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)

Пихурик Юдит – (PhD), доцент Сегедского университета

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Халас Иван – (PhD), старший научный сотрудник Института государства и права Венгерской академии наук, доцент Католического университета им. Петера Пазмань

Шереш Аттила – (PhD), заместитель директора Культурного, научного и информационного центра Венгрии в Москве, старший научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук

Шиллер Эржебет – (PhD), доцент Западно-венгерского университета (г. Сомбатхей)

Шкаровский Михаил Витальевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

inslav

Автомобильные Курсы
РУССКАЯ ШКОЛА

Деникин с женой Ксенией Васильевной
и дочерью Мариной 1923/24
Венгрия

Слушатели Курсов Языков
РУССКАЯ ШКО